

РОМАН УОЛТЕРА ЛЕСЛИ РИВЕРА

ТОРГУТЫ

18+

Уолтер Лесли Ривер

"Торгуты"

«Автор»

2026

Ривер У.

"Торгуты" / У. Ривер — «Автор», 2026

Роман Уолтера Лесли Ривера "Торгуты" 1939 года повествует о драматическом историческом событии – великом переселении торгутов с берегов Волги в Западный Китай в 1770-х годах. В центре сюжета – восстание торгутов против политики империи Екатерины Великой. В 1771 году Торгутская орда, насчитывавшая около 400 тысяч человек, отправилась в изнурительный трехтысячемильный поход из российских степей в Центральную Азию, на историческую родину предков – в Джунгарию (современный Синьцзян, Китай). В сердце повествования – история Субутая, сына торгутского генерала, влюбленного в Кедар-чаб, младшую сестру Убаши-хана, последнего калмыцкого хана из торгутского рода керейтов. Книга сочетает в себе драму, философские размышления, проникновенные описания любви, надежды, патриотизма и неутолимой жажды свободы на фоне трагических событий, развернувшихся вокруг полумиллионной орды. Газета "The New York Times" по размаху темы сравнивала роман с "Войной и миром" Льва Толстого.

© Ривер У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие от автора.	5
Действующие лица	7
Глава 1.	8
Глава 2.	14
Глава 3.	22
Глава 4.	28
Глава 5.	35
Глава 6.	46
Глава 7.	55
Глава 8.	61
Глава 9.	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Уолтер Лесли Ривер

"Торгуты"

Предисловие от автора.

Приступая к художественному воссозданию истории, основанной на реальных событиях, романист неминуемо сталкивается с двумя основополагающими ограничениями, которые он должен принять a priori.

Во-первых, он обязан чтить исторический факт, скрупулезно сохраняя суть произошедшего. Однако в случае с великим переселением торгутов в 1771 году возникает почти противоположная проблема: не столько обилие, сколько недостаток исторических сведений, или, точнее, сложность их расшифровки и интерпретации, становится сдерживающим фактором.

Во-вторых, работая с чужой культурой, с ушедшей эпохой, с землями, которых никогда не видел, писатель должен интуитивно проникнуться духом времени и народа, словно сам стал торгутом. При этом необходимо сохранить общечеловеческое измерение, которое делает нас, людей XXI века, в некотором смысле, современниками тех, кто жил в далеком и чужом краю.

Таким образом, задача романиста – найти способ, в рамках этих ограничений и в пределах своего писательского мастерства, вдохнуть жизнь в историю, сделать ее понятной и значимой для современного читателя. Он должен взять на вооружение знания историков, географов, этнологов, антропологов и, опираясь на собственную эмпатию и воображение, искусно вплести эти факты в канву повествования, упорядочить и осветить их так, чтобы получилось произведение одновременно узнаваемое и экзотическое, наглядное, несмотря на его умозрительный характер, волнующее и значимое, несмотря на его чужеродность.

В истории почти невероятного переселения торгутов мое внимание впервые привлек небольшой отрывок, всего чуть больше страницы, в "Истории Китая" Деметриуса Булджера. В этом лаконичном рассказе Булджер упоминал, что в 1771 году торгутские монголы – полмиллиона человек с почти пятью миллионами голов скота – проделали путь почти в три тысячи миль от берегов Волги в России до гор Тянь-Шаня в Китае, спасаясь от гнета Екатерины II, прозванной Великой. Это переселение не оказало непосредственного влияния на ход истории ни Российской, ни Китайской империи, и, возможно, поэтому Булджер отнесся к этому событию как к полуполюгендарной сноске из глубин Азии. Однако, несмотря на завесу тумана и домыслов, окружавшую переселение торгутов, в этой истории я разглядел глубокую человеческую драму.

Здесь были и переселение, и катастрофа эпического масштаба. В доисторические времена подобные массовые передвижения народов происходили относительно часто, формируя этнологическую и культурную карту мира, которую мы унаследовали. Последним великим переселением народов на рубеже архаики и истории стал исход евреев из Египта. Ближайшей современной параллелью, пожалуй, можно считать недавнее бегство каталонцев из Барселоны. Возможно, наше время созревает для новых массовых миграций демократических народов из городов и земель, захваченных чужими угнетателями. Но ничто в современной истории не сравнится ни с переселением торгутских монголов, бежавших от тирании русской царицы, ни с горькой иронией их окончательного пленения и уничтожения, ставшего следствием сговора и некомпетентности их собственных священников и князей при китайском императоре.

Как же такая история могла почти затеряться в анналах истории?

Бессмысленно перечислять все возможные объяснения. Историки, естественно, сосредоточены на событиях, оставивших заметный след в истории. В этом контексте мания величия Гитлера или Муссолини может казаться более значимой, чем извечное стремление народов к свободе. Однако для романиста именно последнее соображение должно иметь первостепен-

ное значение. И когда исторических свидетельств немного, романист должен искать ответы в самом надежном путеводителе – в разуме и сердце человечества.

В случае с переселением торгутов от основных событий остались лишь смутные очертания. Существует всего пять значимых документов, непосредственно относящихся к этому событию. Эти работы, как указано в исторической справке в конце книги, противоречивы и в некоторой степени пристрастны.

Задача распутать эти противоречия, найти дополнительные исторические сведения о переселении и торгутских монголах, об их внешности и образе жизни, о том, как они вообще оказались в России, о проблемах, с которыми столкнулся кочевой народ под натиском сельскохозяйственной и промышленной мощи имперской России, о том, как они шли в Китай, о фактическом маршруте их переселения, о топографии, флоре и фауне, с которыми они сталкивались в пути, о причинах, по которым героический народ, возвращающийся на свою исконную землю, совершал так много почти слепых и противоречивых поступков, об экономических и человеческих факторах в их собственной среде, которые в значительной степени способствовали их окончательной катастрофе, – все эти вопросы требовали исследований и последующей реконструкции в роман, повествующий о сложном человечестве, борющемся в свое время и в своем месте за многие из тех же вещей, к которым стремятся люди сегодня.

Трагическая история торгутов для меня – это не просто изолированный эпизод, затерянный в легендарных приграничных землях истории. Скорее, это почти современный пример вечного стремления человека к миру и свободе. Ирония их попадания в еще большее угнетение, чем то, от которого они бежали, – это ирония незаконченной истории. Ибо история, которая поистине охватывает все переселения и борьбу людей, независимо от места и времени, – это история движения человека к чему-то, чего мы в конечном итоге достигнем: свободе, миру, братству всего человечества.

Уолтер Лесли Ривер.

Действующие лица

- Убаши, хан Торгутской Орды, прямой потомок самого Чингисхана.
- Цебек, двоюродный брат Убаши, председатель Торгутского Совета.
- Кедар-чаб, младшая сестра Убаши.
- Темуру, торгутский генерал.
- Субэдэй, сын Темуру, воин.
- Бабушка, мать Темуру.
- Гедесу, брат Субэдэя, богатый пастух.
- Гашун, жена Гедесу.
- Багха, шаман-колдун.
- Лоузанг, Главный Лама торгутов.
- Васильев, казак-заложник.
- Лев Золоцкий, еврейский раб.

Глава 1.

Книга 1.

Путь человека только один.
Девиз торгутов.

Там, где живут такие люди, больше нет места для пастбищ наших стад и для таких людей, как мы, чтобы жить в мире.

Чингисхан

Глава 1.

Мягкий дождь падал так нежно, словно каждая капля раскрывалась хрустальными крыльями и опускалась на землю с невесомой легкостью первого снега. Бледность вечернего неба, нежданно проступившая сквозь тучи, намекала: в вышине уже кружится зимний хоровод из снежинок. Казалось, сама холодная атмосфера, медленно погружаясь под собственной тяжестью, снисходила на землю. Непрозрачное свечение, спускаясь всё ниже и ниже, окутывало мир. И там, где дождь, разбиваясь, ложился тончайшей изморозью, замерзшая почва тускло поблескивала, вторя призрачному свету небес.

Сквозь зимнюю пелену сумрака молодой торгутский всадник приблизился к мысу, чей силуэт всё еще слабо проступал на фоне гаснущего неба. Остановившись, он окинул взглядом просторы. Далеко на западе, за темными водами Волги, мерцали огни форта Дженат.

То была ночь на 5 января 1771 года - канун Рождества по русскому календарю, первый день двенадцатого месяца в Году Зайца, как предрекали торгутские звездочеты.

Юный воин, пристально вглядываясь в далекий форт, с остротой чувствовал значимость грядущего. Форт Дженат был не просто каменными стенами и деревянными постройками, не просто казачьим гарнизоном. Он воплощал в себе обширную и могущественную власть русской царицы Екатерины II, чьи крепости и гарнизоны, подобные Дженату, словно стальным кольцом, сжимали вольные пастбища торгутов. С первыми лучами зари монголы-торгуты намеревались восстать против Российской империи, безжалостно вторгавшейся на их земли, где они жили в свободе долгие сто сорок лет.

Решение было принято в тот же день, на великом совете племени, собравшем более пятидесяти тысяч торгутских пастухов и воинов. Вместо того, чтобы направить дарованные мушкетеры и две медные пушки на борьбу с извечными соседями-киргизами, они собрались на бескрайней равнине у озера Биш-Уба, что на востоке. Там, в едином порыве, люди говорили о всех обидах и потерях, понесенных от рук царицы

Звучали жалобы на утраченную свободу и процветание, на непомерные налоги, высасывающие богатства, на жизни, отданные в бессмысленных войнах – на повинности, не приносящие никакой пользы. Говорили о том, как торгутским мастерам пришлось перестать создавать необходимое, и теперь они вынуждены покупать это у царицы по баснословным ценам. Указывали на чуждые обычаи, образ жизни, религию, собственность, законы и политику, которые царица навязывала, попирая их древние пасторальные традиции.

Князья, священники и простые кочевники говорили об этом и о многом другом, и все выражали единое чувство – чаша торгутского терпения переполнилась. Восстание и бегство – вот единственная защита, которая осталась. Иначе, как ощущал каждый, народ исчезнет,

превратившись в нищих рабов русской царицы. И под дикий, ликующий рев пятидесяти тысяч голосов, единодушным решением великий совет поклялся забрать скот и семьи, и бежать из волжских земель, где больше не было свободы.

Последним говорил сам Убаши-хан. Армии царицы, предостерег он, непременно попытаются остановить их. Но если выступить внезапно, с первыми лучами солнца, казацкие гарнизоны будут застигнуты врасплох. Быстрота и решительность, утверждал он, позволят достичь безопасного места за пределами владений царицы. Там у них появится возможность договориться с ней на новых условиях – вернуться друзьями, а не рабами, – или же искать новые земли, где они обретут мир и волю.

Речь Убаши-хана вновь потонула в буре восторженных криков. Развернув коней, мужчины помчались обратно к торгутским зимним стойбищам на восточном берегу Волги.

Молодой, одинокий всадник обогнал всех, подгоняемый мальчишеским стремлением первым принести великую новость в родные хошуны. Но когда он приблизился к Волге, когда подъехал к мысу и на мгновение остановился под тихим, холодным дождем, его охватил мимолетный страх.

Могущество русской царицы, чьим отдаленным форпостом был лишь скромный Дженат, простиралось так далеко, что спасение его народа казалось почти невозможным. Малейший намек гарнизону, последнее предупреждение, и рассвет шестого января мог обернуться для его народа не триумфом, а трагедией.

Сердце юного торгута, разрываемое восторгом и внезапным ужасом, билось словно топот копыт пятидесяти тысяч всадников, несущих весть по хошунам, раскиданным вдоль всего восточного берега Волги. Грохот и дрожь пронизывали землю.

Услышат ли казаки этот шум? Предупредят ли их?

Он напряженно вслушивался. Лишь шепот дождя, стихающего и холодеющего, превращающегося в призрачную снежную пыль в темнеющем воздухе. Ветер дул с запада, от крепости на дальнем берегу – ветер доброго предзнаменования, подумал он.

Юный торгут Субэдэй, сын воина, зайсанга Темуру, до великого собрания у Биш-Уба был лишь мальчиком-пастухом. Теперь же он – воин, мужчина. В конце собрания ему вручили один из мушкетов с серебряной оправой, дарованных торгутам самой царицей для борьбы с киргизами. В темноте он улыбнулся, нежно прижимая мушкет к бедру, думая о том, что это прекрасное оружие теперь станет щитом для его народа, защитой от преследований казачьих войск.

Субэдэй сидел на своей белой кобыле, подавшись вперед, почти привстав в коротких стременах, и всё так же пристально всматривался в крепость, словно пытаясь взглядом пронзить тьму.

Его длинный халат, подбитый теплой шерстью, был распушен по бокам, даруя свободу движениям в седле. При малейшем колебании тела нож и огниво, висевшие на короткой цепочке у широкого синего пояса, тихо позвякивали, заставляя кобылу вздрагивать мокрыми ушами. Несмотря на то, что дыхание уже превращалось в облачка пара в стлом воздухе, халат был распахнут на груди, а меховые отвороты шлемообразной шапки подняты. В лице, с высокими скулами и характерным разрезом глаз, чувствовалась суровая сила, унаследованная от предков, сила его народа. Из-под шапки на шею свисала короткая коса, заплетенная в восточной традиции.

Внезапно он напряженно сжал мушкет, и верхняя губа, над которой едва пробивались темные волоски, плотно прижалась к зубам.

Ветер с реки донес звук колоколов – смутный, но всепроникающий. Большие железные языки безумно колотили, словно обрушивая на далекую крепость град тревожных перезвонов из перевернутых металлических чаш.

Но больше не было слышно ни звука. И глаза, ставшие телескопическими от жизни в бескрайней степи, не заметили никакой суеты среди темных зданий на другом берегу Волги.

И тут он вспомнил, что сейчас один из русских праздников, по случаю которого звонят во все колокола. И понял, что всё по-прежнему, всё скрыто за темным, блестящим льдом и глубокими черными полосами открытой воды, где рождественские колокола звенели в морозной ночи, а казаки пили водку у потрескивающих печей.

Хватка его едва ослабла на мокром прикладе мушкета, когда с юга донесся новый звук. Всадники стремительно приближались по дороге, что, петляя вдоль восточного берега Волги, тянулась от астраханских берегов Каспия до саратовских земель на севере. Субэдэй, чуть подтолкнув коня коленями, спустился по небольшому склону и замер в ожидании, неподвижный в темноте, пока всадники проедут мимо. Нервно перебирая мушкет, он узнал среди них Кедар-чаб – стройную и стремительную, словно стрела, окруженную двумя сопровождающими. Схватив мушкет и поводья одной рукой, Субэдэй хлестнул кобылу кнутом. Скача вдогонку, он воззвал к небесам боевым кличем своего народа:

- Я-бонаах!»

Один из всадников, услышав его, обернулся с недовольным видом. Но при виде Субэдэя его лицо смягчилось. Он кисло усмехнулся, заметив мушкет в руках безбородого юнца, но, не в силах скрыть любопытство, пробормотал:

- Что за спешка, маленький воин?

Субэдэй украдкой взглянул на Кедар-чаб, гадая, услышала ли та покровительственный тон в голосе мужчины. Она ехала прямо, не поворачивая головы, словно не замечая ничего вокруг. На мгновение он почувствовал облегчение, избежав ее внимания, и вновь его взор обратился к всаднику.

- Я спросил, – повторил мужчина, на этот раз более вежливо, – что за спешка, брат?

Теперь уже Субэдэй снисходительно улыбнулся, притворившись, что вынужден наклониться в седле, чтобы расслышать слова всадника, который был на целую голову ниже его.

- Сегодня решили, маленький отец, – произнес он. – Мы приняли решение.

- Ради всех святых, – воскликнул всадник. – Какое решение, черт возьми?

- Уйти, – ответил Субэдэй. – Уйти из России этой же ночью.

При этих словах второй всадник, доселе молчавший, приподнялся в стременах, оглашая окрестности громким криком:

- Да, Бона, мы уходим!

Несмотря на собственное волнение, первый всадник бросил:

- Ничего нового, парень. Куда путь держим?

- К реке Яик, а может, к Эмбе, — отозвался Субэдэй. — Там мы сможем принудить царицу пойти на наши условия!

С этими словами оба всадника, словно подброшенные пружиной, вскочили в стременах. С дикими криками, подгоняя коней, они понеслись галопом, словно соревнуясь, кто первым донесет весть до хошунов Убаши-хана.

Кедар-чаб не обернулась, казалось, даже не услышала их, но ее лошадь рванула вперед в безумном галопе. Белая кобыла Субэдэя не уступала ей, ведь она была из конюшен Убаши-хана – приз, который Субэдэй завоевал на летних скачках. Выносливая и быстрая, баркульской породы, она была куда резвее туркменских лошадей эскорта Кедар-чаб. Быстро обогнав их, Субэдэй помчался вслед за ней.

Дождь наконец сменился снегом, и вид, и звук эскорта вскоре растворились в заснеженной дали. Кедар-чаб опережала всего на два корпуса. Казалось, они совершенно одни, единственные живые существа в этой морозной ночи. Не так давно, в детстве, они с Кедар-чаб не раз устраивали скачки по залитым солнцем пастбищам. Но теперь всё было иначе. Великое собрание, мушкет, отъезд из России на завтрашнем рассвете словно навеки изменили их отно-

шения. Лицо Субэдэя вспыхнуло жаром смущения, так что холодные снежинки, ударявшие в его худые щеки, казались лишь паром, тянувшимся от ускользающего дыхания Кедар-чаб.

Они приблизились к глубокой, поросшей деревьями балке. Субэдэй, чьи мысли пребывали в смятении, безрассудно бросился вниз по крутому склону. Нельзя было сказать, то ли Кедар-чаб сама свернула с тропы и направилась вдоль балки, то ли его необдуманый порыв заставил ее изменить направление. Но вскоре они оказались в тупике, почти лицом к лицу, под сенью черных, мокрых деревьев.

- Ну, Субэдэй! – произнесла она, останавливая его безумный порыв загадочным взглядом, повергшим его в еще большее смятение.

Она стряхнула снег со своей меховой шубы и с обескураживающим спокойствием смахнула снежинки с маленькой меховой шапки с красной пуговицей, обозначавшей ее ранг, затем слегка поправила ее — всё это время удерживая его на месте спокойным движением рук. Лишь глаза выдавали ту же трепетную неуверенность, что дрожала в сердце Субэдэя, и она опустила их, хотя под черными деревьями царил полумрак.

"Она тоже изменилась", — подумал Субэдэй. Вдруг она перестала быть младшей сестрой Убаши-хана, с которой он беззаботно скакал среди летних стад, словно они оба были мальчишками. Что-то встало между ними, воздвигло незримую стену, так что они едва могли смотреть друг на друга. Она стала чужой дамой, принцессой, а он – воином.

Он облизнул пересохшие губы и попытался заговорить, но смог лишь неловко теревить свой мушкет.

- Ну, Субэдэй, — повторила она, на этот раз тише и менее уверенно, всё еще избегая его взгляда.

Двое кричащих сопровождающих с грохотом промчались по оврагу и скрылись вдали.

- Меня... — Субэдэй покраснел и откашлялся. — Меня сегодня сделали воином.

- Ты всегда был лучшим с копьем, — тихо сказала она, — лучшим из всех и в скачках тоже.

- Меня сделали лейтенантом, — произнес он увереннее, — лейтенантом у моего отца, Темуру. И смотри, — добавил он с внезапным порывом гордости, — мне дали русский мушкет! Разве не красавец?

Кедар-чаб сняла одну из своих меховых перчаток и протянула руку в темноте, чтобы коснуться мушкета. Холодная сталь обожгла ей пальцы, и она быстро отдернула руку.

- Да, — сказала она, слегка поежившись. — Когда-нибудь ты сам станешь зайсангом, Субэдэй. Кто знает? Может быть, и генералом — если всё пойдет хорошо.

Субэдэй почувствовал ту же холодную неуверенность, что и она.

- Да, — ответил он трезво. — Много может пойти не так... Но всё равно, теперь нас не остановить!

- Кичинский, русский комиссар, знает, что мы планируем уйти, — пробормотала Кедар-чаб, хмурясь на кончик своего красного кожаного сапога.

- Да, но верит ли он в это? — медленно сказал Субэдэй. — Он говорит, что мы как медведь на цепи.

- Он знает, что мы планируем разорвать эту цепь завтра.

- Ты, что, была за рекой? — спросил Субэдэй. — И кто сказал Кичинскому об этом?

- Князь Галдан, муж моей сестры.

- Но почему? Разве Галдан и Дондерков не уйдут? — спросил Субэдэй. — Князь Цебек так сказал — он сказал, что они сожгут русские города и станицы, если лед достаточно замерзнет, чтобы перейти реку. И добавил, что, если наши западные люди не смогут перейти, они окружат форты, чтобы казаки не последовали за нами.

- Они ничего этого не сделают, — сказала Кедар-чаб. — Лед не замерзнет вовремя, и дербетские улусы не смогут перейти Волгу. Но Дондерков и Галдан всё равно к нам не присоединятся. Только моя сестра, Санд-чаб, придет.

Эта новость еще больше отрезвила его, и Субэдэй крепче сжал мушкет.

- Что с фортом? — спросил он. — Я наблюдал, но они лишь звонили в колокола.

- Форт Дженат? Они пьют и спят — все, кроме семнадцати человек, что вчера утром отплыли на барже. Они должны были подняться вверх по течению, переправиться и присоединиться к нашим войнам, чтобы помочь в сражении с киргизами.

На мгновение Субэдэй задумался, не был ли среди этих казаков Васильев, его друг. Он знал, что русских солдат, скорее всего, возьмут в заложники, и надеялся, что с Васильевым ничего не случится. Но затем улыбнулся и сказал:

- Это хорошо. Кичинский будет уверен, что мы воюем с киргизами, и не пошевелит и пальцем — пока не станет слишком поздно!

- А ты воевал с киргизами, лейтенант Субэдэй? — спросила Кедар-чаб, лукаво улыбаясь.

- Это была всего лишь удачная уловка, ловко разыгранная перед царицей! — ответил Субэдэй, расхохотавшись. — Выманить у нее больше мушкетов и пороха, да еще две медные пушки! И отличный повод для великого собрания, к тому же.

- И на собрании, — продолжала Кедар-чаб, словно плела сеть, — князь Цебек произносил пламенные речи о Галдане и Дондеркове. Мой брат Убаши тоже поднялся, чтобы высказаться, но не сказал ничего, что противоречило бы Цебеку. И все вы, люди, приветствовали слова Цебека... Так ведь?

- Да, — сказал Субэдэй с нарастающим удивлением. — Но откуда тебе это известно?

- Ах, князь Цебек, — протянула Кедар-чаб, — он искусный оратор.

- Это точно! — воскликнул Субэдэй с прежним энтузиазмом, но тут же прикусил язык. Внезапно ему показалось, что Кедар-чаб слишком уж пристально интересуется Цебеком, и это его странным образом обеспокоило. Нерешительно он добавил: — Убаши тоже неплохой оратор.

- И разве князь Цебек говорил от имени Китая, Субэдэй? Говорил ли он, что мы должны пересечь Азию и отвоевать нашу старую родину, Джунгарию?

- Да нет же, — удивленно ответил Субэдэй. — Наша родина, Кедар-чаб — здесь, у Волги, где мы родились, где гонялись за летними облаками возле Биш-Уба...

Кедар-чаб нежно коснулась его бедра и прошептала под шелестящими черными деревьями:

- Мы никогда не вернемся, маленький Субэдэй— всё уже не так...

- Но Убаши сказал... про реку Яик или Эмбу... и Цебек согласился! — смущенно пробормотал Субэдэй.

Что именно его смутило - племенная память, пробудившаяся от ее слов о Джунгарии, ее интерес к князю Цебеку, встревоживший его, или прикосновение ее руки к бедру, разожгшее неведомый огонь, Субэдэй не мог понять. Он покраснел и заговорил более связно:

- Убаши считает, что царица должна позволить нам вернуться сюда друзьями, а не рабами — иначе мы останемся у Эмбы!

- Возможно, мы будем жить у Эмбы, — задумчиво ответила Кедар-чаб. — Но князь Цебек — человек недюжинного ума.

- Убаши тоже умен! — возразил Субэдэй, вскипая от ревности к ее живому интересу к Цебеку, чье имя она твердила вновь и вновь. — Он даже... умнее! — добавил он вызывающе.

- Умнее в избегании решений, — парировала Кедар-чаб. — Скажи мне, Субэдэй, — произнесла она легко, но с внезапно дрогнувшими глазами, снова опущенными вниз, — как ты думаешь, князь Цебек был бы мне... хорошим мужем?

Снег прекратился, и с ветвей деревьев таяли и медленно капали последние снежинки. Ветер наверху терзал клочья облаков, и звезды, словно острые кончики мечей, обнажились в прояснившемся небе. Голые ветви деревьев извивались в безмолвной агонии под холодным взглядом небесных светил.

- Ну, Субэдэй? — наконец прервала она затянувшееся молчание.

- Значит, для этого ты отвела меня в сторону? — грубо спросил он, чувствуя, как внутри нарастает буря. — Так это или нет?

- Возможно, и для этого, — тихо ответила она, не поднимая глаз.

- Но он же старик! Тридцать пять, а то и больше!

- Но моя сестра, Санд-чаб, вышла замуж за старика, и всё равно сохранила дружбу с ламой Лоузангом, — сказала Кедар-чаб.

Губы ее дрожали, но она отчаянно пыталась улыбнуться.

Он сжал ее руку и резко спросил:

- Он уже говорил об этом?

- Нет, но я знаю, что он планирует... У него мало богатств, но Убаши слаб. Моему брату нужны друзья.

Субэдэй нахмурился в темноте.

- Зачем ты мне это говоришь?

- Потому что, братик, я...

- Ну? — нетерпеливо перебил Субэдэй, всё еще крепко сжимая ее руку. — Почему ты меня терзаешь? К чему эти слова?

- Потому что... — прошептала она, внезапно прильнув головой к его широкому плечу. — Мне так плохо, маленький Субэдэй...

Сердце Субэдэя на миг словно остановилось, а затем бешено заколотилось, отзываясь гулким эхом в ушах. Он резко повернулся в седле, и губы его, вопреки разуму, коснулись ее губ, словно два магнита, притянутые непреодолимой силой. Сквозь распахнувшуюся меховую шубу он ощутил округлую теплоту ее груди, и она замерла, словно статуя, почти не двигаясь.

От сильного стука ее сердца под его рукой он ослабил хватку и поднял голову. И тогда они оба увидели, как по холодному небу пронесся метеор с ослепительной головой, рассекающей тьму, и дымным голубым хвостом, угасающим багровым, словно дурное предзнаменование, кровавая метка на полотне ночи.

- Теперь я нарушил закон, — тихо произнес он, опуская глаза на нее.

Она смотрела на него сквозь морозящий воздух и стущавшуюся тьму так, словно они попали в плен какой-то трагической мысли. И она проговорила странным тоном, почти с удивлением:

- Между нами не будет закона, Субэдэй, даже смерти.

На мгновение они застыли, словно скованные внезапным ледяным ветром, глядя друг на друга так, как будто их поймали в зыбкую паутину судьбы, еще не сплетенной в мыслях Хан Тенгри, Владыки Неба. А затем вмиг чары рассеялись, словно утренний туман, и кони их, повинувшись негласному приказу, развернулись. Вместе они вскарабкались сквозь кустарник по крутому склону и из темного леса вырвались в твердую, холодную степь, где властвовал лишь ветер. Не обращая внимания на звезды, всё еще висящие, словно острия мечей, над их головами, они мчались на север по Саратовской дороге, оставляя позади последние тусклые огоньки форта Дженат. Копыта их коней звенели по льду широких, но неглубоких притоков Волги, отзываясь эхом в безмолвной степи. Они скакали на север, к улусу Убаши-хана, пролетая мимо густонаселенных хошунов, где уже кипела работа: люди складывали свои телеги и собирали скот, готовясь сняться с места с первыми лучами солнца. Всадники приветствовали их радостными возгласами и неслись дальше бок о бок, оглашая степь смехом и бросая вызов ледяному северному ветру.

Глава 2.

Ночь властвовала над землей, сковывая ее всё более лютым холодом. Небесный свод, кристально чистый, превратился в бездонную пропасть из темного сверкающего льда, по которому звезды, словно торопясь исчезнуть, стремительно скользили на запад.

До рассвета, назначенного часом отъезда, оставалось уладить еще бесчисленное множество дел.

Зимние кочевья Торгутской орды раскинулись вдоль Волги на полторы сотни верст к северу и югу, давая приют четыремстам тысячам душ – мужчинам, женщинам и детям. В их зимних укрытиях и загонах томились пять миллионов лошадей, рогатого скота, коз и овец.

Торгутская орда, в древнем монгольском укладе именуемая Торгутским Знаменем, делилась на тринадцать дивизий, или улусов, под властью княжеских вождей. Самым обширным был улус Убаши-хана, состоящий из десяти аймаков – полувоенных округов, управляемых избранными воинами – зайсангами. Среди других крупных улусов, насчитывающих более одного аймака, выделялись владения двоюродного брата хана, Цебека, двоюродного брата его матери, князя Бамбара, его зятя Галдана, Дондеркова, дяди князя Цебека, а также Заатуна, Бууруна, Сапсора и Кератов.

Аймаки, в свою очередь, дробились на хошуны – поселения, состоящие из десяти-двадцати кибиток. Эти круглые войлочные жилища обычно группировались по кровному или брачному родству, либо по признаку службы. Во всех волжских улусах Торгутской орды насчитывалось более пяти тысяч хошунов.

Теперь все эти хошуны, разбросанные по территории в две с половиной тысячи квадратных верст, пробудились к жизни, наполнившись гулом и суетой.

Кибитки, загоны и укрытия разбирались, а всё, что могло гореть и не подлежало перевозке, складывалось в огромные костры, вздымавшиеся ввысь на многие версты вдоль восточного берега Волги. Ночной холод был настолько пронизывающим, что даже эти столпы казались лишь ледяными шпильями на фоне неба, а их дым – красной и порошкообразной изморозью.

Холод пробирал до костей, и люди, не прерывая работы, то и дело окликали своих соседей, задавая вопрос, который волновал каждого:

- Как думаете, река замерзнет? Дербетские улусы переправятся?

И у каждого на этот счет было свое мнение.

- Да, – отвечали одни.

Или:

- Нет, говорят, западные улусы предпочитают остаться.

А кое-кто отвечал и более витиевато:

- Во времена моего деда был один мусульманин, который купался в реке каждый день, пока она не замерзла. Однажды, в такой же день, он искупался – и, по воле Божьей, лед сковал его, прежде чем он смог доплыть до берега!

Но звучали и другие вопросы, насущные и тревожные.

- Что же, придется мне оставить эту прекрасную телегу, которую я строил?

Или:

- Что делать с моими тремя больными овцами – убить их, что ли?

И даже горестные упреки:

- Если некоторые, о ком мы слышали, берут с собой каркасы своих кибиток, то почему мы должны брать только свои походные палатки?

В целом же, люди были добродушны в этой спешке, слишком увлечены захватывающим волнением дерзкого предприятия, чтобы предаваться долгим спорам о мелочах. Хошуны

наполнялись невообразимым гвалтом: блеянием овец, мычанием скота, ревом ослов, долгими печальными дрожащими криками мохнатых бактрийских верблюдов, пронзительными воплями и криками просыпающихся детей. В этом хаосе жалобы недовольных почти тонули.

В самый разгар этой суматохи и въехал Субэдэй, проводив Кедар-чаб к белой войлочной кибитке ее брата, перед которой развевался императорский сине-белый вымпел, воткнутый в землю. Он попрощался с ней внезапно, резко развернув коня и, смеясь, помахал на прощание мушкетом. Чувствуя, как стремительно тает ночь, он спешил как можно скорее пробраться сквозь оживленные поселения к аймаку своего отца.

Аймак зайсанга Темуру был довольно крупным подразделением особого улуса Убаши-хана, состоящим из более чем сорока хошунов. В большинстве этих, похожих на деревни, скопленных кибиток Субэдэй обнаружил, что хошунные офицеры, шуленги и демчи, уже сумели навести относительный порядок.

Многие кибитки уже были разобраны. Решетчатые каркасы стен весело плясали в огромных кострах, вызывая восторг у детей с широко распахнутыми от предвкушения глазами. Длинные жерди для крыши были заботливо заострены и превращены в копья, в соответствии с указаниями Убаши-хана и Военного совета. Толстые серые войлоки, некогда укрывавшие стены и крыши кибиток, лежали вокруг, готовые стать оберткой для выючных животных и телег.

Белая кобыла Субэдэя баркульской породы осторожно пробиралась сквозь хаос костров, детей, собак и домашней живности, то и дело останавливаясь, пока Субэдэй пытался ответить на сотни вопросов, осмотреть оружие воинов, переговорить с шуленгами о запасах провизии и воды, а также о порядке марша.

Наконец, добравшись до хошуна своего брата Гедесу, он не обнаружил и следа суеты – лишь тьму и тишину, царившие среди кибиток, нарушаемые лишь бормотанием нескольких стариков, стоявших у частокола загона за кибиткой брата. Одним из них был Хоочин, отец Гашун, невестки Субэдэя. Хоочин, знакомый собакам Гедесу, с трудом удерживал их на расстоянии, пока они с товарищами совещались.

Собаки, лая и щелкая зубами, бросились к ногам Субэдэя, но он отбил их длинной плетью и подъехал к мужчинам.

- Ну? – спросил он.

- Мы говорили с Гашун, – ответил один из стариков, – но она отказывается что-либо делать по нашему указанию.

- Гедесу еще не вернулся, – пояснил другой.

- Ну, тогда по моему указанию! – воскликнул Субэдэй. – Разбирайте кибитки, собирайте животных! Готовьтесь, мы уходим на рассвете!

Не останавливаясь на препирательства, он пробился сквозь стаю собак к двери кибитки брата. Спешился, громко постучал, а затем ворвался внутрь.

Жену его брата, к которой он интуитивно не испытывал симпатии, при рождении нарекли другим именем, отличным от того, что было в ходу сейчас. Подобно тому, как имя Гедесу, означающее «живот», с поразительной точностью описывало его брата ко всеобщему восторгу, так и Гашун, означающее «горькая», словно предначертало ее характер.

Внутри кибитки, возле небольшого очага из кизяка, тлевшего в железной жаровне, она – худая, злая и небрежно одетая – стояла, прожигая его взглядом.

- Одевайся! – резко бросил он.

- Убирайся! Вон! – в голосе Гашун клокотала ярость. – Кто ты такой, чтобы отдавать приказы в доме твоего брата?

- Я теперь лейтенант-зайсанг, – с плохо скрываемой гордостью ответил Субэдэй.

Она презрительно рассмеялась, демонстративно медленно расстегивая свой длинный красный хлопчатобумажный халат, словно желая вывести его из себя.

- Ты, маленький человек? А что твой брат?

Субэдэй фыркнул.

- Он слишком толстый и думает только о себе.

- Ах, а ты! – язвительно протянула она. – Ты и твой прекрасный белый конь! Строишь из себя принца...

С вызывающим жестом она распахнула халат, обнажив часть своей желтоватой, иссушенной временем плоти. Субэдэй, отчасти из стыда, отчасти стараясь унять вспыхнувший гнев, отвернулся.

- Ты прекрасно знаешь, – пробормотал он, – что хан подарил мне этого коня за победу в скачках два лета назад.

- О, я прекрасно представляю, за что ты получил эту лошадь, – с нарочитой и необъяснимой злобой процедила Гашун. – От кого и за какие милости и удовольствия, на самом деле!

В ее взгляде плескалась такая мстительная горечь, словно она собиралась произнести имя Кедар-чаб, обрушив на него поток клеветы и лжи, что Субэдэй молниеносно шагнул к ней и грубо зажал ей рот рукой.

- Ты лжешь! – выдохнул он.

Но вместо того, чтобы сопротивляться, пытаться вырваться и закричать, она, казалось, обмякла в его руках. Глаза ее наполнились томной нежностью, ее халат распахнулся шире, и даже сквозь плотную ткань своей одежды он ощутил жар ее тела. Пристыженный и смущенный, он отнял руку от ее рта, и она застонала, тихо скуля:

- О, Субэдэй! Я просто ненавижу ее за то, что она обладает твоей любовью...

- Да, но она... но я не люблю ее... то есть, я просто...

Субэдэй запнулся, от гнева захлебываясь в сбивчивых оправданиях. Гашун, ухватившись за его слова, вцепилась в него.

- Ах, мой Субэдэй, да и она не любит тебя – поверь мне, женщине! Она лишь хочет использовать тебя и выбросить, как ненужную вещь, – закричала она, содрогаясь всем телом и пытаясь дотянуться до его губ с измученным стоном. – Разве я так уродлива, теперь, когда мы здесь одни?

Субэдэй был так напуган происходящим, что им двигал скорее ужас, чем стыд. На его лице отразилось такое отвращение, такая ненависть и такой страх, что ему даже не пришлось отталкивать Гашун. Увидев его лицо, она отшатнулась, глаза ее вновь засверкали холодной горечью.

- Вот, значит, как! – процедила жена брата, и ее рот превратился в тонкую, злую линию, похожую на лезвие уродливого ножа. – Отлично - тогда пусть будет так!

Субэдэй выбежал из кибитки, оставив дверь широко распахнутой в ночной темноте. Вскочив в седло, он с остервенением хлестнул плетью назойливых собак. На мгновение его охватила тошнота.

Субэдэй медленно проехал через хошун. Старики, восприняв его слова как приказ, уже поднимали людей и начинали разбирать кибитки. Он направился к хошуну своего отца, расположенному неподалеку.

Внезапно его за рукав дернул всадник, подъехавший сзади. Это был Багха – один из шаманистских жрецов-колдунов, которых буддийские ламы терпели как низшую ступень духовенства из-за их популярности среди суеверных масс. Сегодня Багха был одет не в церемониальные одежды, а, как и все остальные торгуты, в дорожный костюм для тяжелого зимнего путешествия. Он добродушно посмотрел на Субэдэя и спросил:

- Ну, парень, что с тобой? Выкладывай.

Субэдэй слабо улыбнулся.

- Не могу, – ответил он.

Шаман цокнул языком.

- Женщина, держу пари.

- Послушай, Багха, - выпалил Субэдэй, ощущая острую потребность выговориться именно такому доверенному лицу, как шаман. – Я не люблю говорить плохо о людях, но тебе я должен это сказать, потому что она замышляет зло... Это Гашун, жена моего брата. Можешь ли ты предотвратить ее злодеяния?

Он с надеждой посмотрел на Багху.

Шаман задумчиво погладил подбородок. Тяжело вздохнул.

- Река может быть сладкой, – изрек он, – но, достигая моря, она становится соленой. Так и с благими намерениями, которые злая или озлобленная женщина может извлечь, глядя на доброго человека. Ибо они неизменно превращаются в горькие и злобные мысли.

Он вновь сокрушенно вздохнул.

- Это будет нелегко, потому что мне придется приготовить много снадобий, а это стоит дорого.

Не задавая лишних вопросов, Субэдэй полез за пазуху, где у него на груди хранился небольшой мешочек. В нем лежала горстка рублей, сэкономленных с осенней продажи овец и коз. Он, не раздумывая, протянул мешочек шаману.

- А! – воскликнул Багха, взвешивая кошелек в руке. – Этого будет достаточно; да, вполне!... Не волнуйся! Мне придется изготовить немало снадобий, мой мальчик, чтобы уберечь от беды сам знаешь кого!

С этими загадочными словами он внезапно подстегнул коня и умчался. Субэдэй нахмурился, гадая, откуда Багха знает, кого он имеет в виду. Но время не терпело; и, поскольку дело было поручено Багхе, Субэдэй, почувствовав облегчение, направился в хошун своего отца.

В лагере царила оживленная суета, но чувствовалось, что всё идет по плану. Погрузка выючных животных шла полным ходом: одни еще утопали в войлочных тюках и клубках веревок, на других уже возвышались туго затянутые веревками и подпругами грузы. Два из трех любимых Темуру бактрийских верблюда нетерпеливо били о твердую землю копытами, туго обмотанными несколькими слоями ткани, издавая утробные крики тоски по телятам, привязанным высоко на вершине груза, вне досягаемости их взглядов.

Горбун Тенек, не переставая болтать, словно встревоженная обезьянка, метался от костров к животным и обратно, размахивая руками в диких, как пламя, жестах. Его суетливость скорее мешала, чем помогала, но люди не обращали на него особого внимания: суеверные - из страха, просвещенные - из жалости.

На первый взгляд, в этой суматохе и неразберихе людей, животных и повозок могло показаться, что все кричат и мечутся так же бессмысленно, как Тенек.

Но миграция, пусть и хаотичная, была привычным делом для торгутов. Летом кочевники постоянно перемещались между пастбищами, а дважды в год совершали масштабные переходы между летними и зимними стойбищами.

Однако обычно о времени перекочевки знали заранее, и люди готовились неспешно, иногда растягивая сборы на несколько недель, пока не трогались в путь последние отставшие. На этот раз, чтобы избежать сопротивления русских, решение о миграции было принято внезапно. Отъезд должен был быть стремительным и четким, как военная операция, чтобы уклониться от преследования.

В воздухе носились слухи о конечном пункте назначения, но одно было ясно наверняка: царица непременно расценит их уход как акт мятежа. И это действительно было так. Именно это осознание превращало обычную зимнюю миграцию в нечто поразительное, историческое, независимо от исхода. Чувство глубокого бунта придавало приготовлениям лихорадочный пыл.

Поэтому суматоха была сильнее обычного, но природное умение торгутов быстро мигрировать, как всегда, позволяло выстроить из хаоса удивительный порядок.

Субэдэй был доволен тем, как продвигались дела в хошуне Темуру, и на мгновение даже обменялся шутками с мужчинами, разбиравшими кибитку его отца.

У дверей стояла его бабушка.

Он спешился, смущенный ее взглядом.

Беззубый рот расплылся в гордой улыбке, и морщины густо покрыли ее старое лицо.

- Теперь ты стал настоящим воином, – произнесла она, – выглядишь даже более великим героем, чем могучий Субэдэй из легенд. Когда ты родился, с неба падали красные звезды, и твоя мать умерла. Шаман сказал: "Этот мальчик станет великим героем, могучим воином".

- Да, да, бабушка, – поспешно ответил он, чувствуя неловкость оттого, что другие мужчины могли услышать их разговор. – Наверное, шаману хорошо заплатили за то, чтобы он разглядел такое в звездах.

Он мягко подтолкнул ее перед собой в кибитку и добавил:

- Я сражался разве что с волками, какой из меня герой, сама посуди.

Внутри кибитки было тепло и уютно. Он опустился на циновку у огня, жадно вдыхая аромат тушеного мяса, кипевшего в железном горшке. Субэдэй провел в седле почти весь день, перекусив лишь несколькими ломтиками сушеного молока, которые, как и все торгутские всадники, всегда носил с собой. Теперь, пробормотав слова благодарности Хану Тенгри, он запустил руку в горшок и вытащил большой кусок мяса. С наслаждением жуя, он окинул взглядом кибитку.

Бабушка уже сняла со стен большую часть маленьких войлочных изображений богов. С ее стороны кибитки, справа, исчезли знакомые войлочные фигуры овечьих и коровьих сосков, призванных обеспечивать плодородие скота. С его и отцовской стороны круглой кибитки пропали изображения кобыльих сосков.

Всё еще голодный, он снова полез в горшок за очередным куском мясом. Молча бабушка поставила перед ним пиалу чая с маслом.

Он заметил, что большинство их личных вещей уже сложено в два ивово-войлочных сундука у двери, поверх которых были привязаны спальные маты. Но большой сундук из темного необычного дерева, который служил домашним алтарем у стены напротив двери, бабушка еще не трогала.

Залпом проглотив чай и вытерев жирные руки о высокие кожаные сапоги, чтобы не пропала зря ни одна капля бараньего жира, он подошел к сундуку. Говорили, что он прибыл из Джунгарии – той самой страны, где когда-то давным-давно жил его народ и о которой сегодня вечером упоминала Кедар-чаб. Название этой страны казалось ему странным, когда он представлял ее как реальное место, которое действительно существует где-то, хотя он был знаком с Джунгариадой – балладой о старой родине торгутов и ее героях. Было любопытно думать, что, если им не удастся вернуться на Волгу свободными или поселиться у Эмбы, то он и его народ действительно смогут увидеть эту далекую землю, прежде чем завершат великую миграцию, которая вот-вот начнется...

Охваченный внезапным пробуждением расовой памяти, необъяснимым влечением к земле, которую никогда не видел, он рассеянно провел рукой по темной диковинной древесине сундука.

На нем, как и полагалось по обычаю, стояли несколько медных блюд для подношений еды и питья богам, а также медная чаша, наполненная салом, в которой тускло мерцал войлочный фитиль. С одной стороны возвышалось редкое бронзовое изображение Будды, а с другой – шаманистский бог удачи, Ца-и-а-гачи. В центре же красовалось большое яркое войлочное изображение Хана Тенгри, верховного бога всего сущего.

- Бабушка? – вдруг произнес он.

- Да, Субэдэй?

- Правда ли, что этот сундук прибыл из Джунгарии?

- Из Джунгарии, с моей собственной бабушкой, – ответила она, – а до этого – из еще более далеких краев.

- А Джунгария – прекрасная страна, бабушка?

- Самая прекрасная, самая высокая земля на свете, мой Субэдэй, вся яркая и сверкающая, словно утро. Ночью белые ледники звенят, как пастушьи колокольчики, пока Хан Тенгри охраняет спящих. Долины – глубокие, зеленые, словно нефрит, а воды – сладкие, словно серебро.

- Неужели существует такая прекрасная земля, бабушка? – спросил Субэдэй. – И почему наш народ покинул ее, если это так?

- На той стороне холма, – сухо ответила бабушка, – трава всегда зеленее.

Он вздохнул.

- Но сундук, бабушка. Это чудесный сундук. Возьмем его с собой?

Бабушка помедлила лишь мгновение, прежде чем отрезать:

- На нашей телеге нет места. И уверена, дивные сундуки сыщутся и в других местах.

- Мы можем потесниться, бабушка, если ты скажешь...

- Глупости! У нас и так всё битком! – воскликнула она, притворяясь сердитой. – И кто это, хотелось бы мне знать, выпускает ночной ветер, словно голодного волка?

Тем временем соседи Субэдэя, отвязав крепления, уже принялись снимать войлок с кровельных жердей кибитки. Едва бабушка успела закончить фразу, как кто-то неуклюже задел железную дымовую трубу, и та с грохотом рухнула прямо на жаровню. Горящие аргалы разлетелись во все стороны, едва не опрокинув железный горшок, но бабушка, проявив неожиданную ловкость, успела оттащить его в сторону в самый последний момент.

Она вскинула голову и закричала, теперь уже по-настоящему разъяренная:

- Вы, неуклюжие ослы! Слезайте оттуда, пока я... я...

Но она лишь беззубо пробормотала что-то невнятное, не в силах придумать достойное наказание. А сосед покачал головой и, виновато улыбаясь сквозь кровельные жерди в мерцающем темном небе, лишь развел руками:

- Она сама упала.

В этот момент снизу раздался крик:

- Идут! Субэдэй, это твой отец и остальные!

К этому времени Субэдэй уже слышал топот копыт и крики приближающихся всадников. Он выскочил из кибитки, щелкая кнутом на собак, которые с визгом бросились навстречу прибывшим. Сквозь тьму стремительно приближался зайсанг Темуру, за которым следовало несколько мужчин. Темуру, коренастый старый воин с седыми усами и властным взглядом, спрыгнул с лошади и бросил поводья одному из мужчин.

- Ну? – проворчал он.

- Всё идет по плану, кроме хошуна Гедесу, – ответил Субэдэй, заметив, что его брат замыкает колонну. – Похоже, некоторые жены возомнили, что горшки, полные русских медяков, дают им право командовать и перечить.

- Хватит болтовни, – оборвал его Темуру. – Ты что, дитя неразумное или старая баба?

Субэдэй опустил глаза, справедливо упрекнутый отцом. Он услышал, как Гедесу хихикнул и добавил:

- Да и некоторым, кто любит строить из себя героя, могучего воина, не мешало бы сначала зубы мудрости вырвать.

- Замолчите оба! – прорычал их отец, едва переступив порог кибитки. – Что это такое – сборище дураков и священников?

Тут Субэдэй поднял голову и повеселел при виде Гедесу, который, пыхтя и задыхаясь, подъехал к кибитке в седле. Он не смог сдержать смех, увидев, что брат превратил свое копьё в монгольский аркан, привязав к его концу петлю.

- Ого! – воскликнул Субэдэй, заливаясь смехом. – Неужели Гедесу поймал казака! Скажи, брат, ты заарканил его так же, как копишь медяки для своего горшка?

- Дорогу! – мрачно произнес Гедесу, подталкивая лошадь вперед. Он держал копьё осторожно, помпезно упирая приклад в складку на животе. Аркан был затянут петлей вокруг шеи пленника, словно недоуздок. – Дорогу! – пропыхтел Гедесу.

Смех Субэдэя внезапно оборвался, когда он узнал в пленнике своего друга, Васильева. Руки казака были сложены и крепко связаны за спиной, что, несмотря на позорную петлю на шее, придавало ему гордый и надменный вид. Когда Субэдэй торопливо встал перед лошадью пленника, Васильев подмигнул другу, не изменив презрительного выражения лица, и произнес по-русски, который Субэдэй немного понимал:

- Толстяк заявил права на меня по праву первого увидевшего. Оказывается, самый могущественный охотник – не тот, кто убивает, а тот, у кого самые стервятнические глаза.

Субэдэй злобно усмехнулся.

- У него кишки шакала, – процедил он на торгутском. – Вреда от него тебе не будет, жизнью клянусь.

Он бросил предостерегающий взгляд на Гедесу. Последний дернул аркан так, что чуть не свалил Васильева на землю, и, подталкивая лошадь мимо Субэдэя, выкрикнул:

- Решать буду я.

- Только посмей, – взревел Субэдэй, – я распорю твой жирный живот, как овце!

Гедесу, задыхаясь из-за оскорбленного достоинства, не нашелся что ответить и потрусил дальше, волоча пленника. Субэдэй, проводив их взглядом, наконец прислушался к бабушке, которая теребила его за рукав.

- Субэдэй, – мягко проговорила она, – твой отец сердится.

Но, войдя в кибитку, он обнаружил, что отец пребывает в гораздо лучшем расположении духа. Темуру поднялся от огня, вытирая пальцы, измазанные бараньим жиром, о седые усы.

- Ты ел? Возможно, нам долго не придется есть, – проворчал он. – У нас много дел, не время для ссор.

Поглаживая усы, он окинул взглядом крепкую фигуру юного сына со сдержанной гордостью.

- Васильев – мой друг, – напомнил Субэдэй. – Гедесу – дурак.

- Однажды был змей, – произнес Темуру, вдохнув новую жизнь в старую притчу задумчивым поглаживанием верхней губы, – и у него было много голов. Однажды, в морозную ночь, он отправился искать укрытие. Но едва змей тронулся с места, как головы затеяли спор. И он замерз насмерть, так и не сдвинувшись с места.

- Истинно так, — подтвердила его мать. — Моя бабушка рассказывала, будто кто-то видел это своими глазами.

- Гнев изматывает разум, — продолжал Темуру, — подобно тому, как холмы изматывают коня.

Казалось, было еще что-то важное, что он хотел передать своему крепкому сыну Субэдэю, и его узловатые пальцы перебирали седые волосы, словно выискивая в них нужные, освященные традицией слова.

- Среди людей этого мира, — произнес он наконец, — нужно быть подобным теленку – тихим и скромным. Но во время войны, подобно соколу, бросающемуся на добычу, нужно идти в бой с яростным криком.

Внезапно Темуру обнял сына, что было не принято среди их народа, и быстро отвернулся. Отец подошел к большому сундуку и вернулся, держа в руках кожаную флягу с аракой.

К этому времени соседи уже сняли войлочные покрытия с крыш и усердно разбирали стены кибиток. Ветер и ледяной воздух проникали сквозь решетчатые рамы. Субэдэю каза-

лось, что он стоит внутри последней оболочки своей юности, и уже видел сквозь нее сияющую темную свободу зрелости, в которую ему предстояло вступить. Молча он наблюдал за отцом.

Темуру наклонил флягу и смочил пальцы. Побрызгал напитком сначала на юг, в честь огня, затем на восток, в честь воздуха, на запад, в честь воды, и, наконец, на север, в память об ушедших. В завершение он вылил немного на землю, которую они покидали. Торжественно он произнес, цитируя старый монгольский девиз:

- Путь мужчины — только один.

Напившись досыта, он передал флягу Субэдэю и вышел из кибитки. Обжигающий напиток мгновенно прогнал усталость и злость, кровь забурилась, а угасающая ночь закружилась вокруг, словно темный вихрь, с жадной подгонявший торгутов в путь. Субэдэй, едва взглянув на бабушку, оттирающую железный котел сухой травой, выбежал наружу.

Именно в этот момент грянул оглушительный выстрел. Одна из латунных пушек, подаренных торгутам царицей для борьбы с киргизами, вопреки ее замыслу, возвестила о том, что до отъезда на рассвете оставался всего час.

Над волжскими степями взметнулись языки пламени, костры запылали с новой силой, отражаясь багрянцем в ночном небе. В каждом из пяти тысяч хошунов торгутского народа царил суматоха сборов. Двухколесные телеги были тяжело нагружены, волю запряжены и готовы к отправке. Выючные животные суетились, даже скот загружали товарами те, у кого не было телег. Шуленги хошунов отчаянно пытались упорядочить вереницы мебельных повозок, телег с водой, высоких крытых дорожных кибиток – безнадежный клубок сцепленных колес. И над пятью тысячами хошунов поднимался рев и мычание выючных животных, блеяние овец, яростный лай собак, крики и вопли людей, охваченных нетерпением к долгожданному отъезду.

На восточном склоне степей, словно бледное серебро под высокими холодными звездами, мерцал покрытый коркой прошлогодний снег. И теперь, когда долгая ночь подошла к концу, всё больше и больше взглядов обращались на восток, в ожидании рассвета нового дня.

Глава 3.

Незадолго до рассвета ветер стих внезапно, словно по волшебству. Люди, животные, даже дети замерли, зачарованные наступившей тишиной. Неподвижные фигуры, обращенные лицами к востоку, застыли в темной замерзшей степи. Дым от догорающих костров, словно курящиеся благовония, поднимался к серебристому свету приближающегося рассвета. В этот миг ощущалось нечто большее, чем просто ожидание – духовное единение, словно весь этот народ, отвернувшись от ночи, метафорически прощался с миром, над которым, как темная буря, нависли непонятные и невыносимые для торгутов исторические перемены. С надеждой вглядываясь в алеющий горизонт, они, казалось, искали путь к давно утраченной, но смутно припоминаемой, светлой свободе.

Все взгляды были прикованы к тому, как снег терял свой темный блеск, превращаясь в подобие пенящегося моря, в облака, в безбрежный белый мир, над которым вот-вот взойдет солнце. Затаив дыхание, люди ждали, когда холодный свет озарится багрянцем. И тогда, словно легкий ветер, пронесшийся по снежной равнине, над степью прокатил вздох облегчения.

В тот самый миг буддийские ламы во всех аймаках ударили в китайские гонги и забили в медные тарелки, вознося утреннюю мантру, тонко распевая над священным шумом:

«Оно возшло, оно возшло!

Солнце счастья возшло!

Ом Марицинам Сваха!

Приветствуем тебя, богиня Марици!

Благослови нас и исполни наши желания.

Защити нас, о богиня,

от восьми великих страхов –

от врагов и разбойников, от диких зверей и ядов змеиных,

от оружия и огня,

от водной стихии и бездонных пропастей».

И когда солнце, словно огромная полупрозрачная капля крови, повисло над белым горизонтом, вторая медная пушка дерзко выпустила свой металлический снаряд, казалось, прямо в сердце утреннего светила. В одно мгновение ржание, бляение, крики, скрип – вся эта многотысячная масса разорвала оковы рассветной тишины. Торгутская миграция, растянувшись почти на две с половиной тысячи квадратных верст, фронтом на полторы сотни верст, пришла в движение.

Субэдэй, сидя на своей белой лошади посреди стада скота и овец, принадлежащих его бабушке, ждал, когда аймак его отца двинется в путь. Темуру уехал вперед с воинами, к которым Субэдэй должен был присоединиться после начала движения. Он окинул взглядом упорядоченные хошуны, готовые выстроиться в колонну, и затем посмотрел в сторону центрального аймака Убаши-хана, который всё еще занимал передовую позицию.

Придворные держались на значительном расстоянии, и Субэдэй напрягся в седле, пытаясь их разглядеть. Дамы были одеты в изящные красные платья с пышными рукавами на плечах, перетянутые серебряно-рубиновыми поясами, скрытыми под тяжелыми мехами. Под теплыми перчатками, как он знал, их ногти были празднично покрыты алым лаком, а лица густо накрашены темной помадой, защищающей от ветра, солнца и летящего снега. Он увидел Мандере, жену Убаши, предположительно беременную, в корзине на боку верблюда. На другой стороне, вероятно, ехали ее двое маленьких детей. Позади них виднелись Санд-чаб, старшая сестра Убаши, и лама Лоузанг, главный жрец торгутского народа. Субэдэй нетерпеливо приподнялся на стременах, пытаясь разглядеть Кедар-чаб сквозь толпу людей, животных и повозок. Ах, вот она! Лицо сияет радостью под меховой шапкой – кажется, она поворачивается к

нему, улыбается и машет рукой! Субэдэй, густо покраснев, поднял свое украшенное серебром ружье в знак приветствия, а затем, потеряв ее из виду, опустил обратно в седло.

Теперь почти пришло время аймаку Темуру выстраиваться в колонну. Субэдэй повернул лошадь и увидел бабушку, сидящую на телеге, которой Тенек, казалось, единственный, кто шел пешком, восхищался с преувеличенными жестами.

- Послушай, бабушка, – сказал Субэдэй, пробираясь сквозь овец, которых пасли соседские дети, – ты справишься?

- Я еще не слишком стара, – ответила она.

Субэдэй указал на Тенека.

- Я имею в виду, – сказал он, – почему бы не позволить Тенеку помочь? ... К тому же, ему не на чем ехать.

Тенек что-то пробормотал, с восторгом глядя на телегу бабушки.

В этот момент мимо пробежали овцы, в панике гонимые небрежным всадником.

- Эй, Тенек? – позвала бабушка. – Что ты сказал?

- У дурака что на уме, то и на языке, – пропыхтел Гедесу, тяжело дыша, подъезжая.

Он был взволнован и весь в поту. С самого утра всё шло наперекосяк – овцы не хотели стоять на месте, позавтракать не удалось, и когда же ему теперь отдохнуть?

Гедесу вытер лоб и закричал:

- Эй, Тенек, дурак, живо за овцами! Останови их! ... Я позабочусь о бабушке, – сказал он брату.

Субэдэй заметил новый мушкет, привязанный к спине Гедесу, и широко улыбнулся.

- Ну и ну! – сказал он. – Неужели ты собираешься стать воином?

- Кто-то же должен оставаться со скотом и товарами, а также защищать женщин, – ответил Гедесу, краснея.

- Могу ли я спросить, где ты взял мушкет? – поинтересовался Субэдэй.

- Не твое дело, – огрызнулся Гедесу, становясь пунцовым. – Я заплатил за него хорошие деньги, если ты об этом.

Но тут, то ли овцы вновь запаниковали от неуклюжих попыток Тенека собрать их в кучу, то ли тесно сбившиеся животные поддались всеобщему беспокойству, что повлекло за собой дорожное происшествие: какая-то телега врезалась в телегу бабушки, зацепилась за нее колесом и, зашатавшись на твердой земле, опасно накренилась.

Вскинувшись с неожиданной для его комплекции резкостью, Гедесу развернулся, готовый излить накопившееся с утра раздражение. К его изумлению, это оказалась его собственная телега. Ею управляла Гашун, а рядом, пытаясь удержаться на сиденье, восседал Васильев, чьи руки всё еще были связаны за спиной. Желая сорвать злость, Гедесу замахнулся кнутом, намереваясь отхлестать беспомощного казака.

- Ах, это ты! Бежать вздумал? Стадо мое переполошил! — прорычал он, багровея от ярости.

Терпение Субэдэя иссякало. Он перехватил руку Гедесу и развернул его к себе. Нехотя, с лицом, пылающим от гнева, Гедесу опустил кнут и, бросив угрюмый взгляд на брата, принялся осматривать ущерб, что-то ворча себе под нос.

Тем временем Тенек, возбужденно бормоча что-то невнятное, пытался подставить свою скрюченную спину под ось, чтобы вызволить застрявшее колесо. Он хрюкал и косился на Гедесу, словно дразня его. И у того в голове вдруг промелькнула мысль, что вся эта череда досадных неудач, преследовавших его с самого утра, была подстроена этим ухмыляющимся идиотом. Не в силах сдержаться, Гедесу принялся злобно хлестать горбуна кнутом. Услышав его пронзительные крики, Субэдэй мгновенно подскочил к ним.

Увиденное вывело его из себя. Ярость затмила разум, и его собственный кнут, словно ожившая змея, взметнулся в воздух и обвил оплывшие щеки Гедесу. Острый кончик кнута полоснул по лицу брата, выбив его глаз из глазницы.

Теперь уже Гедесу взвыл от боли, едва не рухнув с лошади прямо в блеющее стадо. Тенек, скуля и корчась, лежал под телегой. Бабушка приковыляла посмотреть, что стряслось. Вслед за ней появилась и жена Гедесу. Гашун поначалу разразилась жестоким смехом при виде мужа, ревушего, как зарезанный баран, с желеобразной массой своего глаза на ладони. Но, быстро оценив, во что обойдется потеря глаза, она начала кричать на Субэдэя. Тот, охваченный болезненным раскаянием, пытался подобрать слова утешения для брата. Но Гедесу, глядя единственным здоровым глазом на кровоточащую плоть в своей руке, вдруг замолчал и произнес громким, отчетливым голосом:

- За глаз, что выбил мой буйный брат, – девять лошадей или сто овец! ... И ни одной меньше, так ведь?

Он вырвал свой глаз, словно сорняк с корнем, и выставил его напоказ, как торговец диковинным товаром на базаре. Гедесу держал окровавленные нити, словно драгоценность, поворачивая здоровый глаз то в одну, то в другую сторону, чтобы охватить взглядом всех зрителей. Пораженные его безумием, люди вытягивали шеи, стараясь оценить его жертву и назначенную за нее цену.

- Сто овец! — проревел он, торжествуя.

- Забирай всех, — устало ответил Субэдэй, стыдясь жадности брата и своей причастности к этому позорищу. — Бери всех моих овец, всех до последней.

- Субэдэй! — взвизнула бабушка.

Но он, не в силах выносить такой торг, пришпорил коня и скрылся в клубах пыли. Бабушка, пылая праведным гневом, повернулась к Гедесу:

- Хватит реветь, жалкий ты сутяга, и слушай меня! Сто овец получишь, и ни одной больше! А теперь прочь с моих глаз! Со мной поедет Тенек, как сказал Субэдэй.

Она вытащила горбуна из-под телеги и, не говоря больше ни слова, вернулась к своей повозке.

Впереди Субэдэй подал знак, и аймак Темуру медленно тронулся в путь, занимая свое место в бескрайней орде. Сам же Субэдэй начал торопливо пробираться к авангарду воинов.

Воспоминание о случившемся жгло, словно раскаленное железо, так, что его собственный глаз заныл от фантомной боли. Субэдэй не понимал, как родные братья, сыновья одной матери, как они с Гедесу, могут питать друг к другу такую лютую ненависть. Возможно, в этом была и его вина – ведь он не раз потешался над Гедесу. Но почему всё должно быть именно так? Не потому ли, что он чувствовал, что натура Гедесу чужда вольному духу торгутов? Скорее, его брат был типичным пленником той странной зависимости, что уже начала разъедать его народ, – рабства медной монете, лицемерным манерам торгашей. Если для большинства овцы были лишь средством выживания, то для таких, как Гедесу, они стали самой сутью жизни, целью, ради которой он готов был на любые ухищрения, лишь бы приумножить свое стадо.

"Да, — подумал Субэдэй, — к лучшему, что мой народ покидает эти русские степи. Возможно, мы уходим вовремя."

Он двигался неспешно, стесненный теснотой повозок и бесчисленных стад, и угнетенный тяжелыми думами. Не замечал приветствий, заглушая болтовню и сплетни, поднимавшиеся вокруг, словно при утренних лучах солнца пена на гребне гигантской волны миграции, неумолимо стремившейся на восток.

- Эй, куда мы вообще направляемся? — выкрикнул кто-то.

- Туда, где трава зеленее, — отозвался другой, — и где нет крепостей!

- Что? Неужели и на Эмбе крепости поставили?

- Только на Яике.

- А! Попытаются ли нас там остановить?

- Возможно... Спроси у знающих... Эй, Субэдэй!

Но он только прибавил ходу, пробираясь сквозь людское море на север, к невысокому хребту, где можно было двигаться свободнее в стороне от орды. "Смогут ли они нас остановить?" — сверлила мысль. "Конечно, попытаются... Обложили нас крепостями, втягивают в свои войны, каждый год забирают шерсть и скот, вынуждают покупать их товары." Субэдэй помнил, как в детстве его народ многое создавал своими руками, а теперь вынужден покупать это. Всё, что говорили вчера на большом собрании, было правдой: у торгутов овец стало больше, чем когда-либо, но с каждым годом они становились всё беднее. Словно ненасытная царица медленно пожирала его народ. И теперь они бежали из ее жадной утробы, но она скоро проснется и вцепится им в пятки.

Достигнув хребта, Субэдэй ощутил ледяной порыв ветра, словно вызов, брошенный прямо в лицо. Внизу, у подножия, лошадь на мгновение завязла в глубоком снегу, но, собравшись с силами, пробилась сквозь сугробы, цепляясь копытами за обледенелые камни. Крепко держась в седле, с уздой в одной руке и кнутом в другой, с новым мушкетом за спиной, он взобрался на вершину.

Перед ним раскинулась бескрайняя, заснеженная степь, уходящая вдаль на юг и на север. Насколько хватало взгляда, до самого горизонта, двигалась орда. Хошуну, словно притоки реки, вливались в основной поток. Над этим морем людей и животных вихри снега заслоняли яркое солнце, словно тонкая белая дымка, поднимающаяся от дыхания движущейся орды.

Хошуну двигались в строгом порядке, освященном веками, как того требовал обычай: в авангарде шли табуны пони, прокладывая путь сквозь снежную целину. За ними, тяжело ступая, двигался крупный рогатый скот и груженные волы, а следом тянулись вереницы верблюдов, связанных в длинные караваны. Овцы и козы, словно живые перекатывающиеся сугробы, беспрестанно перемещались по степи, подгоняемые пастушьими собаками и звонкими головами хохочущих ребятишек, оседлавших лохматых пони, таких же юрких и проворных, как и сами псы. За ними степенно шествовали старики: одни вели на поводках борзых, а на костлявых запястьях других, укрытых клобуками, восседали гордые беркуты, чью тяжесть позволяли выдерживать лишь искусно вырезанные из стремян костыли. Далее начиналось шествие волов, впряженных в огромные двухколесные телеги. Колеса у них были разные: у одних – цельные, круглые, у других – старомодные, квадратные или восьмиугольные. И, надо сказать, восьмиугольные колеса лучше справлялись с обледенелой дорогой, не скользили и не буксовали, в отличие от круглых, которые изматывали и без того уставших волов. Временами телеги опасно кренились, но редко опрокидывались – женщины и пастухи, опытные возницы, умело направляли волов, удерживая груз в равновесии. Замыкали колонну каждого хошуна пешие старухи и дети, чьей задачей был сбор навоза, который они бросали в специальные телеги с арголом, предназначенным для использования в качестве топлива.

Хошун за хошуном – словно ожившая фреска кочевой жизни разворачивалась перед глазами. Табуны низкорослых пони, скот и навьюченные скарбом вьючные животные, отары овец и коз, ведомые зоркими псами и шустрой детворой; степенные старики с беркутами на руках и борзыми у ног; женщины и мужчины, восседающие на конях или правящие волами, тянущими громоздкие скрипучие телеги; домашние телеги, раздувшиеся от поклажи до самых небес; огромные круглые водовозки, пока заполненные домашней утварью; торжественные белые храмовые телеги; телеги, груженные сеном и зерном для скота; и, замыкая шествие, телеги с кизяком, за которыми неспешно брели старухи и дети. Бесконечным, повторяющимся узором из животных, людей и повозок торгутская орда, хошун за хошуном, аймак за аймаком, улус за улусом, словно могучая река, неудержимым потоком текла на восток.

Субэдэй, наблюдавший за движением с горного хребта, время от времени замечал, как целые хошуну, а порой и аймаки, словно в нерешительности, замирали, дрейфовали, вновь

останавливались, а затем с новой силой устремлялись вперед. Это напоминало ледяные глыбы в весеннее половодье, неукротимые течения и водовороты реки, широкой, как морской прилив, и мощной, как ледник, стремительно несущейся на восток.

Далеко на юге, почти в шестидесяти милях, правый фланг орды формировали улусы Цебека и его братьев Кирепа и Аксакала, а также улусы Ассарко, Маши, Яндита и Заатуна, объединенные под военным началом принца Цебека, председателя Торгутского совета и двоюродного брата хана.

На крайнем севере, на левом фланге, под командованием принца Шеаренга шли крупные улусы Бууруна и Кератов.

В арьергарде, подтягивая основные силы, располагались улусы Бамбара, Сапсора, а также более мелкие улусы Кокшинар и Хандур, объединенные под командованием принца Бамбара.

В центре торгутской орды, простираясь далеко на восток, находился обширный улус Убаши-хана, к которому примыкали улусы его тестя Эрранпала, Тукчи, Мергхона и Самианга, Гуиджи Балжура, а также небольшой контингент перебежчиков из башкир и туркмен. Все эти силы находились под предводительством самого Убаши-хана.

На флангах и в тылу орды были размещены мощные отряды воинов. В авангарде же, на значительном удалении, двигались десять тысяч отборных торгутских воинов под командованием Темуру и его давнего соратника Момотубаша, зайсангов-генералов Убаши, ветеранов бесчисленных сражений с дикими кочевыми ордами и прославленных героев недавней Русско-Турецкой войны.

Из всего великого Торгутского знамени лишь дербетские улусы князей Дондеркова и Галдана, не сумевшие или не пожелавшие переправиться через Волгу, остались позади.

По мере продвижения огромные вереницы повозок и скота начали формироваться в три основные колонны, каждая из которых, в свою очередь, состояла из бесчисленных потоков хошунов и аймаков. Центральная колонна, возглавляемая Убаши и замыкаемая Бамбаром, растянулась почти на семьдесят пять верст от головы до хвоста, охватывая территорию шириной более тридцати верст. При этом длинные нити хошунов и аймаков в конечном итоге сомкнулись в линию шириной около пятнадцати-двадцати верст. Левое и правое крылья орды – фланговые колонны Шеаренга и Цебека – были отделены от центра военными коридорами шириной в несколько верст. Каждая из этих колонн, состоящая, как и главная, из множества нитей хошунов и аймаков, в конечном итоге приобретет примерно такую же длину и около двух третей ширины центральной колонны. Таким образом, на территории, простирающейся более чем на семьдесят пять верст в длину и почти на шестьдесят верст в ширину, торгуты сформировали три гигантские армии из мигрирующих животных, повозок и людей.

Для Субэдэя это было волнующее, захватывающее зрелище.

Он никогда не видел, чтобы вся Волжская орда двигалась так слаженно и в то же время занимала необъятное пространство, простирающееся дальше, чем мог охватить взгляд. Из всей истории своего народа он не мог припомнить ни одной легенды, ни одного предания, в которых упоминалось бы такое огромное количество людей, одновременно отправившихся в путешествие к далекой и неведомой цели со всем своим скотом и имуществом.

Действительно, здесь было около четырехсот тысяч человек, вдвое больше лошадей и пони, почти пять миллионов голов скота, овец, коз и волков, и более ста тысяч собак.

Сердце его трепетало от этого зрелища – от вида знамен Убаши-хана, развевающихся далеко впереди, среди авангарда воинов, и торгутских штандартов, похожих на бело-голубые клочки тумана. И он подтолкнул своего коня вперед.

Там, где заканчивался хребет, простиралась ровная гладь утоптанного снега, а в нескольких верстах впереди виднелся лишь авангард. Его крепкий конь помчался вниз по склону и выскочил на снег. Из-под копыт вылетали синие осколки льда, смешанные со снегом, поскольку здесь начинались обширные солончаки, которые можно было пересечь только в середине

зимы. Стук копыт его коня разносился приглушенными ударами по ледяной поверхности. Он ворвался в ряды воинов с криком:

"Я-боннах!"

Люди приветствовали его, некоторые пели, и все внимательно всматривались вперед, выискивая над сверкающим снегом признаки опасности и ориентиры, и просто радуясь наступлению ясного нового утра во главе своего народа.

Во время езды некоторые из них запели песню, меланхолию которой опровергали их горящие глаза:

*"О, мой конь родился
За тем травянистым холмом.
Солдаты царицы
С завистью смотрели на моего коня.
Цвет шерсти моего коня
Прекрасен, как небо и облака.
Когда мой конь бежал,
За ним поднималось облако пыли.
Он был высок, и шерсть его была голубой.
О! Куда же мог деться мой конь?"*

Субэдэй с бурной меланхолией подхватил песню, и когда они закончили, он дико расхохотался вместе со всеми, презирая царских воров, от которых они бежали. Экстаз свободы опьянял их: чистое голубое небо над головой, девственная белизна снега под ногами. Затем кто-то выкрикнул и затянул военную песню, о которой говорили, что она пришла еще со времен Темуджина, великого хана Чингисхана:

*"Какое наслаждение, какая слава и радость –
Покорять и убивать наших врагов!
Слышать вопли их слуг!
Захватывать их богатства и жен!
Превращать животы их жен
В наше победное ложе!"*

Юные сердца, подобные Субэдэю, пылали жадной битвы и победы во имя своего народа, и их голоса звенели в песне. Но были и другие, более зрелые воины, которые лишь сдержанно улыбались, с тихой задумчивостью слушая это пылкое пение.

Молодым достаточно было выплеснуть свою энергию в звуках. Но важно было помнить, что торгуты ищут не грабежа и войны, а свободы и мира. А позади них, во всех сторон, и впереди, таилась могучая сила царицы. Эти мысли, словно ледяной ветер, остужали пыл старших, таких как Темуру и Момотубаш, видевших в обманчивой ясности снега и неба лишь ловушку, призванную усыпить бдительность ослепительным блеском белизны и лазури.

Но во всех мужчинах, от мала до велика, теперь поднимались воодушевление и надежда, вырвавшиеся на волю подобно фонтанам юношеского смеха после долгих лет угнетения. И песня, этот стремительный порыв авангарда, словно эпицентр сияющей области высокого давления, втягивающий в свою орбиту попутные ветры, увлекала за собой всю, опьяненную свободой и радостью, орду волжских торгутов, сметающуюся из России на восток, сквозь снег и лед, к ясным, вольным землям рассвета.

Глава 4.

Солнце, преодолев зимний меридиан, неспешно клонилось к юго-западу, пылая, как далекий костер, и окрашивая дымчатый снег, застывший в вечернем воздухе. Легкий ветерок едва ощутимо колыхал снежную пыль, плывущую над степью, словно дым от сухой травы. Мороз, обжигая, пронизывал до костей, когда сумерки стремительной тенью наступали с востока. Вдали, на окраинах орды, будто призраки, возникали тощие серые волки, крадучись из укрытий, чтобы тоскливо выть на холодные звезды, чуя дразнящий запах плоти.

Богачи кутались в роскошные меховые плащи из барсука и норки, в то время как бедняки, дрожа в грубых козлиных тулупах, жались к животным в поисках тепла.

Измученные долгим днем на зимнем ветру, старики и старухи особенно остро ощущали вечерний холод. Дети капризничали, плача от голода и усталости. За целый день они получили лишь крохотную порцию сухого молока, разведенного в воде. Ночь не сулила ничего утешительного – разве что немного кипяченого снега, приправленного кирпичным чаем, да горсть пшена, чтобы хоть на миг утолить голод.

Неудержимая радость, поддерживавшая людей весь день – восторг от успешного начала миграции, несмотря на угрозу волжских крепостей – к ночи сменилась трезвым осознанием суровой правды: этот форсированный зимний марш означал, что путь к свободе, если он вообще возможен, будет усеян одними лишениями и страданиями.

В ту ночь было разбито лишь несколько походных кибиток, когда далеко за полночь объявили привал. Днем мигрирующая орда растянулась в три гигантские колонны, каждая шириной от пятнадцати до двадцати трех верст и длиной почти в шестьдесят. Но с наступлением сумерек аймаки и улусы начали сближаться, и когда Убаши-хан наконец отдал приказ остановиться, передовые аймаки каждой колонны замерли, а задние хошуны продолжали наступать вперед, пока орда не сомкнулась как можно плотнее, оставив открытыми лишь военные коридоры между аймаками.

Здесь, на солончаке, под снегом не было ни единой травинки для скота. Скудные запасы сена из обозных телег распределялись между измученными животными, тесно сбившимися в дрожащие кучи. Под повозками женщины разводили крошечные костры, едва достаточные для кипячения снега – ведь вокруг не было ни деревьев, ни даже саксауловых кустарников, лишь небольшая порция кизяка для поддержания слабого пламени. Не было ни песен, ни разговоров – только изматывающая тишина. Очень скоро торгутское войско превратилось в дремлющую тень, могуче раскинувшуюся над замерзшим болотом.

Снег, круживший в мерцании звезд, вскоре осел невесомым инеем на повозках, шерсти животных и одежде людей. Вдоль дальних рубежей орды, простираясь на многие версты, воины несли молчаливый дозор, оберегая спящих от волчьего рысканья и внезапной беды.

Субэдэй, не сомкнувший глаз прошлой ночью и изможденный дневными хлопотами, к вечеру совсем оцепенел от усталости. Однако было решено, что первую стражу до полуночи возьмут на себя молодые воины. Расставив людей своего отца в длинную цепь, ограждающую орду, Субэдэй направил коня к старшему воину, чтобы доложить обстановку. Он плотнее запахнул овчинную шубу, пряча подбородок от пронизывающего холода, и ощутил ледяный металл русских десятикопеечных монет, заменявших пуговицы. У небольшого костра Темуру, в окружении нескольких старших командиров и Убаши-хана, сидели на шкурах, неспешно попыхивая трубками перед сном. В пляшущих отблесках пламени Субэдэй едва различал их лица, но уловил, как взгляд Убаши, устремленный на него над светящейся чашей трубки, выражал немой вопрос.

- Люди расставлены, – начал молодой воин неуверенно.

- Достаточно, – грубо отрезал Темуру. – Стоило беспокоить нас только для того, чтобы сообщить очевидное?

Субэдэй покраснел и уже повернул своего белого коня. Но Убаши, поглаживая шелковистые усы, любезно произнес:

- Разве это не один из моих жеребцов?

- Ты сам ему его подарил, – прорычал Темуру. – Мой сын Субэдэй, – добавил он, скрывая гордость под маской презрения.

- О, я прекрасно это помню! – добродушно отозвался Убаши, словно желая смягчить резкость Темуру. – Два года назад на летних скачках... или, может быть, три? Да, он был так доволен подарком, что в знак благодарности – как истинный молодой жеребец, заметьте, – укусил меня за палец! – посмеиваясь, вспомнил он.

Громкий смех прокатился по воздуху, и Субэдэй вновь почувствовал, как краска заливает его лицо, радуясь темноте, скрывающей его смущение. Ему с трудом верилось, что всего пару лет назад он мог совершить такую нелепую детскую выходку.

- Субэдэй, послушай, — сказал Убаши, отсмеявшись. — Отправляйся в мой аймак, найди ламу Лоузанга. Выясни у него, будут ли звезды сиять всю ночь, и останутся ли дни ясными и морозными.

- Смотри, не ищи горячего арака, чтобы захмелеть, — проворчал Темуру.

- И кобылку не ищи, чтобы разгорячиться, — подхватил Момотубаш.

Новая волна смеха окатила их.

- И убедись, что там всё в порядке! – крикнул Убаши ему вслед.

Субэдэй развернул коня и поскакал прочь, разрываясь между раздражением от отцовской грубости и благодарностью за доброту хана. Его конь, словно стрела, летел по узким проходам, проложенным между спящими аймаками в соответствии с военным порядком. Темнота ночи и безмолвие, сменившие дневную суету и ослепительный свет, рождали особое, волнующее чувство — принадлежность к тем немногим, кому не суждено предаться сну. С легким волнением Субэдэй преодолел почти восемь верст, отделяющих его от аймака хана. Лишь приблизившись к цели, он перевел коня на шаг, а на лицо напустил маску хладнокровия и бесстрастности.

- Лама Лоузанг? — тихо спросил он у стражника.

- Спит уже. Не велено беспокоить.

- От Убаши-хана, — сдержанно, но твердо произнес Субэдэй, стараясь не повышать голоса, чтобы не потревожить спящий лагерь.

- Ну, это выше моего разума, — пожал плечами стражник. — Где-то возле храмовых повозок. Вон там, дальше.

- А здесь? — спросил Субэдэй, осматриваясь. — Всё спокойно?

- Всё, — устало махнул рукой стражник.

Пристальный взгляд Субэдэя скользнул по привязанным животным. Коня Кедар-чаб нигде не было.

- А принцесса Кедар-чаб?

- Куда-то отлучилась, — неопределенно ответил стражник.

- Одна?

- Послушай, парень, какое тебе дело? Проваливай отсюда.

Субэдэй наклонился и, почти касаясь уха стражника, резко прошептал:

- От Убаши-хана!

Лицо стражника застыло, превратившись в непроницаемую маску, словно высеченную из камня.

- Одна, — отчеканил он.

Субэдэй двинулся вперед, предоставив коню самому выбирать путь среди нагромождения багажа и скота. Спящие под телегами недовольно ворчали, потревоженные его появлением.

Скот лениво пережевывал снег, равнодушно наблюдая за происходящим. В морозном воздухе стоял едкий запах человеческих и животных испражнений. То тут, то там раздавался кашель, животные беспокойно переступали с ноги на ногу.

Субэдэй с горечью размышлял о том, куда могла уйти Кедар-чаб одна в ночной час.

Он миновал огромные, припорошенные снегом храмовые повозки, доверху набитые драгоценной утварью, шелками и принадлежностями для главных храмовых шатров, и наконец добрался до уютного убежища из белых шкур, одиноко стоявшего в ночной мгле. Субэдэй помедлил, затем слегка кашлянул и прошептал:

- Ваше Святейшество!

Он настороженно прислушался. Ему почудился приглушенный женский смех, похожий на смех Кедар-чаб. Сердце бешено заколотилось. Но тут он снова услышал смех, более низкий, более зрелый, чем у Кедар-чаб, и понял, что это Санд-чаб, ее сестра, находится в шатре. Он прошептал громче:

- Ваше Святейшество!

Послышался шелест шелка, и рука, униженная сверкающими камнями и держащая четки из коралла с бирюзовыми счетами, приоткрыла узкую щель в шкурах. Проницательные, с темными веками, глаза ламы Лоузанга, старшего сына принца Бамбара, устремились на Субэдэя.

- Я занят воззванием к помощи Падма Самбхавы, – произнес он отстраненным, тягучим голосом. – Зачем меня беспокоят?

- Хан Убаши... — запнулся Субэдэй. — Он хочет знать, будут ли звезды сиять всю ночь, останутся ли дни ясными и холодными?

Пальцы, перебирающие четки, словно отсчитывали секунды молчания. Затем Лоузанг заговорил вновь ледяным тоном:

- Ищи шамана Багху, жреца Бон-по. Он знает больше об этих земных делах, чем я.

Субэдэй не отрываясь смотрел на пальцы и сверкающие четки, медленно исчезающие, словно когти, в глубине белых шкур. Он осознал, что каким-то образом нажил себе врага в лице могущественного главного ламы торгутов, и отвернулся.

"Значит, слухи о сестре Кедар-Чаб правдивы, – подумал он. – Неужели это относится и к ней самой?"

Он отчаянно попытался отогнать эту мысль, вызывая в памяти ее взгляд, ее слова. Увы, среди их народа мораль мало что значила для замужних женщин, а для незамужних — это был лишь вопрос цены. И калым, который Убаши запросил за Кедар-чаб, был настолько непомерным, что мало кто мог его заплатить. Лишь немногие из самых богатых князей, возможно, даже не сам Цебек, могли себе позволить такую цену. Конечно, молодому воину, как Субэдэй, владеющему лишь белым конем и не имеющему иных богатств, Кедар-чаб никогда не досталась бы законным путем. Без калыма ее участь могла бы быть подобна судьбе ее сестры, Санд-чаб, с ее надломленным смехом, влачащей дни в каком-нибудь крытом мехами шатре. Эти мысли терзали Субэдэя, несмотря на понимание, что Кедар-чаб окажется лишь там, где пожелает ее сердце, и в этом не будет тени греха.

Измученный ревнивыми домыслами, Субэдэй пробирался сквозь стаю собак, с отвращением обнюхивающих раздавленные в снегу внутренности.

- Ш-ш! Осторожнее! — зашипел кто-то на него.

Из-под телеги выглядывал Багха. Он жестом подозвал Субэдэя, приглашая спешиться. Чувствуя свинцовую усталость и ооченение в ногах, Субэдэй с готовностью прыгнул на землю, чтобы размяться. Под телегой Багха уже развел небольшой костерок. В тлеющих углях аппетитно шкворчала баранья лопатка.

- Скоро скажу, – нетерпеливо прошептал он, – какая погода нас ждет.

- Хорошо, — равнодушно отозвался Субэдэй. — Лама Лоузанг слишком занят своими делами, чтобы предсказывать погоду.

- Эх, — пробормотал Багха, — да что он вообще может сказать? Только время теряет – да и то, лишь когда дух снизойдет – со всеми этими глупыми шарами и стеклами. Слушай, — говорю я, — незачем на звезды глазеть, в небеса пялиться – смотреть надо туда, где погоду увидеть можно. В кости!

Он ловко подгрел угли, стараясь не задеть жарящуюся лопатку.

- И чем же занималось его святейшество? — спросил шаман, не отрывая взгляда от огня.

- Падмой Самбхавой, — ответил Субэдэй. — В руках у него были четки красношапочников.

- Видишь? — прошипел Багха. — Вот тебе и прекрасный желтошапочный священник. Поскреби любого из них, и увидишь - все они одинаковы. Похоть и кровь, как и у всех нас... похоть и кровь... Вот, возьми Падму – он был богом для тебя, пока эти святоши желтошапочники не захватили власть! Времена красношапочников были больше по душе нам, монголам, это факт... Знаешь, что умел Падма Самбхава?

Субэдэй, утомленный ожиданием, бросил:

- Ну, что там?

Багха вскинул свое исхудавшее лицо к небу, прикрыл глаза и нараспев затянул:

Узреть мир фей,

Путешествовать незримо, как ветер,

Парить в лазурных небесах,

Разить врагов единым знаком,

Превращать бранные останки в золото,

Порабощать демонов и нимф,

Ловить летучих птиц на взлете,

В безмолвии парить, скрестив колени...

Но в этот момент кость, лежавшая среди красных углей, внезапно с треском хрустнула, прервав заунывную литанию Багхи. Он подался ближе к огню, увлекая за собой Субэдэя, и, взволнованно указав на дымную трещину в суставе, обвел ее пальцем:

- Вот, боги вещают! Даже Падма не смог бы тебе этого поведать. Смотри, десять дней, а может, и одиннадцать – дни ясные, холодные! Я тебе вот что скажу, Субэдэй: когда нужна истинная правда, нужно возвращаться к шаманским богам. Слушай, погляди и скажи мне время, а то у меня шея затекла.

Субэдэй взглянул на звезды.

- Меньше двух часов до полуночи, – ответил он, уже садясь на коня, но тут же, поколебавшись, наклонился к шаману. – Багха...

Тот разминал затекшие конечности и раздраженно проворчал:

- Что еще?... Знаешь, я думал, Убаши хоть монету пришлет, или табачку щепотку...

- На, возьми моего, – Субэдэй достал кисет из-за пазухи халата. – Не его вина, Багха. Меня к ламе Лоузангу послали, а он уже к тебе.

- Знаю, знаю, – уныло отозвался Багха, набивая в трубку столько табака, сколько вмещала чаша. – Но разве это справедливо? Когда нужно сделать настоящую работу, все бегут ко мне. А кто как принц живет, в белых мехах щеголяет? И у них хватает наглости, заметь, насмеяться над шаманскими богами, после того как свое получили... Где тут справедливость, вот что я скажу.

- Багха, – внезапно прошептал Субэдэй. – Ты помнишь, о чем мы говорили? Ты делаешь снадобье?

Шаман кивнул.

- От определенной стороны, — сказал он, — ей вреда не будет!

Субэдэй, ожидавший облегчения, ощутил ледяной холодок тревоги. Он наклонился и схватил предсказателя за полу халата.

- Что ты имеешь в виду, Багха? — резко спросил юноша. — Значит, от кого-то другого будет? Говори же, что ты узнал?

Субэдэй требовал ответ, тряся шамана.

- Эй, ты меня душишь! — прохрипел Багха, вырываясь. Он выпрямился, прислонившись спиной к своей маленькой тележке, словно восстанавливая пошатнувшееся достоинство, и продолжил с возмущением. — По-твоему, так следует обращаться с шаманом?

- Прости, Багха, — взмолился Субэдэй, всё еще встревоженный, — но я должен знать!

Шаман закрыл глаза и обратил лицо к бездонной черноте ледяного неба.

- Никакого вреда, — пробормотал он, — кроме как от себя самой.

Субэдэй в ужасе уставился на него.

- Как... от себя самой? — запнулся он. — Как это предотвратить? Нет ли способа избежать этой участи?

Шаман открыл глаза и раздраженно выпалил:

- Откуда мне знать, дружище? Слишком далеко, чтобы видеть... слишком скоро...

Он отвернулся и пнул ногой угли, разбрасывая их по снегу. Они зашипели, и из-под телеги поднялось облако пара. Шаман стоял в этом редеющем тумане, потерянный и подавленный, словно он был обычным смертным, таким же, как и все, не властным над грядущим, не способным повлиять на ход будущего. Словно все они были лишь осенними листьями, гонимыми ветром, что дул не по законам богов или людей, а лишь по собственной прихоти, как ему заблагорассудится...

Молча подтолкнув коня, Субэдэй вернулся к костру воинов, где нашел Темуру и остальных спящими на шкурах прямо на снегу.

"Расскажу им о погоде, когда они проснутся," — подумал он и поехал дальше, минуя вереницу привязанных лошадей, в темную равнину. Холод и одиночество окутали его, и он обрадовался, увидев одного из своих людей. Это был Норбо, один из пастухов Гедесу, теперь ставший воином. С ним можно было поднять за разговором. Субэдэй достал свою трубку, табак и высек искру из огнива, висевшего на поясе. Две лошади прижались друг к другу, и мужчины заговорили тихими голосами.

- Как дела?

- Ничего особенного, — небрежно обронил Норбо, затягиваясь трубкой. — Волки провались. Говорят, несколько овец задрали где-то вдоль линии, верстах в семи... ну, может, десяти отсюда. Едва слышно было стрельбу.

- Поймали волков?

- Говорят, нет.

- Возможно, через пару дней устроим охоту.

- Может быть, — согласился Норбо.

После недолгого молчания Субэдэй спросил:

- Тебе это больше по душе?

- Чем овец пасти? — презрительно фыркнул Норбо. — Да еще для твоего толстобрюхого братца?.. Глупцом был бы, если бы это было не так.

- Возможно, и ты обзаведешься собственным стадом, — предположил Субэдэй. — Нам может повезти, в дороге всякое может случиться. Ты же понимаешь?

- Ну, — задумчиво протянул Норбо, — дело вот какое. У меня было стадо, прекрасное стадо овец. А потом что? Однажды моя лошадь захромала, пришлось одолжить одну у Гедесу... Правда, твоего братца тогда не было рядом, но это же всё равно было заимствование...

Он умолк. Оба подняли головы, провожая взглядом метеор, медленно чертивший в небе длинную дугу. Затем Норбо продолжил:

- Так вот, Гедесу на меня в суд подал. А что я мог сделать? Говорят, Гедесу пару рубликов подкинул — и не зря, как по мне, потратился — ему присудили мое стадо... Зачем мне

еще овец наживать, спрашивается? Всё равно то же самое будет. Богатые богатеют! — горько заключил он, размахивая руками, чтобы согреться в своей шубе из козьего меха.

- Не знаю, — ответил Субэдэй, — может, там, куда мы направляемся, всё иначе будет. Может, станет как в старые добрые времена.

- Если хочешь мое мнение, — цинично хмыкнул Норбо, — никогда! Как вчерашний день завтрашним станет — разве такое возможно?

Субэдэй собрался в путь.

- Ну, поеду дальше... Больше ничего?

- А, да, — Норбо улыбнулся, будто вспомнив маленькую радость в этой унылой ночи. —

Принцесса проезжала вдоль линии.

Субэдэй бросил как можно небрежнее:

- Кедар-чаб? Что ей понадобилось?

- Да так, просила кого-то передать сообщение.

- Кому-то особенному?

- Да нет, вроде бы... Во всяком случае, она в итоге передумала оставлять сообщение.

- Кому сообщение? Она сказала?

- Ну, принцу Цебеку, кажется... Куда-то далеко направо.

- О, — только и сказал Субэдэй. — А потом?

- А потом, — ухмыльнулся Норбо, — она не осталась меня греть. Поехала домой.

Субэдэй двинулся дальше, рассекая нетронутый снег. Как разгадать лабиринт мыслей такой девушки, как Кедар-чаб? Возможно, ее приезд сюда был вызван желанием увидеть его. Но что ей понадобилось от Цебека? Она словно говорила одно, а делала совершенно другое. Возможно, именно это имел в виду Багха, утверждая, что она бессердечна и непостоянна, а значит, способна причинить вред самой себе. "Пусть Цебек или кто другой причинит ей вред!" — пронеслось в голове Субэдэя, и его пальцы яростно сжали кнут. Но какое право, какая надежда может быть у него, если все его богатства - лишь белогривый конь да имя древнего героя из глубины седых веков?

Субэдэй поднял взгляд на черное небо, усыпанное бриллиантами звезд. Неужели даже им, безмолвным свидетелям вечности, неведомо будущее?

Шаман может предсказать погоду по костям, может даже указать, как устранить беду. Но разве не видит он за пеленой реальности нечто большее? Ламы умеют читать судьбы по звездам, возвещая о завершении года Зайца и скором наступлении года Тигра. Ходили слухи, что сам Далай-лама, пребывающий в далеком и священном Тибете, предвидел этот переломный момент и направил гонца к торгутам с советом: если они замыслили мятежный исход из России, то лучше совершить его на стыке этих двух лет, дабы обрести стремительность зайца и мощь тигра.

Парадоксально, что ламы и шаманы, обладая даром предвидения, всё же не способны охватить будущее во всей его полноте. Они не могут проникнуть в мысли Кедар-чаб, отчаянно думал Субэдэй, не могут предсказать судьбу его народа. Неужели эта тайна никому не подвластна?

Небо чернело над головой, звезды мерцали с пугающей отстраненностью, словно им не было дела до этих маленьких существ, до огромной массы несчастных людей, затерянных во сне на заснеженном болоте, где ветер бесчинствовал, не признавая границ.

Эта мысль вызвала в душе Субэдэя бунт. Если бы всё было предрешено, человечество давно бы сгнуло, не имея ни помощи, ни надежды. Но люди продолжают жить, всё еще двигаются вперед.

- Путь человека, — медленно произнес он, — только один.

И вдруг его осенило: а ведь это путь к свободе! Именно по такому пути человек властен идти. Неважно, что будущее сокрыто от глаз — будущее может стать таким, каким его сотворит

сам человек. На этом пути препятствия можно обойти или уничтожить. Тогда жизнь обретает смысл. И каждое свое деяние, свершая его, человек может оценивать с точки зрения избранного пути, подчиняя его своей воле, зная свою цель — свободу.

Субэдэй расправил плечи и глубоко вдохнул морозный воздух, устремив взгляд на звезды, которые прежде казались такими зловеще темными. Теперь они сияли ярко, словно маяки в ночи, ведь у него и его народа появилась идея, подобная путеводной звезде. В ее свете можно оценивать всё происходящее, и это наполняло его чувством глубокого удовлетворения.

Наконец, наступила полночь, и появился Темуру, отдохнувший после сна. Он выслушал доклад Субэдэя о волках и предсказании погоды от Багхи-шамана. Затем по-отечески сжал плечо сына и произнес:

- Хорошо. Спи спокойно. Завтра двинемся до рассвета.

Но до рассвета, казалось, еще тянулась долгая ночь, когда вдруг затрубили рога, звучные, как боевые трубы, и забили барабаны, дикие, словно топот копыт по полой скале. Лишь кое-где на огромном, темном болоте мерцали остатки костров. Дозорные вернулись со смены, и гонцы помчались из авангарда между хошунами и аймаками. Глухой ропот поднялся от людей и зверей, пробуждающихся от холодного и беспокойного сна. Вспыхнули факелы, озаряя сонмы просыпающихся лиц.

Разбудили всех, кроме немногих стариков и старух, уснувших вечным сном. Раздался короткий, скорбный плач — ритуал, посвященный богу смерти. Затем, церемонно, с мертвых стали снимать одежду, бережно и деликатно, за исключением тех мест, где она примерзла к телу, и ее приходилось отрывать.

Когда повозки и животные медленно тронулись в темноте, они старались объезжать неподвижные тела на снегу как можно шире. Орда двигалась вперед, неуклонно, и воздух начал слабо окрашиваться в синий цвет. В предрассветном сумраке ночные мертвецы, оставленные позади на вытоптанном болоте, лежали обнаженные и холодные, как камни. Издалека послышался волчий вой — волки казались синими тенями, затерянными между сумраком ночи и бледным светом зари.. И, словно спасаясь от смерти на рассвете, орда двинулась дальше.

Глава 5.

Погода, словно повинувшись заклинаниям шамана, стояла на редкость ясная и морозная – идеальная для путешествия. Вероятно, ни при каких других условиях великое солончаковое болото не покорилося бы им. По укатанному снегу продвигались уверенно. Дневной переход определялся скоростью самых медлительных животных, неповоротливых волов, однако, начиная путь на рассвете и останавливаясь далеко за полночь, они всё же преодолевали до шестидесяти верст в день. Вскоре склоны горы Чапчи остались позади, к северу от замерзшего болота. А к югу, в зимней дымке, всё дальше и тусклее мерцали обдуваемые ветром ледяные поля озера Биш-Уба. К исходу третьего дня даже белесые пустоши болота остались позади.

На заснеженных равнинах тянулись следы их бегства, отмеченные сломанными телегами, костями павших животных и замерзших тел стариков, скошенных безжалостной стужей.

Именно там многие оставили позади страх, последовавший за первоначальным воодушевлением.

Первый день казался триумфом, чудесным избавлением от многолетнего гнета. Но на второй день, отрезвев от эйфории и окоченев от холода, многие с ужасом вспоминали о смерти, настигшей их ночью. А к третьему дню пришло горькое осознание: сделан ужасный, необратимый шаг – убиты десять из семнадцати казачьих заложников. В живых остались лишь Васильев под присмотром Гедесу, поручик Михайлов и двое других в свите Убаши, двое в улусе Бамбара и казачий капитан, француз Дудин, – в улусе Цебека.

На третий день торгуты, ощущая над собой неотвратимость царской мести за пролитую кровь, нависшую над ними, подобно тени чудовищного грифа, парящего над белой степью, с опаской оглядывались назад, высматривая признаки преследования из волжских крепостей.

К исходу третьего дня, когда измученные путники достигли возвышенности, и перед ними раскинулись поросшие лесом холмы, в их ряды закралось обманчивое чувство безопасности. Движение замедлилось, словно иссяк первый, отчаянный порыв к бегству, и теперь, когда первая цель похода была достигнута, можно было перевести дух.

На четвертый день продвижение едва достигло сорока верст по новому труднопроходимому ландшафту, изобилующему природными преградами. Скалы, хребты, деревья и заснеженные овраги сковывали движение. Погонщикам требовалось проявлять чудеса мастерства, чтобы раз за разом предотвращать опрокидывание повозок. Овцы, козы и вьючные животные то и дело теряли равновесие или проваливались в снежные ямы. Особенно много хлопот доставлял крупный рогатый скот, неуклюжий и трудноуправляемый.

На закате четвертого дня почти дюжина голов из бабушкиного стада внезапно сорвалась вниз по нехоженому склону. В стремительно сгущающихся синих сумерках они утонули в снежной пучине, взбивая бледные водовороты над обреченными головами.

Бабушка была сокрушена трагедией. Рядом, словно тень, беспомощно переминаясь с ноги на ногу, стоял Тенек, издавая невнятные звуки сочувствия. Он наблюдал, как над застывшим местом гибели скота поднимаются крошечные фонтанчики снега, вырывающиеся из последних пузырьков угасающего дыхания. Когда суматоха схлынула, словно рябь на воде, поглотившей стадо, бабушка спрыгнула с повозки.

– Елден! Мерген! – позвала она.

К счастью, Елден, брат Норбо, и Мерген, пастух Гедесу, оказались неподалеку и, услышав зов, тут же поспешили на помощь.

Но следом явился и сам Гедесу.

- Что это такое? – рявкнул он. - Мерген должен следить за моим стадом... Что случилось? Ах, скот утонул – гм! Я всегда твердил, что лошади и овцы надежнее, разве не так?

В поисках поддержки своим словам Гедесу обвел взглядом собравшихся, запрокинув голову так, словно пытался высмотреть что-то пустым глазом из-под грязной повязки. Спешившись, он бросил презрительный взгляд на Тенека.

- Да, доверься убогому - и он пустит тебя по миру, – проворчал он, обращаясь к бабушке. – Потакаешь во всем Субэдэю и Тенеку, позволяешь им творить всё, что им вздумается, разбазаривая наше добро, а меня слушать, как всегда, отказываешься!

Тенек, испуганный недобрым взглядом одноглазого, инстинктивно отшатнулся, словно ожидая оплеухи. Возможно, испуг горбуна стал последней каплей, подтолкнувшей Гедесу к действию, а, может, эта мысль давно змеилась в его голове. Как бы то ни было, Гедесу угрожающе двинулся на Тенека, но, едва сделав шаг, оступись, потерял равновесие и, поскользнувшись, кубарем покатился в овраг, судорожно цепляясь за снег. Не выдержав этого зрелища, бабушка и двое мужчин разразились дружным хохотом, а Тенек, убедившись, что поверженный враг вне досягаемости, издал ликующий клич.

К тому времени, когда Гедесу, красный от напряжения и задыхающийся, выбрался из своей снежной западни, Елден и Мерген, вооружившись деревянными лопатами, уже осторожно прокладывали себе путь вниз по занесенному склону. Гедесу застыл на месте, держа в руке обрубок коровьего хвоста, словно нелепый трофей, вырванный из снежной могилы. С трудом восстанавливая дыхание и стараясь вернуть себе хоть толику достоинства, он скорчил кислую мину и произнес:

- Нужно быть осторожнее, разве не так?

Но Тенек, словно зверек, почуяв за маской показной любезности ядовитую горечь и вражду Гедесу, жалобно всхлипнул и бросился прочь в поисках убежища.

Тем временем пастухи принялись отбрасывать рыхлый снег, обнажая плотную, слежавшуюся массу. Гедесу, уже более примирительным тоном, обратился к бабушке:

- Идите-ка вы погрейтесь, я сам здесь со всем управлюсь.

- Ну и ну! Да что это на Гедесу нашло! – саркастически отозвалась бабушка, не отрываясь от заточки длинного ножа. – Думаешь, я уже не в силах разделать собственную скотину? – добавила она, лукаво подмигнув Мергену и Елдену.

Сумерки сгушались, пока они работали замерзшими, окоченевшими пальцами. Вскоре вспыхнули несколько факелов из тростника, пропитанного бараньим жиром. В растоптанном, обогренном кровью овраге их тени, искаженные и гротескные, плясали на фоне снежных громад.

У Гедесу при виде сочных кусков отборной говядины, отрезанных от четвертин и ребер скота, заблестели глаза и потекли слюнки.

- Сегодня вечером устроим настоящий праздник живота, наедемся до отвала! — выпалил он, не в силах скрыть предвкушение. — Правда ведь?

Но бабушка, одарив его ледяным взглядом, словно окатила ведром холодной воды, пресекла его ликование.

- Я собираюсь засолить эту говядину, — заявила она. — Она нам еще ох как пригодится, и съедим мы ее раньше, чем закончится наш путь.

Елден и Мерген согласились с бабушкой, понимая, что им предстоит долгий зимний переход. Но на их лицах, тем не менее, промелькнуло то же разочарование, что и у Гедесу. Однако они заметно оживились, когда бабушка пообещала каждому за помощь целую четверть говядины. Гедесу же, напротив, принялся за работу без особого энтузиазма, угрюмо представляя, как отборная говядина будет томиться в бабушкиной телеге, пропитываясь солью. Когда же пришло время выносить куски мяса из оврага, его осенила новая мысль.

- Послушай, бабушка, – предложил он, стараясь говорить непринужденно. – В моих телегах наверняка найдется место для мяса.

- Я сама повезу свое, – живо отрезала она.

Однако стало очевидно, что для того, чтобы освободить место для четвертины говядины, ей придется пожертвовать частью своего домашнего скарба.

- Что ж, может, кое-что отдам соседям, — задумчиво произнесла она. — Вон, большой медный фестиваль котел, например. От него всё равно никакой пользы.

Гедесу жадно окинул взглядом искусно выполненный котел, предмет особой ценности, и прищурился своим здоровым глазом.

- Верно говоришь, — согласился он, — большой он, да. Но это потому, что ты сейчас мало готовишь. А у меня, знаешь ли, всё иначе... Такую громоздкую махину таскать хлопотно, конечно, но всё же...

- Может, жене Елдена отдам, — размышляла бабушка вслух.

- Нельзя! Ты не можешь этого сделать! — резко воскликнул Гедесу, выпучив глаз. — Если уж кому и отдавать, бабушка, то только мне!

- Кому захочу, тому и отдам, — холодно отрезала бабушка. — А теперь бери свою четвертину и проваливай!

Гедесу взвалил на коня четверть говядины и вскочил в седло. Конь, ощущая влажную тяжесть на спине, несколько раз обернулся, пытаясь обнюхать ношу. В ответ Гедесу злобно хлестнул его кнутом.

Когда он подъехал к себе, Гашун и Васильев уже разбили лагерь. Походная кибитка, натянутая между телегами, едва защищала от пронизывающего ветра. Гедесу швырнул четверть говядины на промерзшую землю. Раздражение клокотало в нем, пока он ожидал, когда Гашун приготовит мясо. Он раз за разом пересказывал случившееся, и в каждом его слове сквозила обида на бабушкину скупость. Не дожидаясь готовности мяса, Гедесу снова и снова запускал руку в котел, отрезая дымящиеся куски. Нарушал древний закон – запрет на использование ножа в общем котле, делая это с вызывающей бравадой, словно бросая вызов всему мелочному миру. Ворча и чавкая, Гедесу кидал хрящи и кости своим рычащим псам, не забывая осыпать Васильева придирками и новыми поручениями.

- Хорошо, что я не распорол ему брюхо, как овце! — прорычал он себе под нос. — Посмотрел бы я, как Субэдэй посмеет встать у меня на пути!

Гашун замерла, помешивая варево.

- О, есть и другие способы усмирить твоего нахального брата, не переживай. Васильев, как видишь, всегда под рукой... И подумай вот о чем: возможно, через Васильева мы сумеем нанести ответный удар Субэдэю...

Произнеся это, она опустила взгляд в котел, делая вид, что занята мясом, томившимся на огне из кизяка, возле которого они устроились под телегой. Гашун прикусила язык, пожалев о сказанном, и надеялась, что Гедесу слишком поглощен едой, чтобы расслышать ее слова. Но он резко повернул голову, словно высматривая что-то своим невидящим глазом из-под повязки.

- Какие способы? О чем ты?

- Да ни о чем, — отрезала она, переходя на язвительный тон, чтобы сменить тему. — Ни о чем, чего такому червю, как ты, не понять... Подумать только, — она повысила голос, кипя от злости, — у этой старухи есть котел – прекрасный медный котел, который должен был достаться старшему сыну! А он пылился без дела, пока она не вздумала отдать его соседям... И кому! Жене Елдена, представь себе!... Какой же ты червь! – выплюнула она в сторону подошедшего Мергена.

- Что за шум? — спросил тот, переминаясь с ноги на ногу в снегу, и наклонился, чтобы согреться у огня.

Гедесу, с раздутыми щеками, яростно краснеющими в отблесках костра, пыхтел и ворочался на циновке под телегой. Выплюнув кусок хряща, он с шумом отрыгнул.

- Знаете что, — проворчал он. — Я только что говорил, как постыдно, что мы все вынуждены тащиться так медленно только потому, что у кого-то скот теряется в снегу. Откуда нам

знать, не выслеживают ли нас казаки где-нибудь в болотах? Я считаю, те, кто может двигаться быстрее, должны идти вперед.

- Ну, сосед, — с мягким сарказмом ответил Мерген, — собаки и лошади бегают быстрее всех, разве нет? Вскоре они будут далеко впереди наших воинов. Овцы разбредутся во все стороны, старики и калеки потеряются... Что это будет за поход, скажи на милость?

- Таков уклад в русских городах, — вклинился Васильев. — Каждый волен идти своим путем, легко и свободно. А на фабриках, как в Сарепте, люди день за днем крутятся, как белки в колесе, не видя ни просвета, ни движения вперед.

- Это потому, что они лентяи, — злобно огрызнулась Гашун. — Их лень и безделье довели их до такого!

- Женщина права, — важно произнес Гедесу, отрезая себе еще один кусок мяса, которое теперь аппетитно благоухало в котле.

Мерген и Васильев жадно принялись.

Гедесу вскинул на них взгляд и злобно процедил:

- Проваливайте! Неужели нельзя дать человеку немного покоя и отдыха в собственном доме?

Васильев расхохотался.

- Мерген, — резко бросила Гашун, — свяжи Васильева на ночь.

- И смотри, — крикнул ему вслед Гедесу, — используй старые ремни.

- Что?! — вскипела его жена. — Этот скряга готов потерять раба, лишь бы кожу сэкономить? Червь! Иногда нужно потратиться, чтобы не потерять больше... Мерген, новые ремни!

Насытившись до отвала, после долгой череды сытых отрывков, Гедесу уполз в свою кибитку, но заснуть никак не мог. Мысли вихрем кружились в голове: беспечный Субэдэй, свободно мчащийся где-то впереди, глупый Тенек, злые усмешки людей, неприязнь бабушки... Лишь Гашун, несмотря на свой язвительный нрав, искренне заботилась о его благополучии. События дня терзали память, он казался себе жалким, униженным и осмеянным всеми. Эти мысли, словно кипящий бульон, сгущались вокруг медного котла, который, возможно, уже оказался в руках жены Елдена. Такой исход стал бы последней каплей — новым унижительным ударом, которого Гашун ему бы никогда не простила... Незадолго до рассвета Гедесу выполз из кибитки и, дрожа от холода, замер в леденящей тишине ночи, прежде чем крадучись направиться к бабушкиной телеге.

Гашун тоже не сомкнула глаз. Услышав, как Гедесу крадется по хрустящему снегу, она едва заметно улыбнулась. В голове, словно потревоженные пчелы, роились мысли: Субэдэй, неприязнь окружающих, Васильев... Затаив дыхание, она прислушалась. В том направлении, куда ушел Гедесу, недовольно заворчали собаки. Затем, напрягая слух, уловила ровный, глубокий храп Васильева, доносящийся откуда-то сверху, с телеги... Внезапно лицо ее исказилось в гримасе, и она, бесшумно выскользнув из кибитки, стремительно направилась к спящему связанному пленнику.

Васильев, укрытый грубой козьей шкурой, лежал неподвижно, намертво стянутый ремнями. Голова запрокинута назад, шапка съехала набок, и светлые волосы с бородой в ночной темноте казались слегка припорошены инеем.

- Пес... — пробормотала она, глядя в его лицо. — Чужак...

Но когда она занесла над ним нож, ее тонкие губы приоткрылись, и из груди вырвался тихий нежный вздох, полный смятения. Лезвие, холодное и одинокое, как ночной ветер, потеряло свою власть над ней. Рука ее дрогнула. Неужели она пришла не убивать?

Белый пар вырывался из ее рта в морозном воздухе. Неужели это всего лишь влечение? И дело совсем не в Субэдэе, а в горячем теле рядом, в жажде жизни? Всего лишь в теле Васильева, светлородного незнакомца, которого она хотела убить в отместку Субэдэю?... Дрожа всем телом, она перерезала ремни, сковывающие его руки. Маленькие белые облачка выдыхаемого

воздуха таяли в морозной тишине. Напрочь забыв о холоде и открытом небе, о том, что они практически у всех на виду, она наклонилась, коснулась губами его лица и, словно утоляя жажду, начала ласкать его, пробуждая нежными прикосновениями.

Внезапно тишину пронзил грохот, словно удар гонга. Из темноты вывалился Гедес вслед за большим медным котлом, который, ударившись о колесо телеги, замер с гулким металлическим звоном. Шумно пыхтя, поднимая котел, он взгляделся в тени, где Гашун слезала с телеги.

- Что? – смог выдохнуть он. – Что это было?

На мгновение она замерла, виноватая фигура с ножом в руке и подрагивающими губами. Гедесу, прижимая к животу большой медный котел, смотрел на нее с неммым обвинением. Но Гашун быстро взяла себя в руки и, ткнув пальцем в котел, который он держал перед собой, словно медный живот, прошипела:

- Тише, дурак! Что ты наделал? Я проверяла казака – мне показалось, он собирается бежать... Хватит смотреть как идиот! Кажется, ты всех разбудил! Отличную работу ты сегодня проделал – украл котел у своей бабушки!

- Но... — пробормотал Гедесу, — я достал его для тебя! Возьми же, скорей! Он твой!

Он обернулся, прислушиваясь к шуму, который нарастал в лагере. Далеко впереди внезапно громыхнула медная пушка, сотрясая воздух. Гедесу сунул жене тяжелый котел.

- Да, он твой! Спрячь его куда-нибудь! — бормотал он, слыша, как просыпаются люди. — Это всё дурак Тенек... должно быть, он стоял на страже! Не уверен, что он меня видел... Да какая теперь разница! — добавил он оправдывающимся тоном. — Если бы она отдала его жене Елдена, это было бы неправильно. Ведь это мое право дарить...

Но прятать котел было слишком поздно. Бабушка уже шла к ним, а рядом с ней скакал Тенек. Вместе с ними приближались Хоочин и несколько старейшин аймака, а также множество соседей, разбуженных шумом и утренней пушечной пальбой. Рога и барабаны звучали по всей орде... К Гедесу и Гашун, беспомощно стоящим у своих телег в тусклом свете рассвета, приближалась толпа. Большой котел лежал перевернутым в снегу, как будто нарочно выставленный на всеобщее обозрение.

- Это твой котел? — спросил Хоочин.

- Мой, — живо ответила бабушка. — Посиди на нем, Тенек, а то, с такими-то людьми вокруг, всего можно ожидать.

Люди расхохотались, подтрунивая над сарказмом бабушки и над Гедесу, который, обычно такой хвастливый, теперь трусливо жался.

- Но... — промямлил он, — она собиралась отдать его жене Елдена... По праву, он должен принадлежать мне!

- Как не стыдно красть, Гедесу! — выкрикнул кто-то из толпы.

Бабушка подошла к внуку вплотную и ткнула его костлявым пальцем почти в нос.

- Сто овец! — торжествующе прокаркала она и повернулась к толпе. — Разве я не права?

Хоочин поглаживал свою тонкую бородку, наблюдая за зятем, чтобы понять, как тот выпутается из этой передраги. В глазах Хоочина мелькнул хитрый огонек – он, как и многие, не питал симпатии к жадному и напыщенному старшему сыну Темуру.

Вокруг них царил гвалт, лагерь превратился в хаотичный балаган. Гедесу казалось, что его нарочно хотели лишить возможности ясно думать и говорить. Он взглянул на Хоочина, пытаясь угадать его мысли и найти мудрое решение. Знал, что старик, заботясь о благосостоянии своей дочери, может и не захочет разорять Гедесу на сто овец. Поэтому он, наконец, выдал:

- Сто овец... Но это невозможно! Я же бедный человек, едва свожу концы, а у меня жена, семья... Вы же сами знаете, теть!

- Ложь! — выкрикнул кто-то. — Ты получил всех овец Норбо!

- И Субэдэя тоже! — поддакнула бабушка.

Все замерли в ожидании решения Хоочина.

Предчувствия не обманули Гедесу. Хоочин и его дочь Гашун обменялись быстрыми взглядами и что-то прошептали друг другу. Старик откашлялся и изрек ученым тоном:

- Закон гласит в таком случае: если человек жалеет своих овец, пусть отдаст один из своих пальцев.

Гашун исчезла так же внезапно, как и появилась. Гедесу остался наедине с враждебными лицами, ожидающими его решения. Бабушка смотрела на него с суровой усмешкой, и в холодном голубом свете рассвета всё вокруг казалось ему безжалостным и чуждым.

Люди нетерпеливо переминались с ноги на ногу в месиве грязи и талого снега. Чихание то и дело прорывалось сквозь тишину, но ни смеха, ни разговоров слышно не было. Гедесу с горечью взглянул на огромный медный котел, осознавая, что рисковал своими овцами не ради себя, а ради Гашун! И где же она теперь? В памяти всплыло ее лицо, искаженное жалким подобием улыбки, губы расслабленные и дрожащие... Ярость вспыхнула в нем. Он пнул котел ногой, и Тенек, подпрыгнув, словно испуганный колокольчик, юркнул за юбку бабушки. Гедесу тяжело вздохнул, плечи понуро опустились. Наконец, он поднял взгляд.

- Хорошо, — злобно процедил он, лукаво прищурившись, и растопырил пухлую ладонь. — Получите палец. Но ни одной овцы!

- Невелика потеря, — презрительно хмыкнула бабушка. — Мерген, принеси топор! Этот человек даже не овца, он — аргол! А тебе, Тенек, — обратилась она к горбуну, — как поймавшему его кривой палец на воровстве, выпала честь отрубить его.

Все сочли это справедливым исходом. У торгутов воровство каралось с неумолимой точностью. Однако Темуру, узнав о случившемся, опечалился очередной жадностью Гедесу. Он молча ехал в рассветных сумерках, размышляя о поступке старшего сына, и наконец с отворачиванием произнес:

- Что за человек этот Гедесу! Сначала глаз, теперь палец! Да он бы позволил разрубить себя на кусочки, если бы за каждый кусок получал по сотне овец! Разве не так?

Субэдэй и Норбо, ехавшие неподалеку, переглянулись и, подмигнув друг другу, обменялись понимающими ухмылками. Субэдэй заметил:

- Я слышал, бабушка сказала: "Этот человек даже не овца, он — аргол!"

- Хорошо сказано, - ухмыльнулся Норбо, - очень хорошо! Но самое забавное, что она доверила топор Тенеку, чтобы тот отрубил палец Гедесу!

Темуру глубоко вздохнул и сплюнул в сторону, отгоняя неприятные мысли. Были и другие заботы, куда более важные...

И они двинулись дальше.

Перед ними раскинулись холмистые просторы, укрытые парчой искрящегося снега. Редкие деревья, словно тонкие нити, указывали на извилистые русла замерзших ручьев. Воздух звенел морозной чистотой, а солнце, низкое и янтарное, скупно дарило свет зимнему небу. Чтобы уберечь глаза от слепящей белизны, воины чернили скулы и веки. На снежном полотне то и дело мелькали следы зайцев и куниц, и молодые охотники с тоской поглядывали на заснеженные скалы и подлесок, где могла притаиться добыча. Но старые воины, умудренные опытом, ехали вперед, не позволяя себе отвлекаться, зная, что в каждом овраге и лесистом прибрежье может подстергать враг.

Яик был уже близко, возможно, в одном дне пути, а за ним - русские крепости и казачьи гарнизоны. Киргиз-кайсаки тоже могли появиться с северо-востока.

По мере приближения к этому опасному рубежу, на пятый день пути, скорость передвижения заметно упала. Небольшие отряды разведчиков, словно чуткие тени, прочесывали окрестности на много верст во всех направлениях. Это была чужая, недружелюбная земля, и каждый холм, каждый овраг таил в себе потенциальную угрозу. Из-за изрезанного рельефа,

который еще вчера казался предпочтительнее бесплодных болот, орда растянулась, рассеявшись по большей площади, чем прежде. Народ охватило напряженное, тревожное ожидание.

Во второй половине дня разведчики внезапно наткнулись на следы огромного отряда всадников. Кто они, откуда пришли, куда направляются и как давно пронеслись здесь – оставалось загадкой. Словно стрелы, разведчики помчались обратно к передовым войскам, которые широким фронтом двигались в нескольких верстах впереди основных хошунов с телегами и скотом.

Тревожная весть достигла Убаши-хана, находившегося в самой гуще войска вместе с Темуру и Момотубашем. Не медля ни мгновения, хотя день еще был в зените, он отдал приказ тотчас же остановить продвижение.

По всем улусам разлетелись гонцы с повелением аймакам и хошунам сомкнуть ряды. Князей и вождей созывали на военный совет, который должен был состояться с наступлением темноты, под покровом сгущающихся сумерек.

Слухи и волнение охватили орду.

- Эй, воин! - кричали люди, обращаясь к пронсящимся мимо гонцам. - Правда ли, что впереди казаки рубятся с нашими?

- То киргизы, сосед, - говорили другие, - они взяли нас в кольцо!

Но гонцы, летящие на конях в поиске шуленгов и офицеров аймаков, не ведали ничего, кроме текста своих приказов.

- Дядя, - обращались они к шуленгам, запыхавшись, - сомкните ряды! Вы занимаете место, достойное дюжины хошунов!

- Невозможно, воин.

- Таков приказ хана! – настаивал гонец.

- Эй, дружище, да разве не видишь? – возражал шуленг, указывая рукой вдаль. – Прямо перед нами аймак Яннина! Нам нужно брать гораздо левее, на полторы версты, а то и больше.

Субэдэй, мчавшийся с посланием к принцу Бамбару, находившемуся в арьергарде, то и дело натыкался на хошуны, в отчаянии пытавшиеся вернуться на свои места. Три огромные колонны орды, растянувшись и разделившись, превратили холмистую местность в хаотичное переплетение верениц животных и повозок, пробирававшихся по белым, извилистым луговинам. Часто хошуны одного аймака, разделенные скалистым хребтом, оказывались оторванными друг от друга на многие версты. Теперь, когда передовые аймаки замерли, многие из этих заблудившихся хошунов отчаянно пытались сместиться вправо или влево, прежде чем проход будет окончательно заблокирован прибывающими. Субэдэю нередко приходилось пережидать, пока шумные потоки животных, словно разбушевавшуюся реку, прогоняли через его путь в поисках их аймаков.

Колючий послеполуденный воздух искрился морозной снежной пылью. Животные перекликались мычанием, собаки звонко лаяли, людские голоса звенели возбуждением. То тут, то там ставили на ноги телеги, опрокинутые в спешке, пока женщины, сдерживая волов за узду, не давали им сорваться с места. Детишки, ловко щелкая длинными кнутами, носились на пони, приглядывая за скотом. В воздухе стоял оглушительный гул, в котором тонули даже самые громкие крик людские голоса звенели возбуждением и.

Однажды Субэдэй подъехал к кромке густого леса, тянувшегося вдоль ручья темной полосой на версту по обе стороны. Он казался островом тишины посреди бушующего моря. Торгуты суеверно относились к лесам, и огромные мигрирующие колонны обходили стороной долину темных зимних деревьев на значительном расстоянии к северу и югу. Субэдэй поскакал вдоль берега ручья под сенью молчаливых деревьев. Издалека, словно эхо в пещере, доносились слабые звуки орды – приглушенные отголоски могучего, но далекого рева. Порой, казалось, крик или лай собаки доносились совсем рядом, из-под темных сводов. И тогда Субэдэй прищипывал коня, ускоряя бег.

Когда он выбрался из леса, солнце уже клонилось к западу, окрашивая небо багрянцем. Нескончаемые колонны людей и животных по-прежнему двигались с запада, переливаясь волна за волной через склоны бесконечным, живым потоком. Субэдэй старался держаться хребтов и скалистых возвышенностей. Но, взобравшись на очередной склон, он вновь оказывался перед бескрайним морем плетущихся животных и раскачивающихся, гремящих повозок. Вдалеке, в последних лучах заходящего солнца, на дальнем склоне, виднелись другие нескончаемые толпы людей и скота – их крошечные черные силуэты четко вырисовывались на фоне пылающего заката. А еще дальше на западе, возможно, верстах в тридцати, у самого горизонта, где все тонуло в предвечерней дымке, редкие красные лучи солнца изредка поблескивали на начищенном оружии или на украшенной сбруе коня какого-нибудь знатного воина.

Местность здесь уже не была такой холмистой, и Субэдэй, наконец, нашел проход между огромными колоннами. Теперь он скакал довольно быстро, стремясь к арьергарду.

Уже в глубоких сумерках он миновал последние, разрозненные хошуны. Тонкий серп луны повис в западном небе, едва освещая истоптанную землю. Там, где прошла орда, снег и грязь перемешались, образовав липкое месиво, усеянное галькой, тускло поблескивающей в лунном свете. Могучий гул миграции стихал на востоке, растворяясь в ночной тишине. На мгновение Субэдэй задрожал, его пронзила мысль, что он мог пропустить войска арьергарда. Земля к западу казалась пустынной и безмолвной. Он перевел кобылу на шаг, напряженно прислушиваясь, и вдруг услышал – слабый, но отчетливый звук скачущих всадников...

Ближе к полуночи Субэдэй и старый князь Бамбар, в сопровождении небольшого отряда, добрались до передового лагеря, где должен был состояться Сарга – совет торгутов. Орда медленно уплотнялась, хотя повозки и животные всё еще покрывали огромную территорию, освещенную бесчисленными кострами, разгоревшимися после захода луны. Местность изобиловала деревьями и подлеском, и большие кучи дров были заготовлены для костра совета. Вдоль границ орды караул несли в две линии. Воины патрулировали в темноте, яростно потрясая копьями и мушкетами и время от времени целясь в тени деревьев и скал, настороженно вдвигаясь в ночь. Субэдэй отъехал, чтобы присоединиться к своей роте, которая располагалась верстах в десяти к востоку от костра совета, вдоль линии караула. Сарга, наконец, началась.

Восседая на войлочных ковриках вокруг пылающего костра, члены совета углубились в изучение грубых пергаментных карт, испещренных речными руслами и отметками русских крепостей. Пламя костра выхватывало из темноты их сосредоточенные лица, освещая морщины, шрамы и суровые взгляды, полные решимости и тревоги.

Князь Бамбар, поглаживая свои седые усы, немногословно внимал выступающим, прищурив пронизательные глаза. Шеаренг, убедительный мужчина лет сорока, джунгарский князь, примкнувший к торгутам после китайской резни 1758 года, то и дело твердил о "защите позиций" и "возможностях для торго". А Цебек, председатель Сарги, на семь лет старше своего кузена Убаши, красивый мужчина с распутными, глубоко посаженными глазами, беспрестанно сворачивал и разворачивал карты, начертанные им самим и ламой Лоузангом.

- Как вам, безусловно, известно, — произнес он скучающим тоном, — мы находимся всего в дне пути к западу от Яика и менее чем в дне пути к югу от крепости Кулагина... К слову, осмелюсь заметить, эти карты ничуть не уступают русским и казачьим. В Черкасске я многому научился, в том числе и картографии.

Цебек снисходительно улыбнулся, постукивая пальцами по пергаменту. У мужчин, расположившихся ближе к огню, верхняя одежда была распахнута, обнажая мех на груди, а шапки сдвинуты на затылок. Момотубаш хмыкнул и подался вперед.

- Включая высшую стратегию бегства, - прямо заявил он, бросив колкий выпад в сторону Цебека.

- Господа, господа! - неловко произнес Убаши, пытаясь сгладить острые углы. - Что было, то прошло, прошу вас!

- Да, давайте перейдем к делу! - поддержал Бамбар, впервые подав голос.

- Именно, – согласился Шеаренг, разворачивая одну из карт Цебека так, чтобы все могли видеть ее в свете костра. – Обратите внимание: здесь три линии крепостей. Первая – север и юг по Волге. Вторая – север и юг по Яику. - Он постучал пальцем по пергаменту, указывая на расположение их зимних и летних земель. - Вместе они сумели нас сжать, господа, загнав в угол, словно дичь в западню.

- Да знаем, знаем, – буркнул Момотубаш, не скрывая своего раздражения.

Темуру легонько толкнул старого друга в бок, зная, как Момотубаш не переносит ни Цебека, ни Шеаренга, и пытаясь предотвратить назревающую перепалку. Момотубаш сердито пробормотал: "Но мы действительно всё это знаем, разве не так?"

Шеаренг, едва скрывая раздражение, продолжил, стараясь не обращать внимания на колкости Момотубаша:

- Теперь, если вы снова взгляните на карту, третья линия – Тобольская. Она значительно севернее и тянется с запада на восток. Русские будут бессильны нанести нам удар, как только мы переправимся через Яик. Тобольская линия находится слишком далеко на севере.

- А что насчет следов на снегу? - проворчал Момотубаш, не унимаясь.

- Я собирался предложить, – сухо ответил Цебек, – немного скорректировать курс и переправиться через Яик ниже по течению. Там наверняка найдутся следы старых казаков, ушедших на зимнюю рыбалку на Каспий. Ближайшая крепость, как видите, далеко на юге. Переправимся между ними – и что тогда помешает нам рвануть прямо к Эмбе?

- Где наша позиция будет неприступна! - с пылом подхватил Шеаренг. - Практически настоящая крепость, защищенная Эмбой с фронта и Мугаджарскими горами с тыла!

- Так же неприступна, как ты уверял джунгар в пятьдесят восьмом? – язвительно перебил Момотубаш. - Ты у нас мастер по части драпа! Как надежно оказалась защищена полумиллионная орда джунгар, которых китайский хан вырезал, словно скот на бойне?

- Господа, довольно! - вмешался Убаши-хан.

Темуру прекрасно понимал, что корень раздора уходит гораздо глубже, чем просто взаимная неприязнь между Шеаренгом и Цебеком. Он ощущал, как подспудное напряжение готово вырваться наружу, и был полон решимости предотвратить перерастание этой подковерной грызни в открытый конфликт.

- Торгуты, – начал он, чувствуя, как сгущается воздух в кибитке. – Издревле известно: времена мира и времена войны требуют совершенно разных подходов. В мирное время мудро красться тихо, словно телята, в обход русских крепостей. Но разве сейчас мир? Скорее – война. И русские, и казаки расценят наши действия именно так. Значит, нам нужна военная стратегия, военная тактика. Но какая? – его взгляд обвел собравшихся, словно в поисках ответа, способного разрядить обстановку.

В ответ воцарилось гнетущее молчание. Темуру уловил лишь едва заметную усмешку на лице Цебека. Шеаренг прожигал Момотубаша гневным взглядом, в то время как тот, напротив, одобрительно кивал словам Темуру. Бамбар, казалось, ранее поддерживавший Цебека и Шеаренга, теперь задумчиво хмурил брови. Хан Убаши, с неизменной добродушной улыбкой, поглаживал свою тонкую бородку, но взгляд его, прикованный к танцующим языкам пламени, был холодным и отстраненным. Темуру подбросил в костер несколько сухих поленьев, наблюдая, как искры взметнулись в темное небо.

- Думаю, – медленно произнес он, словно взвешивая каждое слово, – нам следует направить сильный отряд для окружения крепости. Переправа к югу от Кулагиной весьма удобна. Дальше к югу берега обрывисты, возможно, покрыты льдом. Зачем предоставлять врагу возможность для атаки, если мы можем этого избежать? Нужно запереть врага в крепости, лишить его свободы действий. Вот мое предложение.

Бамбар и Момотубаш согласно закивали.

- Господа, – воскликнул Убаши, вскинув голову и окидывая собравшихся взглядом, полным непривычной твердости, – я считаю этот план разумным. Готов взять, скажем, пять-шесть тысяч воинов и одно из орудий, чтобы осадить крепость, пока наши люди переправляются... Да, план Темуру хорош.

В ответ раздался нестройный гул согласия. Только Шеаренг и Цебек хранили молчание. Цебек, глава Сарги, обвел взглядом лица и провозгласил:

- Такова воля Сарги. Пусть доблестный Темуру и мудрый хан Убаши претворят свой план в жизнь. Так ведь?

Снова поднялся невнятный ропот – усталость от затянувшихся прений брала свое, и мысли многих уже блуждали в объятиях сна. Но Момотубаш, испепелив хмурым взглядом Цебека, не удержался:

- Что это на тебя нашло? С чего вдруг такая покладистость? Только что глотку драл против, а теперь – сама любезность

Убаши раздраженно отмахнулся от придиричивых слов. Но Цебек поспешил вмешаться:

- Позвольте объяснить, – произнес он. – Мы все в неоплатном долгу перед Темуру. Его слова были мудры, и, признаюсь, некоторые из нас нуждались именно в таком наставлении. Я сам, господа, возможно, грешен тем, что слишком торопился, забегал вперед. Безусловно, сейчас время военное, и осмотрительность необходима. Нам следует тщательно взвешивать каждое решение.

- Я восхищен нашим достойным Цебеком, – тут же подхватил Убаши. – У него хватило мужества признать свои ошибки, и это заслуживает искренней похвалы. Уверен, сегодняшняя беседа станет прочным фундаментом для мирного разрешения любых разногласий – как сейчас, так и в будущем, во имя процветания нашего народа.

На этой сладко-патриотичной ноте заседание совета было объявлено закрытым.

Члены совета разошлись по своим отрядам. Догорающий костер служил безмолвным сигналом окрестным лагерям: решение, каким бы оно ни было, принято. Теперь можно было спокойно предаться сну.

Вдали, на дальних рубежах орды, под куполом звездного неба, сияющего, словно отполированное черное стекло, несли свою ночную вахту воины-гвардейцы, ожидая смены лишь через несколько часов.

Темуру спал крепким сном, пока его не разбудил Субэдэй. Отдохнувший и довольный, он отправился вдоль линии дозора. Но внезапно тишину ночи пронзили волчи завывания, доносившиеся издалека, словно стая призраков неслась по заснеженной пустыне. Ледяной ветер, яростно вихрем срываясь с окрестных оврагов, терзая барабанные перепонки. Мысли о людях, преследующих собственные цели, возможно, в ущерб мигрирующей орде, не давали покоя старому воину. Что замышляет Цебек? Он и Шеаренг, и даже лама Лоузанг, - птицы одного полета. Они явно затевают что-то недоброе, что не сулит ничего хорошего для народа. В чем же их игра?.. Прямодушному и честному сайсангу было трудно разгадать их коварный замысел.

Он всматривался в горизонт, туда, где обычно рождается рассвет, но впереди простирались лишь предательские тени. Нахмурившись, он вспомнил утренний разговор с Субэдэем во время их совместной поездки.

Сын делился своими сомнениями и страхами, своим недоумением перед невозможностью заглянуть в будущее. Затем, словно озаренный внезапным просветлением, он заговорил о том, как люди сами куют свою судьбу, если твердо верят в старый девиз: путь человека, будь то через триумф или страдания, всегда ведет к свободе.

Темуру с досадой сплюнул в снег. В его понимании, воспитанном в простых и понятных временах, подобные речи казались пустыми и напыщенными. "Свобода, – размышлял он, – разве кто-то ее лишен?" Он свободен, Субэдэй свободен, лишь рабы не знают воли. В его представлении старый девиз всегда означал, что путь воина должен привести его к славной смерти

или к победе. Темуру не мог постичь, что когда-то этот девиз был боевым кличем, призывающим к свободе, выходящей за рамки личной воли, и он не видел иной свободы, кроме той, что принадлежит воину, избравшему смерть или победу своей единственной целью.

Человек сначала достигает одну цель, затем другую, – размышлял Темуру, – и в этом вся суть. Взять штурмом форт Кулагина, перейти Яик, затем Эмбу – это понятно, это конкретные, осязаемые цели. Но что дальше? Столкнувшись лицом к лицу с современными сложностями, с интриганами, чьи мотивы ему чужды, с гнетущими воспоминаниями о победах, которые, в конечном счете, привели лишь к этому безбрежному снежному океану, Темуру не находил ответа. На сегодняшнем совете раздор между сторонниками Убаши и Цебека, несмотря на все усилия хана, не только не утих, но вспыхнул с новой силой. Предстоит еще пересечь множество рек, одолеть множество врагов, принять множество сложных решений и выиграть множество сражений.

Темуру впервые в жизни ощутил острую потребность в той самой продуманной нити, что, казалось, была у Субэдэя – выверенной, крепкой, на которую можно было бы нанизывать разрозненные бусины фактов, иначе бессмысленных и бесцельных. Впереди, чувствуя себя непомерно тяжелым и постаревшим в объятиях темного, ледящего ветра, Темуру видел лишь зыбкую неопределенность, запутанный клубок неприятностей и, быть может, зияющую пасть надвигающейся катастрофы.

Глава 6.

На следующий день, ближе к полудню, под оглушительный аккомпанемент цимбал и рогов, под ликующий рев торгутской орды, Убаши-хан повел свое шеститысячное войско на север. Мушкетеры и копья воинов, подобно мириадам ледяных осколков, ослепительно сверкали в лучах скупого зимнего солнца.

По мере приближения к осаде Кулагиной Темуру терзали смутные сомнения и дурное предчувствие. Он списывал это на возраст - пору, когда иллюзии осыпаются, а старость, украв яркие краски мира, оставляет лишь блеклую акварель былого. Даже сохранив зоркость взгляда, смелость сердца и твердость руки, даже приумножив хитрость и мудрость, старый воин больше не ощущал вкуса триумфа. Покоренные вершины и поверженные враги перестали будоражить кровь. Застыв в неподвижности и затаив дыхание, словно в ожидании, он вглядывался в туманные очертания грядущего, доступные лишь умудренному взору. Те, кто в юности казались грозными демонами или великими героями, теперь виделись лишь жалкими тенями — обычными смертными, обескровленными и покорными, словно овцы у его ног. Даже побеленные стены Кулагиной, некогда сверкавшие под солнцем, подобно драгоценному камню, утратили свой ореол сказочного замка. Теперь, пробитые ядрами и обгаренные кровью, они превратились в груды саманных кирпичей с торчащими клочками соломы, медленно осыпающуюся под безжалостным напором времени. Магия юности, когда-то наполнявшая этот мир, испарилась. Куда?

Подняв взор от обломков у своих ног, Темуру вгляделся в туманную даль, тщетно пытаясь отыскать в этой равнине хоть крупинку былого величия, что некогда оживляла и эти руины, и павших воинов. Но магия исчезла. Мир превратился в холодную серую дымку, пропитанную лишь хищной тенью смерти.

Для Субэдэя же, напротив, солнце сияло ярче, а воздух казался чище и свежее, чем когда-либо прежде - он ехал на север, к русской крепости, навстречу собственной судьбе.

Первозданный, омытый ветрами снег слепил глаза, искрясь под солнцем, словно безбрежный неизведанный океан. Сама орда уже скрылась из виду, растворившись в ослепительной белизне — лишь полоса снежной пыли, тянувшаяся на многие версты вдоль южного горизонта, выдавала их стремительный путь.

Субэдэй, захлебываясь от восторга, летел во весь опор. Его залихватистый смех, торжествующий крик и победно вскинутое в небо оружие сливались с общим ликованием, разлитым в звенящем морозном воздухе.

- Эх! — зычно гаркнул Норбо. — Надеюсь, про арака не забыли! Нет лучше лекарства для души в такую стужу, когда ты на войне!

- Хан должен был захватить вдоволь, народу-то сколько собралось, — отозвался ехавший рядом воин Бату. — По крайней мере, так сказывали.

- Ему лучше не подвести, — хохотнул Норбо, — иначе мы возьмем этот форт штурмом только ради того, чтобы напиться до беспамятства!

- Да ты, похоже, уже от одного морозного воздуха захмелел, — со смехом воскликнул Субэдэй. — Смотри, не потеряй голову раньше времени, сорвиголова!

- Свою-то я берегу! — Норбо тряхнул головой и заразительно рассмеялся. — Но, если до рассвета не увижу ни арака, ни водки — клянусь, какой-нибудь казак точно лишится своей головы!

Впрочем, штурм форта в планы орды не входил. Застав казаков врасплох и взяв Кулагину в кольцо, торгуты должны были обеспечить безопасность флангов во время переправы через Яик. Убаши здраво рассудил: безрассудные действия лишь подбросят дров в и без того тлеющий костер отношений с царицей. К тому же внезапная блокада наглухо перекрывала Орен-

бургский тракт, лишив гарнизон возможности запросить подмогу у северных соседей. План был прост и опасен: под покровом ночи, скрытно и бесшумно, подойти к стенам и зажать форт в смертельные тиски.

Весь день войска двигались на северо-восток без остановок. Лишь к вечеру, утомленные долгим переходом, торгуты вышли к изрезанной глубокими оврагами местности. Отсюда открывался вид на пологий спуск к Яику и его беоега, заросшие непроглядным лесом.

Знамена Убаши плавно опустились. Короткий приказ, словно волна, прокатился по рядам, и колонны всадников замерли, как по команде.

Наступила звенящая тишина. Воины затаили дыхание, вслушиваясь в каждый шорох, опасаясь засады. Высоко в небе, описывая широкие круги, парили грифы — их черные крылья холодно поблескивали на солнце. Из прибрежных зарослей выскочил заяц и, петляя безумными зигзагами, метнулся через скованный льдом Яик. Сухие листья с шелестом срывались с веток, кружась над заиндевелой землей...

Наконец, сине-белые стяги вновь взметнулись в морозный воздух. Отряд за отрядом, сохраняя идеальный строй, воины двинулись вниз по склону, бесшумно ступая по зеркальному льду реки.

Цебек выделил пятьсот воинов, Бамбар — тысячу, столько же привел Шеаренг. К ним примкнули три с половиной тысячи личных бойцов Убаши, тянувших в обозе медную пушку — грозный аргумент, призванный внушить казакам страх. Лед на реке гулко стонал под копытами тысяч коней. В общем строю двигались старейшины, среди них — Хоочин; его беркут, гордо взирая на мир с запястья хозяина, ждал своего часа, словно предчувствуя скорую охоту. Вдоль колонны, то забегая вперед, то приотставая, суетились собаки. Во время короткой заминки на переправе воины принялись за нехитрый перекус: отрезали кусочки сухого молока, хранившегося за пазухами халатов, и набивали ими снег в кожаные бурдюки, подвешенные к седлам. Там, в тепле, снег таял, молоко растворялось, превращаясь в сытный напиток. Подобный запас — брикеты сушеного молока и вяленого мяса — был у каждого всадника. Старики же, хранители древних обычаев и спутники гордых беркутов, везли с собой небольшие железные котелки, горсти ячменя, чай и запасы сухого кизяка для костра.

С тяжелым грохотом пушка, скользя по льду, была переправлена на восточный берег Яика вслед за основными силами. Вокруг, насколько хватало глаз, царила пустота, ни одного признака жизни: лишь одинокие грифы кружили в вышине, да огромные стаи воронов-падальщиков слетались с восточных равнин на ночлег в прибрежные леса.

С тяжелым грохотом пушка, скользя по льду, была переправлена на восточный берег Яика вслед за основными силами. Вокруг, насколько хватало глаз, царила мертвая пустота: лишь одинокие грифы кружили в вышине да огромные стаи воронов-падальщиков слетались с восточных равнин на ночлег в прибрежные леса.

Торгуты двигались на север вдоль опушки, окаймлявшей восточный берег Яика. Случалось, всадник задевал ветку, и тяжелая снежная шапка с глухим шорохом обрушивалась вниз, мгновенно утопая в глубоком сугробе. Там, где лес редел, перед воинами открывался Яик, поблескивающий в лучах заходящего солнца. Река была закована в лед, подобный отполированному металлу, с которого ветер сдул весь снег, оставив лишь редкие полосы. В иных местах путь пролегал сквозь густую чашу, пересеченную узким рукавом реки. Дорога вилась между темными, безмолвными стенами вечнозеленых деревьев, и казалось, что ночь наступила внезапно, окутав отряд преждевременным мраком.

Именно здесь торгутские войска неожиданно наткнулись на следы чужого присутствия.

Группа всадников — около сотни — останавливалась на привал, и, судя по темным пятнам на снегу, где угли костров еще хранили живое тепло, они покинули это место совсем недавно.

По колонне пронеслась резкая команда: «Стой!». Торгуты замерли, настороженно вглядываясь в безмолвную чащу и непроизвольно касаясь рукоятей оружия.

Темуру, возглавлявший авангард вместе с Убаши, подался вперед в седле, изучая истоптанную землю вокруг остывающих кострищ.

- Киргизы, — заключил он, указывая на характерные глубокие отметины в снегу. — Следы от копий. У казаков или русских были бы мушкеты.

- Значит, мы должны преследовать их, — воскликнул Убаши. — Если они узнали о нашем приближении, то успеют предупредить гарнизон.

- Весьма вероятно, — согласился Темуру, задумчиво поглаживая усы. — Позволишь предложить план?

- Слушаю тебя.

- Прежде всего, я предлагаю избегать лишнего кровопролития, чтобы не настроить против нас Малую Орду. Позволь мне взять небольшой отряд легких всадников, мы отрезем киргизам пути на восток и запад, вынудив их бежать напрямик к крепости. Пусть люди будут вооружены мушкетами — русские должны видеть, что мы сильны и готовы к бою. А вы с основными силами следуйте за нами, не сбавляя темпа.

Наблюдая, как Убаши задумчиво теревит свои шелковистые усы, Темуру понимал: хан больше всего ценит те мгновения, когда он принимает решения сам, не отвлекаясь на бесконечные споры Цебека и Шеаренга.

- Мне нравится твой план, — наконец произнес Убаши. — Отбирай людей. И да пребудет с тобой удача.

Темуру отобрал лучших бойцов — тех, чьи кони были быстрее ветра, а плечи надежно украшали мушкеты.

- Двигайтесь плотным строем, — напутствовал он, — и будьте предельно бдительны в темноте.

С тремя сотнями всадников он отделился от основных сил.

Киргизы явно уходили на север, придерживаясь русла реки. Темуру разделил свой отряд: сотню всадников под командованием Субэдэя отправил вверх по восточному берегу, еще сотню — под началом зайсанга Чокту — вверх по западному.

- Ночь будет ясной, лунной, — бросил он, глядя на темнеющий горизонт. — Скачите во весь опор. Кто первым достигнет крепости — блокируйте ее с севера. Путь на Оренбург должен быть отрезан.

Сам Темуру, возглавив оставшуюся сотню, двинулся прямо по следам киргизских коней, петлявшим по заснеженному льду Яика.

Крутые, заросшие густым лесом берега тонули в сумерках. Лишь утоптаный снег, испещренный следами копыт, отчетливо мерцал в серебристом свете луны — киргизы метались, то прижимаясь к правому берегу, то переходя к левому, отчаянно ища твердый лед для своих коней.

Ведя отряд вдоль восточного берега, Субэдэй наблюдал сквозь густые кроны, как багряное зарево заката разливается в небе, окрашивая воздух и кромку леса в тревожные, почти кровавые тона. Мороз крепчал: дыхание людей и животных густым тяжелым паром застывало в ледяном оцепенении. Отряд двигался стремительно и безмолвно.

Вскоре закат угас, уступив место холодному, призрачному сиянию луны. Субэдэй то и дело вскидывал руку, приказывая замереть, и напряженно вслушивался в пустоту, пытаясь уловить отголоски боя или крики врага. Но в звенящей тишине слышались лишь тяжелое дыхание и фырканье коней да редкий, протяжный треск льда, оседающего у берегов.

Когда движение возобновилось, Норбо вновь принялся ворчать на лес. Он постоянно поправлял мушкет, вглядываясь в чащу: в каждой тени ему мерещились притаившиеся кир-

гизы. Во время короткого привала он не выдержал и обратился к Субэдэю, требуя разрешить ему с малой группой вернуться к реке и прочесать лесную полосу.

- Другим достанется слава битвы, а нам – ничего, – жаловался он.

- Только наши жизни, – саркастически заметил Бату.

- Трус! – огрызнулся Норбо.

Субэдэй лишь неловко усмехнулся. Это было его первое по-настоящему ответственное командование, и груз ответственности не давал права на ошибку.

- Тише, — холодно бросил он. — Мы не на базарной площади. Или вы решили, что это собрание болтунов, а не отряд?

- Верно, — поддержал его Бату. — Ненужный риск — удел глупцов, а не путь к подвигам.

- Довольно, — прервал его Субэдэй. — Вперед.

Ближе к полуночи, когда контуры крепости проступили в морозной мгле совсем рядом, Субэдэй вновь вскинул руку, приказывая отряду замереть. Теперь сомнений не оставалось: со стороны Яика отчетливо донеслись сухие хлопки выстрелов и яростные, захлебывающиеся крики.

- Ни с места! — скомандовал он. — Если кто-то из киргизов попытается прорваться — окружить и не выпускать!

Люди замерли в томительном ожидании, которое растянулось, казалось, на целую вечность. Однако перестрелка быстро выдохлась, а крики, постепенно замирая, ушли далеко на север. Стало ясно: киргизов, пробивавшихся к Кулагиной, успешно оттеснили и прижали к самым стенам крепости.

Воины Субэдэя оставались неподвижны, охваченные мрачным разочарованием. Битва, за которой они так напряженно следили, проходила мимо, оставляя их лишь безмолвными свидетелями чужой схватки.

Внезапно лесную тишину разорвал резкий треск ломаемых веток. В людях, измученных томительным бездействием, мгновенно вспыхнул азарт. Ворчун Норбо, не сдержавшись, сорвался с места и стремглав бросился в густую чащу. Субэдэй крикнул ему вслед, пытаясь остановить, но было поздно — Норбо уже растворился в черноте деревьев.

На открытом пространстве в холодном лунном свете всё проступало с пугающей ясностью, но стоило углубиться в лес, как зрение притупилось, и мир сузился до белесой пелены снега. Лес превратился в бездонный склеп, где лишь неровные сугробы мерцали призрачным, фосфоресцирующим светом. В глубоком снегу конь с трудом пробивал путь, и Норбо был вынужден замедлить ход. С тяжелых лап сосен срывались белые комья «шерсти», мягко и бесшумно обдавая всадника ледяной пылью. Лошадь, совершая небольшие круговые движения, с пугливой осторожностью и деликатной точностью переставляла ноги в поисках опоры в густой тени.

Норбо замер, прислушиваясь. Ему почудился шепот, но, возможно, это лишь снег осыпался с ветвей, нарушая мертвую тишину. Постепенно глаза привыкли к полумраку, и лес начал обретать очертания: среди живых сосен то тут, то там проступали скелеты мертвых деревьев. Их почерневшие, обломанные сучья торчали из сугробов, точно обугленные кости.

Норбо охватил суеверный ужас. Он напрягся, вглядываясь в густую чащу и вслушиваясь в каждый шорох, крепко сжимая в руках мушкет. Меж стволов то и дело мелькали неясные тени — то ли прорвавшиеся киргизы, то ли духи леса, — но само это движение вернуло ему холодную решимость. Норбо вскинул оружие и нажал на спуск. Грохот выстрела, разорвавший тишину, отозвался пронзительным визгом раненой лошади. В ту же секунду воздух, всколыхнутый пороховым дымом, словно подломил старое дерево: оно с глухим, утробным треском рухнуло, подмявая под себя всадника. Холодный, плотный, как мокрый мех, снег мгновенно забил рот и ноздри. Сознание Норбо дрогнуло и погасло, провалившись в черную бездну абсолютной, давящей тишины.

Субэдэй и его люди услышали всё: сухой грохот мушкета, предсмертный визг лошади и приглушенный треск ломающегося дерева. Первым порывом Субэдэя было броситься в чашу, на выручку, но он тут же, взяв себя в руки, застыл на месте. В памяти всплыли наставления отца и мудрые предостережения старейшин, не раз сходящихся с киргизами в схватках: те боятся лесной глубины, и даже опытные торгуты предпочитают не испытывать судьбу в таких дебрях, просто обходя их стороной. Понимая, что лес — это ловушка, Субэдэй молча вскинул руку, приказывая отряду замереть.

Вскоре на опушке, словно отделившиеся от черноты деревьев призраки, показались двое киргизских всадников.

Первый, явно предводитель, держался с властным достоинством. Его грудь защищал персидский нагрудник, в холодном лунном свете отливавший вороненой сталью, а голову венчал тяжелый железный шлем. Поверх доспехов был наброшен тяжелый меховой плащ, чья оторочка подернулась серебристым инеем.

Следом ехал второй, одетый куда проще — в грубой овчинной шубе и высокой острокопечной шапке. Он вел в поводу лошадь Норбо, а поперек седла, точно бесформенный тюк с мукой, безвольно свисало тело пленника со связанными руками и ногами.

Всадник в доспехах подался вперед и выкрикнул по-киргизски:

- Есть ли среди вас, псов, хоть кто-то, способный говорить на моем языке?

Субэдэй выступил вперед. Его голос звучал ровно и твердо.

- Бросьте оружие, — ответил он на торгутском, — и говорите на моем языке так, как подобает достойным мужам.

Торгуты рассмеялись, но в душе их крепла тревога за Норбо. Они видели, как второй всадник сжимает рукоять турецкого кинжала, готовый в любой миг вонзить лезвие в спину их друга. Бату, не раздумывая, вскинул мушкет, ловя киргиза на мушку, но Субэдэй властным жестом отвел ствол в сторону и обратился к предводителю врагов:

- Ну так что, владеешь ли ты русской речью?

- Немного, — скупно отозвался воин.

Его русский звучал тяжело, с грубым, рубленным акцентом, куда более резким, чем у Субэдэя. Превозмогая трудности чужого языка, он попытался придать голосу надменности:

- Я — Беран, вождь киргизов. У нас нет с вами распри. Мы лишь хотим вернуться в свои земли и держать совет с ханом Нурали.

- У меня приказ взять вас в плен, — отрезал Субэдэй. — Сложите оружие, верните нашего человека и его коня. Клянусь, вам не будет причинено вреда.

Беран, казалось, был впечатлен решимостью собеседника. Коротко перебросившись парой фраз с соратником на родном языке, он вновь обратился к торгуту:

- Доставьте нас в форт в целостности и сохранности — и получите своего человека вместе с конем. Но помните: Беран не бывает пленником.

Он скрестил руки на груди, окинув молодого торгута ледяным, надменным взглядом. Субэдэй вспыхнул — кровь ударила в голову, и он был готов в ту же секунду броситься на киргизского князя. Однако, сжав кулаки, он заставил себя остыть: ярость уступила место холодному расчету.

- Поклянись своей священной книгой, что не предпримете попыток к бегству и что Норбо будет передан нам в форте целым и невредимым, — ровным голосом произнес Субэдэй.

- Клянусь Кораном, — отрезал Беран, — при условии, что в пути нам не будет грозить опасность.

- Нашей Бичик клянусь, — ответил Субэдэй, не отводя взгляда от глаз противника. — А теперь — подъезжайте.

Торгуты встретили решение своего предводителя глухим ропотом. Беран держал конвой на дистанции, не позволяя никому приблизиться ближе чем на десять конских длин. Отряд

выстроился в полый квадрат, внутри которого двигались киргизы, пока торгуты не переставали осыпать их проклятиями и глухими угрозами.

По мере приближения к цели воздух наполнился тревожным эхом: со стороны форта доносились редкие ружейные выстрелы, а где-то вдалеке, вдоль русла реки, нарастал гул приближающегося авангарда Убаши-хана.

Кулагина крепость, словно суровый страж, возвышалась на древнем кургане у восточного берега Яика. Окрестности были расчищены: лес вырубил до самой воды, обнажив пространство на полторы версты к северу и югу. Укрепление служило ключом к водной артерии, контролируя важную переправу, где сходились пути — Саратовская дорога и военный тракт, уходящий на северо-восток, к Оренбургу.

Достигнув края поляны, Субэдэй и его воины остановились.

В лунном свете стены форта отливали холодным серебром. С луковичного купола церкви доносился тревожный, режущий слух перезвон колоколов. Войска Темуру и Чокту, подобно стае хищников, описывали широкий круг у подножия кургана, на вершине которого замерла крепость.

Тяжелые деревянные ворота, через которые совсем недавно прошли киргизы, оставались приоткрытыми. За ними, над истоптанной землей, покачивались фонари, выхватывая из темноты силуэты всадников, а в морозном воздухе отчетливо звенели резкие русские команды. Вдоль крепостных стен застыли часовые: их мушкеты, словно жала, были нацелены на торгутских воинов.

- Ну вот мы и на месте, – с нескрываемым возбуждением произнес Субэдэй, обращаясь к Берану. – Здесь ты отдашь нам Норбо и повернешь коня к форту.

Беран, держа дистанцию в десяток конских корпусов, одарил его надменной ухмылкой.

- Выдели одного из своих людей, пусть проводят нас до середины пути. Иначе торгуты, не связанные твоей клятвой, ударят в любой момент.

Субэдэй нахмурился, признавая правоту врага: яростные выкрики воинов Темуру и Чокту, доносившиеся со стороны, не сулили ничего доброго. Однако его соратники, теряя терпение, уже начали насаждать на Берана, угрожающе сжимая поводья.

- Отдай нам Норбо! — гремели их голоса.

- Стоять, псы! — рявкнул Беран. Его спутник, в качестве предупреждения, полоснул ножом по одежде пленника. — Я отдам его лишь тогда, когда сам того пожелаю!

В этот миг Норбо, до того хранивший молчание с самого момента пленения, наконец подал голос, но слова его потонули в тяжелом, надсадном хрипе:

- Не надо, Субэдэй! Это ловушка... ты ничего не добьешься!

- Но он дал слово, – неуверенно возразил Субэдэй, – и я тоже. Бату, поезжай с нами к форту.

Торгуты неохотно расступались, глухо ворча, словно потревоженная стая хищников. Они провожали Берана и его спутника тяжелыми, полными ненависти взглядами, угрожающе потрясая мушкетами.

Субэдэй и Бату двинулись следом, держась поодаль, с киргизами между ними. Чем ближе они подходили к холму, на вершине которого мрачно высились стены форта, тем плотнее становился воздух, наэлектризованный напряжением. Внезапно за тяжелыми воротами поднялся нестройный гул, переходящий в яростные крики. Субэдэй обернулся: часть его людей, не выдержав, сорвалась с места и во весь опор бросилась в погоню.

Поняв, что хрупкое перемирие рассыпается в прах, он крикнул Берану:

- Брось нашего человека и убирайся к воротам!

В тот же миг из крепости высыпал отряд казаков, лавиной устремившись вниз по склону. Беран и его спутник, резко пришпорив коней, вместе с Норбо рванули навстречу, ныряя в гущу русских всадников.

Казалось, казаки не подозревали, что против них стоят всего несколько сотен торгутов, и с яростным криком бросились в атаку, обнажив сабли и наставив мушкеты. Но тут, подобно грому среди ясного неба, с опушки леса донесся оглушительный клич: главная колонна Убаши-хана вырвалась из укрытия, галопом обрушившись на расчищенную равнину. Торгутские всадники наводнили поле, осыпая противника градом стрел и тесня казаков обратно к истоптанному склону холма.

Субэдэй застыл посреди хаоса, оглушенный предательством Берана и с горечью осознавая собственную доверчивость. Тяжелые ворота форта с грохотом захлопнулись за последним казаком, и с крепостных стен ударили мушкеты. Торгуты, видя опасность, с победными криками отхлынули за пределы досягаемости пуль. И только Субэдэй остался неподвижен — он сидел на коне у подножия холма, словно каменное изваяние.

Мушкетная пальба постепенно стихла, и из крепости донесся оклик, адресованный Субэдэю.

Словно очнувшись от тяжелого сна, он направил коня прямо к крепостным стенам. Его товарищи, оставшиеся далеко на другом конце поляны, с тревогой следили за одинокой темной фигуркой всадника, четко вырисовывавшейся на фоне залитого лунным светом снега, опасаясь за его жизнь. Люди на стенах, пораженные его отвагой, невольно опустили мушкеты и подались вперед, вглядываясь в смельчака.

Подъехав почти вплотную, Субэдэй возвысил голос:

- Где эта киргизская собака Беран - воин, лишенный чести?

Казак наклонился так низко, что Субэдэй мог разглядеть косоглазие в его глазу и почувствовать зловонное дыхание — тяжелый, спертый дух, напоминающий застоявшийся воздух в натопленной зимней кибитке.

- Так ты говоришь по-русски, маленький богатырь? — произнес казак с оттенком невольного восхищения. — погоди, я позову командира.

Субэдэй не испытывал страха, глядя на суровые, изможденные лица людей, облепивших край стены. Теперь, вблизи, он видел трещины в глине и торчащую из стен солому — то, что издавна казалось неприступным сказочным замком, мерцающим в лунном свете, на деле оказалось лишь жалким строением. Запах гнили изо рта, донесшийся сверху, случайный чих, пронесшийся вдоль стены, внезапно дали ему понять: перед ним такие же люди, как он сам, смертные и земные.

- Где Беран? — выкрикнул Субэдэй еще громче. — Где тот, кто дал слово вернуть нашего человека в обмен на свою жизнь?

По рядам защитников крепости пробежал нестройный гул. Это были лихие люди, собранные со всех окраин, в том числе криминальных и авантюрных уголков империи, для продвижения ее границ на юг; они называли себя именем, позаимствованным у самого дикого племени азиатской равнины - казахов, но даже в этой среде, где закон был лишь тенью, понятие о чести сохраняло свой вес. Поэтому, услышав призыв Субэдэя, казаки одобрительно загудели, признавая правоту его слов.

Командир, тяжело дыша и раскрасневшись от мороза, вскарабкался на бруствер. Субэдэй отступил на несколько шагов по скользкой земле, чтобы лучше видеть русского офицера. Тяжелая шуба лишь подчеркивала его тучность. Он повернулся к стоявшему рядом Берану:

- Беран.

Тот тут же появился рядом с ним.

- Правду ли говорит этот торгут? — спросил командир.

- Нет, — отрезал Беран. — Этот торгутский шакал нарушил свое слово прежде, чем я успел исполнить свое.

- Лжешь, как киргизская собака, — парировал Субэдэй.

Лицо Берана, до этого бледное и холодное, словно освещенный луной металл доспехов, побагровело.

- Тот, кто посмел сказать такое о Беране, - не жилец, — прорычал он. — Я с радостью проткну твое сердце копьем или перережу твою глотку ножом.

Он скрестил руки на груди и нахмурился, но Субэдэй лишь усмехнулся в ответ.

- Хорошо, — сказал он. — Встретимся на рассвете на ровной земле. Если я проиграю — волен идти, куда пожелаешь. Но если победа будет за мной, Норбо вернется, а ты отдашь мне своего коня и доспехи.

- Даю тебе свое слово, пес, — процедил Беран.

- Твое слово не стоит ломаного гроша — ни живого, ни мертвого, — отрезал Субэдэй.

- На рассвете ты умрешь, — прошипел Беран. Лицо его вновь стало мертвенно-бледным, прежде чем он развернулся и скрылся из виду.

Русский командир тяжело вздохнул. На его каракулевой шапке и тяжелой шубе начал оседать иней. Опершись на холодную стену бруствера, он спросил:

- Зачем вам, ребята, создавать столько проблем? Почему бы просто не вернуться домой, вместо того чтобы выбивать нас из постелей посреди ночи?

Субэдэй пожал плечами:

- Мы не желаем вам зла. Мы воюем только с вашей царицей и ее человеком Кичинским.

- Да, но мы тоже в Кулагиной, — возразил командир. — Мы — люди Ее Императорского Величества. Вам, торгутам, выдали оружие и боеприпасы для борьбы с киргизами, а не с нами. Зачем же вы пришли осаждать нас теми же самыми мушкетами?

Субэдэй вновь пожал плечами:

- Вы сами открыли ворота киргизам.

- Наш долг — обеспечивать равную защиту всем подданным Ее Императорского Величества, — последовал ответ командира.

Субэдэй на мгновение запнулся, словно подыскивая слова. Он внимательно изучал глубокие морщины и багровые пятна на лице командира, прежде чем продолжить:

- Вы вооружаете мой народ против киргизов, а затем вооружаете киргизов против нас. Эта игра затянулась, — медленно произнес он. — Что ж, защищайте киргизов. Что касается нас, мы — не подданные царицы, и защищать себя будем сами.

Командир тяжело и сердито задышал.

- Ты не понимаешь сути, — отрезал он. — Пришлите кого-нибудь более разумного для переговоров.

- Я приехал не для того, чтобы договариваться, — ответил Субэдэй и развернул коня.

Он начал спускаться со склона, не оглядываясь. Лишь когда лунный свет, подобный тонкому белому дыму, залил широкую поляну, и он увидел, как далеко впереди, у кромки леса, чернеет кольцо торгутского войска, до него дошло безрассудство собственного поступка. Он ведь сам подставился под дула казачьих мушкетов, бросив вызов не только Берану, но и самому русскому командиру. Холодное предчувствие — то ли сомнение, то ли страх — сжало грудь. Субэдэй пришпорил коня и во весь опор помчался к костру, пылавшему у замерзшей реки, вытекающей из леса, с ходу врываясь в круг людей, собравшихся у потрескивающего пламени.

- Что случилось, Субэдэй? — раздалась встревоженные голоса. — Где Норбо?

- Это был безрассудный и пустой жест, — проворчал Темуру, едва скрывая торжествующий блеск в глазах.

- Дай ему рассказать, что произошло, — вмешался Убаши Хан.

Субэдэй вспыхнул и, запинаясь, принялся излагать события. Тем временем речной лед, сжимаясь от мороза, гулко трещал, словно живое существо. Ночь становилась невыносимо холодной; даже языки пламени казались лишь острыми ледяными копьями, разбивающимися о холодное металлическое небо. Когда Субэдэй закончил свой рассказ, Убаши-хан заявил:

- Никто из наших не пойдет туда на переговоры. Им нельзя верить!

- Разумеется, — ехидно подхватил Темуру. — Ты ведь не позволишь Субэдэю — всего лишь мальчишке — в одиночку тягаться с таким вождем, как Беран.

Но хан внимательно вглядывался в высокую, стройную фигуру Субэдэя и его худое, одухотворенное лицо, словно пышущее неукротимым огнем энтузиазма.

- Он уже не мальчик, — произнес наконец Убаши. — Он поступил мудро. Пусть сразится с Бераном.

- Как скажешь, — буркнул Темуру, нехотя отступая.

Бату, до этого пристально изучавший куртку Субэдэя в том месте, где овчина была испачкана и порвана, ткнул пальцем в дыру.

- В тебя стреляли, — констатировал он.

Субэдэй с любопытством заглянул под халат. Нашупав прижавшуюся к телу холодную пулю, он извлек ее и, едва взглянув, небрежно швырнул в костер. Оскалив в усмешке белые зубы, он снова устремил взгляд к далекому форту, блестящему в ночи, словно капля ртути.

Глава 7.

Утро выдалось пронзительно холодным и ясным. На востоке гряда облаков, подобно тяжелому железному щиту, заслоняла восходящее солнце, позволяя лишь багряному, ледящему рассвету просачиваться из-за своего края. Этот призрачный отблеск придавал крепости, застывшим на стенах фигуркам дозорных и даже ровной земле странный, искаженный, почти нереальный облик.

Бату, давно уже проснувшийся и не смыкавший глаз, тронул за плечо Субэдэя, едва заведя, как над крепостными стенами поднимаются густые столбы дыма — верный знак утренних костров. Субэдэй сонно потер глаза, но, осознав увиденное, вмиг сбросил оцепенение. Его белая кобыла, Бар-Куль, стоявшая неподалеку, была покрыта плотным слоем инея; если под лунным светом она казалась облитой парным молоком, то теперь ледяная корка на ее густой зимней шерсти при каждом движении звенела, словно россыпь крошечных колокольчиков. Субэдэй вскочил на ноги, сбросив на промерзшую землю тяжелую овчинную шубу. Бату подал ему торгутский панцирь — сплетение грубой коровьей кожи и вороненых железных пластин. На доспехе отсутствовала спина, как того требовал суровый торгутский обычай, дабы у воина не возникало даже мысли о бегстве с поля боя, и он не должен был оставлять врагу даже тени сомнения в своей решимости, ибо путь к отступлению был закрыт навсегда. Молча, сосредоточенно, Бату и Субэдэй принялись затягивать тугие кожаные ремни доспехов.

Пробуждаясь, воины стягивались к ним, чтобы посмотреть на приготовления и дать совет. Мнения о доспехах киргизского вождя разнились: одни клялись, что кожа их мягка, словно масло, другие же верили, что на них лежит печать древнего колдовства, делаая их неуязвимыми для любого оружия. Неудивительно, что и советы о том, как Субэдэю вести этот бой, звучали наперебой и противоречили друг другу. Но подошедший Темуру, чей голос сразу заглушил шум толпы, произнес веско:

- Беран облачен в кольчугу работы кубечинских мастеров. Такую броню не возьмет ни одно копьё — разве что в поясице, где сходятся края полотна. Держи кинжал наготове вместе с копьём и позволь ему сделать первый выпад. А когда он раскроется — сбей его с седла и вгони лезвие прямо в спину.

Субэдэй слушал эти речи, но сердце его уже сжигало нетерпение. Когда он взобрался в седло, сжимая копьё, и замер в ожидании слов напутствия от Убаши-хана и своего отца, мышцы его звенели от напряжения. И вдруг над заснеженной равниной раздался трубный зов из крепости — резкий, пронзительный звук, вонзившийся в морозный воздух, словно острие вражеского копьёя. Субэдэй развернул коня.

Тяжелые деревянные ворота Кулагиной крепости с грохотом отворились, и в проеме, подобно видению, возникла фигура киргизского вождя, закованная в ослепительное серебро.

Субэдэй глубоко вдохнул, на миг обведя взглядом кольцо торгутских войск, плотно обступивших крепость. Кое-где свет причудливо играл на наконечниках копий и стволах мушкетеров, заставляя их казаться гибкими ивовыми прутьями, какими погоняют коней на летних скачках. В памяти внезапно вспыхнули картины того безмятежного времени: знамена, трепещущие на теплом ветру; тихий смех старейшин и шепот женщин у шатра Убаши; бездонное небо, натянутое над степью, словно голубой купол. Он вспомнил, как когда-то, в порыве детской жажды приключений, нашел в густой гриве своего пони красный шелковый бант — крошечный талисман, суливший удачу. И сейчас, в этот решающий миг, эта память отозвалась в нем ясным, как сталь, предчувствием: Кедар-Чаб не оставит его, и победа будет за ним.

За спиной Субэдэя взметнулся оглушительный рев, и этот крик, подобно боевому кличу предков, придал ему сил. Он сжал бока кобылы коленями, и обжигающий морозный воздух,

острый, как лезвие, хлестнул по лицу. Субэдэй рванулся вперед, слегка волоча за собой копьё и чувствуя тяжесть кинжала у бедра.

Беран летел ему навстречу, спускаясь по склону. Даже на расстоянии Субэдэю чудилось, что он видит эти надменные, немигающие глаза врага и слышит тяжелое, свистящее дыхание его скакуна. Субэдэй подался назад, прижав ноги к ребрам своей кобылы и готовя копьё к удару, заранее просчитывая траекторию их сближения. В тот миг, когда их пути пересеклись, мир сузился до зрачков противника, устремленных на его торгутский нагрудник, до темного, зловещего блеска персидского наконечника и оскаленных белых зубов Берана в хищном предвкушении броска.

Но со свистом ветра, разрезая морозную мглу, они пронеслись мимо друг друга, и ни один не решился метнуть копьё. Не доезжая до крепостного вала, Субэдэй осадил коня и развернулся. Беран замер вдали, на ослепительно белом снегу; его доспехи сияли холодным серебром, резко контрастируя с темными фигурами осаждающих и угрюмыми тенями деревьев. Субэдэй твердо решил: в следующий раз он вынудит киргиза бросить копьё и промахнуться.

Из крепости и из плотного кольца воинов взметнулись крики и вновь поднялся гул — яростный, противоречивый, полный надежд и проклятий. И, словно подхваченные этими волнами звука, словно брошенные в бездну самой судьбой, противники снова сорвались с места, устремившись в смертельный танец навстречу друг другу.

Субэдэй припал к шее лошади, щекоча ее ухо кончиком ножа. Он шел на сближение, имитируя прежний маневр: казалось, они снова пролетят мимо справа друг от друга. Всадник едва заметно подался вперед, приготовив копьё к удару. Холодная влага выступила на ладони, и он крепче перехватил древко.

Их разделяло не более пятнадцати шагов, когда Беран начал движение для броска. Но Субэдэй рассчитал всё безукоризненно: он резко подрезал путь киргизскому вождю. Беран уже не мог остановить замах — копьё уже срывалось с пальцев, и ему оставалось лишь повернуть кисть, пытаясь скорректировать прицел. Копьё Субэдэя, выпущенное с хриплым выдохом, чиркнуло по закованному в металл плечу врага и вонзилось в снег. А железный наконечник копья Берана, несмотря на потерянную скорость и сбитую траекторию, с глухим стуком врезался в грудь Субэдэя.

Торгуты застонали, когда удар Берана едва не выбил Субэдэя из седла. Копьё вонзилось в грудь воина и теперь яростно вибрировало, впившись в доспех. С крепостных стен донесся торжествующий гул — киргизы славили своего вождя. Беран бросил на стены злобный взгляд, ведь триумф его был недолгим: стало ясно, что Субэдэй жив и невредим. Наконечник копья не пробил плоть, а намертво застрял между стальной пластиной и толстой коровьей кожей доспеха. Субэдэй выдернул древко, освободив наконечник, и над полем прокатился громовой рев ликующих торгутов. Казаки и киргизы на стенах крепости разом притихли, погрузившись в мрачное молчание.

Беран, пришпорив коня, понесся к месту, где в снегу лежало копьё Субэдэя. На полном скаку он низко подался из седла, пытаясь подхватить оружие, но древко примерзло к насту. Пальцы киргизского вождя соскользнули, не удержав ничего, кроме горсти ледяной крошки. А Субэдэй уже летел на него, оглашая степь диким кличем. Беран, вжавшись в холку коня, пустил животное в безумную скачку по глубокому снегу. Субэдэй неотступно преследовал его, яростно пришпоривая коня, чтобы отсечь врага от крепостных ворот, и на ходу нанося короткие, разящие удары захваченным копьём.

Беран был сломлен. Его конь — мощный, но тяжелый и неповоротливый — споткнулся у подножия склона, едва не рухнув в снег. Субэдэй настигал его, и Беран, в приступе отчаяния выхватив кинжал, безумно полоснул им коня по боку. Бедное животное, взвизгнув от боли и ужаса, понеслось вдоль склона.

Со стен крепости казаки и киргизы наблюдали за жалким бегством Берана от молодого торгута. Кто-то из его верных людей в отчаянии кричал: «Развернись, Беран! Бей его кинжалом!», но большинство молчало, злорадно упиваясь унижением высокомерного вождя.

Субэдэй тоже с торжествующим криком призывал врага обернуться и сойтись в честном бою на кинжалах. Он намеренно придерживал своего скакуна, смакуя позор Берана на глазах у всего гарнизона.

- Я-боннах! — гремел он вслед. — Трус! Собака!

Киргиз же, охваченный паникой, неистово хлестал коня, стремясь уйти от погони. Обогнув почти всю крепость, он попытался резко взлететь по склону к воротам. Но там, где снег был истоптан, под ним скрывались острые камни и ледяная корка. На полпути к деревянным воротам конь поскользнулся, тяжело рухнул и перевернулся, сбросив седока. Беран кубарем покатился по склону, потеряв в снегу свой персидский шлем.

Крепостные стены сотрясались уже не от гула насмешек, а от взрывов горького, издевательского смеха. Беран, неуклюже сидящий в снегу и беспомощно протирающий глаза, с забитым снегом клинком в руке, выглядел жалкой карикатурой на самого себя. Даже Субэдэй, возвышавшийся на своем белом коне, не сдержал улыбки.

Вся яростная жажда мести, всё недавнее желание пролить кровь врага вдруг угасли, стоило Субэдэю взглянуть на этого человека с растрепанными черными прядями над поникшими глазами и с бесполезным кинжалом, застрявшем в снегу. Теперь великий вождь больше не казался грозным противником, - лишь обычным, сломленным мужчиной. С лентой, присущей хищнику, Субэдэй подался вперед и кончиком копья небрежно ткнул Берана по запястью. Снежный ком, налипший на лезвие, разлетелся серебристой пылью, а кинжал, сверкнув на солнце, отлетел в сторону. Толпа на стенах взревела от хохота, и на губах Субэдэя заиграла довольная улыбка.

- Отныне торгутский воин Норбо принадлежит мне, — произнес он, глядя прямо на Берана. — Забираю его коня, а также твоего скакуна и доспехи. И передай своему хану Нурали: если он снова пошлет людей против нас, они не вернуться живыми, как ты.

Подавленный и раздавленный поражением, Беран прошел сквозь крепостные ворота. Киргизские воины с мрачными лицами провожали своего поверженного вождя, не скрывая презрительного ропота. Казаки же, в свою очередь, поприветствовали Субэдэя и передали ему пленного Норбо.

Даже командир, наблюдавший за схваткой со стороны, подошел к воротам, чтобы позвать победителю руку. Его усы подернулись инеем от морозного дыхания.

- Вы, ребята, и вправду чертовски хороши, — проговорил он, выпуская облачка пара. — Почему бы вам не разойтись по домам с миром?

- Мир? — переспросил Субэдэй, в чьем голосе теперь звучала стальная уверенность, которой не было вчера. — Ваша царица и ее крепости насаждают односторонний мир. Мы уходим с миром, но своим путем.

Командир задумчиво погладил бороду, вглядываясь в лицо степняка.

- Значит, это правда. Ваш народ снова в движении.

- Не вижу вреда в том, чтобы ты знал, — ответил Субэдэй. — Вскоре и так всё узнаете от Джената.

- И что всё это значит? — командир обвел рукой кольцо осаждающих. — Это и есть ваше представление о мире?

- Мы не желаем зла, — спокойно отозвался Субэдэй, — Мы лишь хотим, чтобы вы не нечинили препятствий нашему народу при переправе через Яик.

- Чушь, это абсурд! — воскликнул командир. — Вы не уйдете просто так. Вернетесь туда, откуда пришли — и скажите спасибо, если отделаетесь малой кровью. Вам еще повезет, если не станет хуже, чем раньше!

- Никогда.

- А если нет, – мрачно произнес командир, – тем хуже. Ваш народ будет стерт в порошок.

- Как будет, так будет, – пожал плечами Субэдэй. – Могу я идти?

- Иди с миром, – сухо бросил командир.

И Субэдэй, ведя под уздцы коня Берана, навьюченного трофейными персидскими доспехами, спустился с холма. Рядом, словно тень, следовал Норбо. Неумолчная, полная благодарности болтовня юноши на миг заставила Субэдэя забыть о зловещих словах командира. Грудь распирало от торжества, сердце переполняла гордость. Что бы сказала Кедар-чаб, увидев его таким – возвращающимся с триумфом? Он жадно вдыхал опьяняющий, пронзительно чистый воздух, в котором чувствовался терпкий привкус морозного снега, направляясь к торгутским войскам.

В ту ночь, словно маяки в надвигающейся тьме, пылали огромные костры, превращая низкое небо в подобие дымной пещеры. День выдался теплым: к вечеру дыхание людей и животных уже не застывало густыми облаками, как в утренний мороз, а растворялось в воздухе легкой, едва заметной дымкой. Убаши расщедрился на фляги с аракой, и вскоре лагерь, прежде затаившийся, наполнился песнями и смехом.

У одного из костров Норбо, уже в десятый раз, вздохнул рассказывая о своих приключениях в крепости: как его поместили вместе с киргизами на земляной пол деревянной церкви; как толстый, низкорослый подручный Берана связал его так крепко, что он не мог сомкнуть глаз, и привязал ремнями к своему поясу; и как, в отместку, он всю ночь толкал его коленями в живот, чтобы и его захватчик не смог заснуть.

- Клянусь, лежать там было просто невыносимо! — восклицал Норбо, размахивая руками. — У этих киргизских псов нет ни капли стыда — гадят прямо там, где спят!

- Возможно, в русском храме пусто, – задумчиво предположил Бату. – Даже их Бог там больше не обитает.

- Зато запахи там точно обитают, и еще какие! — парировал Норбо. — А меня, представьте, даже по нужде не отпустили, оставили связанным. Я терпел, терпел, думал — лопну! В конце концов, просто перекатился на этого борова и... облегчился прямо на него!

Мужчины взвыли от хохота. Хотя историю знали уже наизусть, они замерли в предвкушении любимых моментов, наслаждаясь каждым словом рассказчика.

- Но мне от этого стало только хуже! – сокрушенно продолжил Норбо. – Ведь когда я вернулся сюда, мне пришлось стоять у огня битый час, прежде чем я оттаял от собственной одежды... Избавьте меня от киргизов! Уж лучше смерть от рук турок!

Воины, окружив весело потрескивающие костры, прикладывались к флягам с аракой и давились от смеха. Бату пообещал сложить песню о Субэдэе, как только подберет достойные слова. Вокруг имени их предводителя уже начала витаться аура неувязимости: сначала пуля, застрявшая в груди, словно верный талисман, прошлой ночью; затем копьё Берана, которое в решающий миг по воле судьбы, как по волшебству, обратилось против своего хозяина... Мужчины один за другим вспоминали старинные легенды и песни, находя в них отголоски недавних побед. И под аккомпанемент ветра, завывающего в заснеженных кронах ближнего леса, Бату, а за ним и другие воины, затянули древние сказания.

В ту ночь вспоминали Кутлах-хана — героя, древнего, как сам мир; того, чей голос гремел подобно небесному грому, а руки, мощные, как медвежьи лапы, ломали врагов, словно стрелы. Песни о великих битвах и прославленных воинах сменяли друг друга, но превыше всех историй мужчины чтили сказание о величайшем герое из когда-либо живших — о божественном Гэсэре Богдо хане.

Бату вел сказ о том, как Гэсэр Богдо хан явился в этот мир, чтобы искоренить всё зло на земле. Он пел о том, как великий герой начал свой путь с поединка против Мангучи — могущественного духа тьмы. Но коварна была супруга врага: заманила она Богдо в золотые дворцы,

опутала его чарами, и предавался он утехам, забыв о долге, пока зло снова расплзлось во все уголки мира, словно ядовитый туман. Но в один миг стряхнул Богдо дурман, пробудился, и с той поры стал поистине непобедимым - не было ему равных ни на небе, ни на земле.

- Его меч вытянулся на полторы тысячи сажень! — запел Бату. — Одним взмахом своего ужасного клинка он разил шесть сотен врагов! Тридцать три миллиона нечестивцев пали от его руки, прежде чем он очистил мир от скверны!

Остальные влились в ритм сказания. Вторя Бату, они подхватили припев, и их суровые голоса слились в единый гул, перекрывая яростный свист ветра:

О, великий, грозный Богдо на вороном коне!

Из-под копыт его — искры летят,

Из тела его — пламя бьет!

Лик его горит огнем нездешних звезд,

А шлем увенан райским пером,

Осиянным радугой!

Семь священных камней на его кольчуге

Сияют, словно солнце и луна в зените.

О, великий Богдо,

Гэсэр-хан, ужасный в своем величии,

Хан всех ханов!

Когда песня смолкла, ветер издал протяжный, тоскливый стон, проносясь сквозь застывшие кроны. Казалось, с уходом легендарного героя мир погрузился в безмолвную пустоту, напоминая о хрупкости и бренности всего сущего. Возле костра завязался приглушенный спор: мужчины говорили вполголоса, словно боясь потревожить печальные вздохи леса. Придвинувшись ближе к жаркому пламени, они заговорили о том, что ждет человека там, за чертой земного пути.

Бату огляделся по сторонам и понизил голос до таинственного шепота:

- Багха-шаман однажды открыл мне: наш народ поначалу верил, что после смерти не остается ничего, как после догоревшего костра. Но это было заблуждением — ведь какой тогда смысл соблюдать законы, если перед лицом небытия все равны? И тогда Хан Тенгри, узрев ошибку, сотворил море грязи. Туда отправляют мертвецов, а за этим морем стоит Белый Дворец, сияющий, словно само солнце, и ведет к нему тропа, вымощенная холодным железом. Во дворце висят гонги, чей гул влечет души умерших. Но грешники слепнут от этого звона, он разрывает их головы, и они навеки погружаются в трясину моря грязи.

Тулук, приверженец буддийского учения, не преминул возразить:

- Это всё хорошо для тебя, Бату, но у нас иные мысли. Ламы учат: после смерти душа парит в пустоте, пока не обретет новое пристанище. Если ты жил достойно и чтил закон, то получишь тело лучше прежнего. А если нет — быть тебе в следующей жизни жалким шакалом, рыщущим в пыли.

- В таком случае, — усмехнулся Бату, — многие из твоих друзей, должно быть, уже переродились в киргизов. К слову, я заметил, что для правоверного буддиста ты всегда подчищаешь свою порцию мяса целиком до последнего кусочка, не так ли?

Норбо подхватил шутку:

- Лама Лоузанг, посмотрите на этого «буддиста»! Никто не расправляется с целой овцой так быстро, как он — разве что Гедесу. Что скажешь в свое оправдание, Тулуку?

- Да тут всё довольно просто, — невозмутимо ответил Тулуку. — Видите ли, закон о запрете на мясо... Взять, к примеру, Тибет — окружение самого Далай-ламы. Там никто не притронется к мясу, потому что на вершине мира обитают лишь возвышенные души, отбывающие наказание в облике скота. Их нужно спасать. Но здесь, у нас, всё иначе. Это низина, и в

нашем скоте перерождаются только самые никчемные души. А если душа настолько порочна, она вполне заслуживает того, чтобы ее съели.

Несколько мужчин рассмеялись, но их взгляды то и дело украдкой скользили в сторону темного леса, за пределы дрожащего света костра. Однако Норбо, словно бросая вызов ночной пустоте и всем тайнам, что она в себе хранила, заговорил во весь голос:

- Всё это — пустые суеверия, — отрезал он. — После смерти нет ничего. Уж поверьте, я был к ней достаточно близок, верно, Субэдэй? Да и в этой жизни не так уж много радости, если только не нарушать все мыслимые законы, как наш Гедесу. У русских есть странная идея: будто после смерти ты отправляешься в рай, растянувшись на двух деревянных перекладинах. И ведь именно так большинство туда и попадает — выпотрошенными и прибитыми к дереву гвоздями. Разве не так, Субэдэй? Что скажешь?

Все взгляды обратились к Субэдэю, который обычно говорил немного. Теперь же он, едва заметно улыбнувшись, произнес:

- Мой отец, Темуру, однажды сказал мне: уважай все религии — так у тебя появится больше шансов угодить Богу, какой бы из них он ни оказался.

Остальные одобрительно закивали, и по кругу пронесся приглушенный гул согласия.

Субэдэй добавил, задумчиво глядя на огонь:

- К тому же, я помню слова одного мудреца: все мы — лишь путники на этой земле. И каким бы ни был путь, предначертанный человеку, он должен пройти его до самого конца.

Мужчины торжественно закивали, ощущая всю тяжесть и правоту этих слов. Разговор, до этого резкий и шумный, плавно перетек в русло легенд о магической силе святых. Тулуку увлеченно рассказывал о чудесах, что творят буддийские ламы и хубилганы, а Бату парировал историями о сверхъестественных подвигах шаманов.

Вскоре Субэдэй поднялся и отошел от костра, чтобы освежить голову, отяжелевшую от паров араки и едкого дыма. Он глубоко вдохнул холодный, пропитанный снегом воздух. Да, действительно, заметил он теперь, начался снегопад: крупные белые хлопья беззвучно оседали на землю. Это напомнило ему ту, другую ночь и Кедар-Чаб. Субэдэй вгляделся в густой лес, где старый снег цеплялся за хвою и стволы, погружая всё вокруг в тягучую, темную тишину. Затем он запрокинул голову: высоко вверху ветер проносился сквозь сосновые кроны, издавая звук — пустой и холодный, как сама смерть. Вокруг таились силы, куда более глубокие, чем лесная чаща, и более неуловимые, чем ночной ветер — нечто бесконечно превосходящее человеческое понимание.

«Что ж, — подумал Субэдэй, — даже если в конце меня ждет пустота, человек всё равно обязан пройти свой путь до самого конца».

Долго он стоял так, подставив лицо падающим хлопьям, словно принимая свою судьбу. Наконец, медленно повернулся и направился обратно к костру. Его товарищи, свернувшись калачиками, уже погрузились в крепкий сон, нарушаемый лишь их мерным храпом. Субэдэй лег рядом и вскоре тоже забылся сном.

Глава 8.

Еще три долгих дня и ночи торгутское войско держало в осаде русскую крепость Кулагина. Небо, тяжелое и серое, лениво осыпало землю снегом. Каждое утро старики, подобные Хоочину, превращались в живые барометры: они вскидывали к высям свои иссеченные морщинами лица, жадно втягивали морозный воздух и подергивали костлявыми ногами — точно ревматические камертоны, настроенные на перемену погоды. Затем, торжественно покачивая седыми головами, они предрекали скорую и беспощадную метель.

Скудный провиант, припасенный воинами, делили бережно, с оглядкой на завтрашний день. Вечно голодные собаки рыскали по заснеженной степи, кружа у стен крепости в поисках хоть каких-то объедков. Стоило воину отойти от товарищей, как псы тут же трусили следом, выжидая с пугающим, почтительным терпением, пока человек присядет по нужде. Коренастые лошади, томимые жаждой, жевали снег, превращая его в ледяную кашицу, которая медленно стекала по их коротким глоткам. Лишь изредка тишину нарушал сухой грохот дульнозарядных ружей — воины палили по наглым стаям ворон, слетавшихся на запах смерти. В остальное же время над округой царило гнетущее безмолвие. Защитники крепости неусыпно охраняли стены, отгоняя голодных псов снежками и не сводя глаз с осаждающих.

Весь день торгуты сновали вдоль дальнего края поляны. Порой группа всадников срывалась с места, уносясь к восточной равнине, пока их силуэты окончательно не таяли в морозной дымке. Сделав широкий круг, они поворачивали на север, пересекали заброшенную Оренбургскую дорогу и возвращались вдоль реки стремительной рысью. Глухой звон льда под копытами тонул в глубоком снегу, а, выныривая на берег ниже крепости, всадники оглашали окрестности таким яростным кличем, будто успели обогнуть весь земной шар. Другие же отряды уходили в чащу. Там, среди мрачных безмолвных деревьев, они постоянно вздрагивали, когда с внезапно прогнувшихся ветвей срывались тяжелые снежные комья. Всадники перекликались, пытались подбодрить друг друга в этом ледяном плену, и в звенящем морозном воздухе разносился мерный, тревожный стук топоров.

Днем, пока ночные дозорные отсыпались, костры поддерживали лишь в состоянии тлеющих углей. Но рядом уже высились груды дров — запас для тех яростных, трескучих огней, в которых воины так нуждались с наступлением темноты. Стоило сумеркам опуститься на степь, как вокруг крепости вспыхивало огненное кольцо, окрашивая багрянцем завихрения снежной пыли. Люди, сбившись в кучные группы, точно рой насекомых, теснились у пламени, отбрасывая на дымную пелену причудливые, исполинские тени.

Однажды ночью Убаши, подобно остальным старейшинам, развел отдельный костер и пригласил к себе молодых воинов, в числе которых был и Субэдэй, чтобы разделить с ними чай и неспешную беседу.

Над огнем благоухал массивный медный котел, исходивший густым, пряным паром. Когда чай остыл ровно настолько, чтобы его можно было пить, не обжигаясь, котел пустили по кругу.

Арак был хорош, но этот чай казался настоящим даром. Это был не привычный плиточный напиток, которым довольствовались большинство — горькое, мутное варево, сдобренное разбухшим просом. Чай Убаши отличался тонким маслянистым ароматом; казалось, он извлек его из самой ледяной чистоты снега, таявшего в котле белой пеной. Это была редкая, изысканная смесь листьев, привезенная с лучших плантаций далекого Китая.

Воины бережно передавали друг другу тяжелый котел, с причмокиванием потягивая ароматный напиток. Завязалась беседа: молодые люди почтительно внимали старшим, и особенно Убаши, пребывавшему нынче в на редкость благодушном и разговорчивом настроении.

Речь зашла об истоках их народа. Хоочин, задумчиво почесывая редкую бородку, неспешно поведал древнюю киргизскую легенду о рыжей собаке и сорока девах с берегов Иссык-Куля.

- Так и повелась порода киргизских собак, — прокряхтел старик, оглядывая притихший круг.

Убаши едва заметно улыбнулся:

- Это всего лишь сказки. В подобных вопросах мы опираемся на труды мудрейших. Вероятно, все мы вышли из одного корня в начале времен — подобно тому, как в одной семье один сын растет в теле, а другой иссыхает от худобы. Но если говорить об истоках нашего народа, то ответы следует искать в «Джангариаде», которую мы впитали с молоком матери, да в летописях зайсанга Сетцена и иных почтенных мужей.

Он умолк. С почтением склонив голову перед старшими, Убаши потянулся к медному котлу. Воины, знавшие, что его познания почти равны ламаистским, попросили его продолжить, но он, с тонкой, притворной скромностью, перевел взгляд на Чокту.

- Мое знание — лишь капля в море, — произнес он. — Есть те, чья мудрость глубже. Чокту ведомо многое — пусть же он и откроет нам истину

Зайсанг Чокту слыл человеком мягкого нрава, однако за этой мягкостью скрывалась сталь отважного воина и пыл неутомимого странника, чья жажда знаний не знала границ. Будучи по матери племянником великого Галдан Церена, он унаследовал через свою мать библиотеку последнего джунгарского хана — собрание столь внушительное, что, по преданию, для его перевозки требовалось не менее двух сотен верблюдов. После смерти Галдан Церена в 1745 году, еще юношей, Чокту покинул родные края и с этим бесценным грузом, в сопровождении двухсот кибиток, примкнул к волжским торгутам. Он был Дархан Зайсангом — человеком знатного рода и непререкаемого авторитета. Его имя, внесенное в Монгольскую перепись, составленную согласно Уложению 1640 года, числилось в списках князей из дома Чингисхана, а слава о нем дошла даже до Пекинского альманаха.

Сейчас же он откинулся на спину и прикрыл глаза, вглядываясь в пляшущие блики огня. Воины вокруг притихли, подавшись вперед, готовые ловить каждое его слово.

- В начале времен, — заговорил Чокту, и голос его, тихий и размеренный, казалось, доносился из самой глубины веков, — был лишь монгольский народ, населявший бескрайние равнины, долины и горы Азии. Мы были народом пастухов, и в том было высшее предназначение. Разве не для нас снега превращались в чистейшие воды, а травы становились высоки и сладки для стад? Но мы были воинами — и в том воля небес. По окраинам мира, словно сорная трава, ютились враждебные племена, оскверняя наши земли и наши воды. И стало ясно: сама судьба посеяла их там, чтобы, подобно точильному камню, они не давали нашему духу затупиться, закаляя его в вечной, неугасимой силе.

Чокту продолжал свое повествование о племенных распрях среди монголов и о великом хане всех народов — могущественном правителе из племени керейтов или торгутов Тогруле (1), более известном под титулом Ван-Хан, которого европейцы знали как пресвитера Иоанна. Легенда гласила, что Ван Хан воздвиг златоглавый город Кара-Кун, и однажды в его роскошный дворец прибыл незнатный вождь с севера — человек по имени Темуджин.

- Ах! — благоговейный вздох пронесся над кругом, стоило Чокту произнести это чарующее имя.

Белые хлопья снега, словно мотыльки, опускались на головы и меховые одежды воинов, сгорая, как хрупкие крылья, в живом пламени костра. Слушатели завороченно замерли, забыв о холоде и остывающем чае. Они боялись даже пошевелиться, опасаясь спугнуть слова, что срывались с уст Чокту, подобно диковинным птицам, прилетевшим из далеких времен и забытых земель.

Чокту продолжал свое сказание. Он поведал о том, как Ван-хан подружился с Тэмуджином и помог ему отвоевать родные земли у враждующих северных племен — халха-монголов. Рассказал он и о том, как самого Ван-хана настигла беда, и в отчаянии тот обратился к Тэмуджину. Тогрул пообещал молодому вождю руку своей младшей дочери, и Тэмуджин, сдержав слово, помог Ван-хану вернуть его земли и народ. Однако вскоре и самого Тэмуджина окружили вражеские племена, и он отправил Ван-хану мольбу о помощи.

Чокту процитировал знаменитое послание Тэмуджина к Тогрулу:

«Разве ты не помнишь, о хан, отец мой, как ты пришел ко мне в беде? Твое тело проглядывало сквозь лохмотья, как солнце сквозь рваные облака, и ты был измучен голодом. Разве не я напал тогда на тех, кто посмел тебя обидеть? Ты пришел ко мне изможденным — и всего через полмесяца вновь стал полон сил и могущества».

Ван-хан, продолжал Чокту, так и не откликнулся на мольбу своего названного сына. Но Тэмуджин, словно сталь, закаленная в горниле испытаний, стал лишь сильнее прежнего. Жажда почестей от Тогрула и желание породниться с его домом не угасли в сердце вождя, однако в этом ему было отказано, ибо Тогрул страшился стремительно растущей мощи молодого правителя Севера. И тогда, обуреваемый гневом, Тэмуджин обрушился на юг, сокрушив самого Ван-хана, его сыновей, жен и наложниц, пощадив лишь младшую дочь. От нее, поведал Чокту, завоеватель Тэмуджин породил предков дома Убаши-хна и нашего собственного рода (2). С ней он долго предавался утехам в золотых покоях Кара-Куна.

Но однажды, промолвил Чокту, с краев света пришла весть, что зло вновь подняло голову, и Тэмуджин пробудился. Он взревел, подобно раненому льву, и обратил в прах развращенный золотой город. Пятнадцать лет он преследовал и истреблял врагов, пока их число не достигло тридцати трех миллионов. Он стирал с лица земли пыльные города, возвращая просторы во власть травы и солнца. Он установил незыблемый мир, правил мудро и оставил после себя Великую Ясу (3) — кость народа.

- Таким образом, Тогрул стал первым ханом нашего народа. А отцом всех наших ханов и князей был Тэмуджин — великий Хаган, грозный Чингис, чей лик сиял ярко, как солнце.

На мгновение воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным потрескиванием огня да тихим шипением тающего снега. Субэдэй негромко кашлянул и, подавшись вперед, почтительно произнес:

- Любопытно Эта история поразительно напоминает легенду о Гэсэре Богдо хане, которую мы слышали прошлой ночью. Кто из мудрых просветит меня: не об одних ли героях идет речь?

Убаши, выпуская густые клубы дыма из трубки, задумчиво ответил:

- Вполне вероятно. Ведь история — это лишь легенда, которую хранят жрецы и князья, а легенда — это уже достояние самого народа. Так уж повелось, что о великом Чингисхане, как и о других властителях, сложено немало историй, не приносящих пользы людям. Поэтому народ в своих преданиях бережно хранит лишь то, что ему по душе.

- Или, если угодно, — проворчал Темуру, — в легендах остается лишь то, что народ жаждет видеть.

- И всё же в Тэмуджине было немало величия, — заметил Убаши, — хотя его потомкам, увы, до недавних времен этого не доставало.

Мужчины одобрительно загудели, устраиваясь поудобнее вокруг костра. Кто-то, опираясь на локти и надвинув шапки на глаза, тянул дымящиеся сапоги к теплу. Другие сидели, скрестив ноги и лениво попыхивая трубками; их головные уборы были откинута назад, и свет костра, игравший на их лбах, казался самой мыслью, пробивающейся сквозь кожу и кость.

Чокту возобновил свой сказ. Он говорил о Чагатае и Угэдэе, сыновьях Чингисхана, и о его внуках — Хулагу и Хубилае. Но затем, как и предрекал сам Хаган, среди потомков Тэмуджина началось вырождение.

- Так Яса, Великая Кость, была предана забвению, и народ утратил свой стержень, — произнес Чокту. — Подобно тому, как земля теряет очертания, когда забыта дождем, и песчинки в беспомощной воле ветра разлетаются кто куда.

Потомки Чингисхана были изгнаны из Китая. Они отступили в пределы Монголии, где племена долгие годы терзали друг друга междоусобными войнами — до тех пор, пока не пришло время Батура. Этот правитель, ставший первым великим джунгаром со времен Ван-хана, по крови был потомком Темуджина и дочери Тогрула (4). Ему удалось сплотить под своей рукой почти все монгольские народы, за исключением северных племен — халха-монголов.

- Всё это свершилось согласно Уложению 1640 года (5), — продолжал Чокту, — нашему Бичигу, Священной Книге, что пришла на смену Ясе. Ее законы, быть может, не столь суровы, как предписания Великой Кости, зато куда более отвечают духу времени.

Чокту поведал, как примерно в ту же эпоху маньчжурские племена покорили Китай, действуя при преемстве нынешнего хана. Тот маньчжурский владыка, преследуя политические цели, стравил северных монголов с их собратьями из Ойратской, или Народной, Конфедерации. И всё же, вопреки козням, власть джунгар распространилась необычайно широко — подобного могущества этот край не знал никогда. Один из внуков Батура покорил Тибет и возвысил Далай-ламу «Желтых шапок» над ламами «Красных шапок», погрязших в коррупции.

- Наша джунгарская власть простиралась до самых ворот Пекина, — с гордостью произнес Чокту. — Это было в мою молодость, я сам был свидетелем

Другой внук Батура, Цэван Рабдан, человек выдающегося ума и железной воли, стал отцом величайшего из джунгарских правителей — Галдан-Церена. Под его властью племена и народы Центральной Азии — от Хоканда и Самарканда до Ташкента — вновь сплотились в мощную державу, подобную той, что когда-то воздвиг Темуджин.

Он устремил взгляд в пламя костра и замолчал, погружившись в воспоминания. После долгой паузы Чокту поведал, как юношей сопровождал Галдана в походе на маньчжурскую крепость. Но победный марш прервали тревожные вести: в родных землях вспыхнула смута. Войску пришлось спешно отступить и вернуться домой. Галдан, проявив решительность, быстро подавил раздор, возникший между его внуком Амурсаной и правителем Тибета, доводившимся ему племянником. Однако вскоре на горизонте показались знамена китайской армии, посланной молодым маньчжурским императором Цяньлунем — нынешним владыкой Поднебесной, как пояснил Чокту. Галдан в пух и прах разбил эти войска, рассеяв их как пыль. Но когда казалось, что судьба вновь благоволит империи, великий джунгар нелепо погиб в стычке с халха-монголами — из-за пустяковой ссоры, ставшей роковой для всего народа.

- Это был подлинный конец, — с грустью произнес Чокту. — Китайский хан захватил нашу землю и посадил Амурсану на место ушедшего Галдана. Случилось это в 1745 году. Я не мог более оставаться на земле, подвластной чужому хану, такому как Цяньлунь, и потому пришел сюда, в Волжскую Орду.

- Я прекрасно помню день твоего прибытия, — улыбнулся Темуру. — Это было под Биш-Убой, в разгар летних скачек. Мы тогда были горячими юнцами и, едва слышали твой рассказ, тут же загорелись желанием двинуть на восток, чтобы бросить вызов маньчжурскому хану.

Субэдэй, выждав паузу, почтительно спросил:

- Но позвольте узнать, как же вышло, что наш народ оказался здесь, в России, когда нашим домом всегда была Джунгария?

- Тогда это еще не была Россия, — проворчал Темуру. — Точно так же, как Джунгария в старые времена не была Китаем.

- Да, но прежде чем наш народ пришел на Волгу, — возразил Убаши, — они сначала долго скитались в землях между Эмбой и Аральским морем. Именно туда мы сейчас и держим путь.

- Но почему мы все-таки покинули Джунгарию? — вновь спросил Субэдэй.

- Да из-за пастбищ! — воскликнул Темуру, нахмурившись. — Это единственная причина, по которой кочевник снимается с места, даже ребенку это ведомо!

- Но ведь на Волге у нас были отличные пастбища, — возразил Субэдэй. — Я был уверен, что мы ищем свободы.

- Так и есть, — подтвердил Убаши. — На Волге у нас была земля, но не было свободы. А в Джунгарии, в те времена, у наших предков не было пастбищ для всех — она была переполнена. А разве может быть свободен человек, чьим стадам негде пастись? И даже если человек свободен, но без стад, разве он действительно свободен?

- Так ты хочешь сказать, — перебил Хоочин, — что плохо, когда у людей есть собственные стада?

- Хорошо, когда стада есть у каждого, — ответил Убаши. — Но, если у других их нет, они не смогут долго оставаться свободными, ибо им придется гнуть спину на чужие стада.

- Или сражаться за них, — проворчал Темуру.

- То же самое и с землей, — продолжал Убаши, — которой никто не владеет. Когда-то наш народ владел всем сообща, и каждый — если не считать пленных чужеземных рабов — был по-настоящему свободен. Сегодня земля всё еще принадлежит нам всем, но кое-кто уже поговаривает о разделе, как когда-то разделили стада. Это дурной путь, на мой взгляд: человек, имеющий скот, но лишенный земли, неизбежно теряет свободу. Вспомни слова Кичинского: когда нам объявили, что наши пастбища принадлежат царице, мы оказались обложены тяжким налогом, и с тех пор наш народ перестал быть свободным.

- Но теперь, — возразил Субэдэй, — мы свободны.

- Свободны, но безземельны, — с сухой усмешкой поправил его Чокту. — Такова была наша судьба. Еще до нас народ наш под предводительством хана Хо-Орлука искал себе пристанище. Из Джунгарии они ушли в пределы Центральной Азии, где пастбищ всегда было в обрез. Там, еще со времен до Чингисхана, люди жили оседло, возводя города. Они распахивали степь, уничтожая траву, и разбивали большие сады везде, где проливался дождь, сажали вдоль рек и отводили воду на свои поля. Так реки истощались, бесследно исчезая, словно испуганный вздох, в раскаленной земле, где осели эти люди. Через те иссохшие края и прошел Хо-Орлук, ведя наш народ к пастбищам у Аральского моря. Позже к ним присоединились сородичи из далекой прародины, и вместе они двинулись к просторам Волги — туда, где когда-то возвышалась Золотая Орда. Но турки и крымские ханы истребили народ Орды, а русские стерли с лица земли Сарай.

- Теперь это место зовут Саратовом, — вставил Убаши. — Я сам видел там руины.

- На новых землях у Волги, — продолжал Чокту, — торгуты жили привольно, не раз одерживая верх над турками. Внука Хо-Орлука, великого хана Аюку, русский царь посещал как равного себе. И послы китайского хана являлись к нему, признавая в нем могущественного государя. Русские жаждали, чтобы торгуты воевали с турками и киргизами, а китайцы — чтобы народ Аюки обратил свое оружие против русских.

- Да, — голос Убаши прозвучал непривычно жестко, и с лица его окончательно сошла тень улыбки. — И тогда, и сейчас наш народ хотел лишь одного — мира и свободы на своей земле. Но аппетиты маньчжурского хана и русского царя растут, как и прежде, и вражда между ними не утихает. Мы зажаты в тиски, не в силах тягаться с двумя великими империями или принять их чуждый уклад. Мы ищем лишь клочок свободного пространства между ними, где смогли бы жить в мире и покое, ведя свои стада.

Мужчины одобрительно загудели, не отрывая взоров от потрескивающего костра, в котором с шипением таяли снежинки. Из черноты ночи, весь запорошенный в белой крупе, вынырнул часовой.

- Метель усиливается, — доложил он. — Ветер крепчает. Люди тревожатся: как бы не сгинуть в буране. Позвольте узнать ваши распоряжения?

Убаши поднял взгляд и провел ладонью по лицу, смахивая тающий снег с бровей.

- Время еще есть. Ждите рассвета, когда луна взойдет высоко.

Часовой, недоуменно почесав ухо, неуверенно покачал головой и отъехал.

«Луна... — с сомнением подумал он. — Какая луна может быть в снегу?»

Но, бросив взгляд вверх, замер в изумлении. В тяжелых облаках зияли огромные прорехи — бездонные пропасти, которые вдруг, словно сверкающие ледниковые трещины, озарились призрачным сиянием скрытого светила.

«О, как же мудр наш хан!» — пронеслось в голове у часового, и он, устыдившись своих сомнений, растворился в снежной пелене.

- Да, — нарушил молчание Темуру. — Иного пути нет. Чтобы обрести мир, мы должны принять бой.

- Так говорит Темуру, — произнес Убаши с мягкой улыбкой, за которой скрывался цепкий, пронизательный взгляд, — человек, который верит, что мир создан для сражений, а их он любит больше, чем кусок сочного мяса.

Рабдан, племянник Чокту, поднял глаза и тихо заметил:

- Быть может, та земля, которую мы ищем, — это родина наших предков, Джунгария? Она ведь ныне пустует.

Убаши резко вскинул руку.

- Джунгария — это могила нашего народа, - отрезал он. - Чокту, расскажи им, что стало с нашей родиной в горах Тянь-Шаня.

Чокту сплюнул в огонь и, глядя в пляшущие языки пламени, начал:

- Конец был предreshен еще со смертью Галдана Когда маньчжурский хан покорил наши земли, он посадил над нами Амурсану, неверного внука Галдана, хана-марионетку. Но стоило маньчжурским войскам отступить, как Амурсана, объединившись с князем Черенгом, бросил вызов китайскому хану. Русские сулили помощь, но она так и не пришла. А потом явились бесчисленные орды маньчжурских и китайских солдат. Они вырезали весь наш торгутский народ, живший в Джунгарии — стариков, женщин, матерей с младенцами, мужчин. Пятьсот тысяч душ... Кровь нашего народа окрасила реку Или, стекая с пастбищ Тянь-Шаня к самому озеру Балхаш. Никто не уцелел, лишь те, кто успел бежать. С тех пор наша страна стоит тихая и безжизненная, словно в тот самый день, когда Хан Тенгри впервые поднял наши горы и долины из вод мироздания.

Когда Чокту умолк, над лагерем воцарилась тяжелая тишина. Лишь изредка потрескивали угли — словно гневные мысли, да шипел на огне падающий снег, подобно самой горечи утрат. Суровые лица сидящих, опаленные пламенем, казались высеченными из камня.

- Такова, значит, Джунгария, — глухо произнес Убаши-хан. — Земля, опустевшая без нас, но переставшая быть нашей. Что ж, лучше ли нам влачить рабство под пятой китайского хана, чем быть крепостными русской царицы?

- Быть может, — Рабдан вскинул глаза, в которых отражалось неистовое пламя, — мы могли бы отвоевать наши пастбища? Вернуть то, что принадлежит нам по праву крови?

Убаши сухо усмехнулся:

- Нам придется сражаться за свободу и землю, где бы мы ее ни обрели. Возможно, она ждет нас у берегов Эмбы или близ Аральского моря — где-то между тем местом, где мы стоим, и нашей утраченной родиной. Но помните: нас много, а путь до Китая долог. Между нами и Джунгарией лежат выжженные пустыни, где нет ни капли воды, ни пучка травы. Мы должны найти приют для народа как можно скорее. Наш путь должен лежать в мире с дикими племенами, насколько это возможно. Не будем же ослепленными вождями, ведущими свой народ к несбыточной мечте лишь ради того, чтобы сгинуть в муках, ибо в пути наши страдания не

исчезнут. Мы не станем растрчивать жизни и силы в бессмысленных войнах на каждом переходе. Мы дойдем до тех пастбищ, что примут нас, и лишь тогда, если свобода потребует того, мы обнажим мечи и сразимся должным образом... А теперь, - сказал он, - в путь! Небо прояснилось, и луна освещает нам дорогу.

Мужчины поднялись, разминая затекшие от долгого сидения тела. Лишь Хоочин остался неподвижен; согбенный годами, он стоял с отрешенным лицом, словно вслушиваясь в шепот, недоступный остальным. Старик осторожно переставил сначала одну ногу, затем другую, напоминая неуклюжую куклу, и, постучав узловатыми пальцами по коленным чашечкам, замер. Озадаченное выражение на его лице медленно сменилось пугающим осознанием.

- Навдигается великая буря. Скоро небо обрушится ветром и снегом.

Но его слова потонули в суматохе.

Над лагерем прогремели трубы, и приказы разнеслись по огромному кольцу осады, охватившему форт вплоть до скованной льдом реки. Костры гасли один за другим, превращаясь из живого пламени в безжизненные, тусклые угли, мерцающие в холодном лунном свете, в котором стены форта и его безмолвные башни казались выкованными из застывшего серебра. Медная пушка, сверкающая в ночи, чье жерло жадно смотрело на Кулагину, была уже заботливо впряжена в четверку турецких лошадей. Один из солдат, тоскливо оглядываясь на крепость, приложил кремень к запальному отверстию и беззвучно выдохнул: «Бум!». Его товарищи лишь скупко рассмеялись, спешно укладывая неиспользованный порох и ядра, пока упряжка нетерпеливо взбивала копытами снег. Воины подтягивали подпруги и проверяли стремена, а те, кому не досталось седел, поправляли грубые одеяла и вожжи из сыромятной кожи. Привычно закинув за спину мушкету, торгуты замерли в готовности еще до того, как второй трубный зов прорезал морозную тишину.

Теперь войска заходили с севера широкой дугой, наращивая темп, пока в них вливались другие отряды. Собаки, до этого прятавшиеся от холода под брюхами лошадей у остывающих костров, с лаем и визгом вырвались вперед, как будто почуяв добычу. Этот порыв подхватили остальные войска, заслышав далеко впереди боевой клич «Я-боннах!» Он пронесся вдоль всей скачущей линии, заглушая собачий лай, прокатился вниз по восточной кромке темного, безмолвного леса и постепенно замер вдали. Вскоре крики и лай утонули в чаще за заснеженными деревьями, и лишь дрожь утоптанной земли на поляне, где еще мгновение назад кипела жизнь, выдавала их недавнее присутствие. Теперь же там остались лишь лунный свет и призрачные тени от облаков на снегу

Шесть тысяч воинов неслись сквозь лунную ночь, упиваясь скоростью и радостью движения. Но перед рассветом, как и предсказывал Хоочин, налетела метель. К утру мир скрылся за пеленой обжигающего ветра. Воины искали спасения в оврагах и за холмами, укрываясь от разбушевавшейся стихии. И люди, и лошади быстро покрылись коркой снега, застывавшего на одежде и шерсти причудливыми ледяными узорами. Шторм не утихал даже днем, и вскоре разговоры в пути смолкли: воины берегли силы, лишь изредка перекликались с соседними отрядами, чтобы не потерять друг друга в белой мгле.

Позже днем, когда тьма преждевременно опустилась на землю, а сквозь снежную пелену едва угадывались лишь смутные очертания прибрежного леса, Убаши отдал приказ остановиться. В тени деревьев по-прежнему царил пронизывающий холод, и ветер, подобно дикому зверю, с воем метался между черных стволов. Здесь снега было чуть меньше, и сама чернота лесных исполинов, казалось, даровала воздуху призрачную, почти осязаемую защиту.

Люди допили последние капли растопленного кирпичного чая с молоком. Убаши распорядился выдать остатки араки. Изголодавшиеся лошади и собаки тыкались мордами в обледенелые корни, тщетно пытаясь отыскать хоть клочок травы или мха. Но отдых был коротким: вскоре прозвучал новый приказ, и отряд вновь двинулся в путь, медленно, но упрямо пробираясь сквозь тьму по коварной земле, изрытой сугробами, камнями и оврагами.

Всю долгую вторую ночь каждый думал о своих близких – о детях, женах, друзьях, стариках-родителях, о стадах, оставшихся в ловушке этой безжалостной круговерти черного ветра и колючего снега. Ведомые отчаянной надеждой и неутолимой жадой поскорее найти орду, торгутские всадники гнали коней, не шадя ни их, ни себя.

Посреди ночи, словно из ниоткуда, по колонне пронесся приказ остановиться. Вокруг воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь утробным воем ветра; даже волки в эту ненастную ночь искали укрытие. Вдали вспыхнули искры, и несколько сальных факелов, бережно прикрытых от порывов бури, озарили округу тусклым, дрожащим светом. Вскоре среди томящихся в неизвестности воинов прокатилась волна шепота: они вышли на след – путь, по которому их народ уходил на восток. Когда отряд вновь тронулся вперед, под податливым слоем свежего снега каждый ощутил твердую, заледеневшую колею – немое свидетельство того, что орда прошла здесь совсем недавно.

Несмотря на слепящую метель, превращавшую ночь в непроглядную мглу, всадники напряженно вглядывались в темноту. Они искали признаки жизни: очертания палаток, силуэты повозок или массивные, сбившиеся в кучу тени стад. Сквозь неистовый гул ветра люди изо всех сил пытались уловить глухое мычание коров или тревожное блеяние овец, жадно втягивали морозный воздух в надежде почуять едва уловимый запах дыма, принесенного с востока...

Рассвет медленно просачивался сквозь тьму, окаймляя ее серебром. С тяжелым сердцем воины начали находить следы беды, погребенные под снегом: обломки телег, разорванные ветром остовы кибиток, покрытых мягкими снежными складками, покореженные сундукт. А, дальше, в ледяной пустыне, застыли два десятка голов скота – белые изваяния, утопающие по брюхо в сугробах. И здесь же, прямо под ногами, с пугающей ясностью проступали окоченевшие тела их соплеменников.

След скорби и смерти, едва прикрытый саваном снега, тянулся вперед бесконечной чередой. Торгутский отряд, возвращавшийся из Кулагинной, где навсегда остались их мечты о славе, пробивался сквозь яростную метель. Всадники ехали молча, склонив головы и плотно сжав побелевшие губы. Ветер выл, принося холод из неведомых уголков земли, а снежные хлопья неслись навстречу, словно легионы самой смерти.

(1) В книге написано Tului. Это ошибка или опечатка, так как Тулуй или Толуй – это младший сын Чингисхана и Борте. (2) Среди жен Чингисхана не было дочери Ван-хана. Не Чингисхан, а его сын Толуй был женат на Сорхахтани, но она была не дочерью, а племянницей Ван-хана. Однако род Убаши-хана не имеет прямого происхождения от Сорхахтани и Толуя. Их связь — это результат путаницы в исторических линиях или ошибочных предположений. (3) Свод законов Монгольской империи. (4) Основатель Джунгарского ханства Эрдэни-Батур не был прямым потомком Чингисхана. (5) Степное уложение (Ик Цаажин Бичг, «Великий Кодекс Законов») — ойрато-монгольский свод законов XVII века, принятый в 1640 году.

Глава 9.

До того, как разразилась метель, торгутская орда неуклонно продвигалась вперед, изо дня в день покрывая огромные расстояния.

Принц Бамбар, принявший командование переселением в отсутствие хана, был встревожен: на пути орды то и дело попадались следы неведомых всадников. Он не сомневался, что где-то на юге затаился крупный казачий отряд. Однако Цебек и Шеаренг не разделяли его опасений. Напротив, они настаивали на том, чтобы сбавить темп, напоминая, что Убаши всё еще занят осадой Кулагиной.

За рекой Яик в народе зародился ропот, и люди начали отставать. Оказавшись вне досягаемости русских крепостей, многие решили, что теперь можно позволить себе передышку. Совет Цебека — о котором, вопреки осторожности, вскоре узнали все — казался людям мудрым и человечным. Изможденные, голодные и продрогшие, они из последних сил волочились по степи. Каждый день изнурительные переходы стоили жизни десяткам стариков, детей и обессиленного скота. Народ начал отставать. Негодование против упрямой спешки Бамбара росло с каждым часом.

Но тот оставался непреклонен. Он верил: если земля за Эмбой — это единственный шанс его народа на спасение, то нужно спешить, пока небо еще хранит ясность, а степь позволяет двигаться дальше.

Каждое утро, задолго до рассвета, над лагерем гремели трубы, и ламы возносили молитвы грядущему солнцу. Когда же над заснеженной равниной наконец вставало бледное, холодное светило, степь до самого горизонта казалась огромным застывшим морем. Лишь редкие порывы ветра едва касались ледяных волн, по которым брели обездоленные путники. Люди роптали, видя в этой бесконечной монотонности пути подтверждение своей безопасности, но Бамбар, в тревожном ожидании полнолуния, с каждым днем всё дольше откладывал привал, заставляя орду идти до глубокой ночи.

Огромная тройная колонна повозок, людей и скота снова растянулась почти на шестьдесят верст — от передовых отрядов под командованием Момотубаша до самого арьергарда, где следовал принц. Как бы ни пытались изможденные люди замедлить ход, арьергард неумолимо подгонял отстающие хошуны и аймаки. Бамбар не давал сигнала к остановке до тех пор, пока сам не достигал места, где еще вчера ночевал авангард Момотубаша.

Так, вопреки недовольству и усталости, торгутская орда ежедневно преодолевала расстояние, равное своей собственной длине.

Четыре дня после переправы через Яик миновали спокойно, без происшествий. Но на пятый день, словно в назидание о необходимости спешки и грозное напоминание о том, как опасно терять бдительность, на крайнем южном фланге орды внезапно показался крупный казачий отряд.

То были те самые казаки, чей путь торгуты пересекли еще к западу от Яика. Отряд под началом старшины Митрасова покинул Кулагину, держа путь к зимним рыбным промыслам на Каспии, однако, как и предвидел Бамбар, они не расстались с ордой, а пошли параллельным курсом. Вероятно, их привлекли гигантские столбы снежной пыли, поднятые бесконечным движением кочевников. Так или иначе, две тысячи казаков несколько дней скрытно следовали за южным флангом Цебека. Митрасов, осознавая истинный масштаб торгутского исхода, не решался бросить вызов такой громаде, имея под рукой лишь две тысячи сабель. Однако он не спускал глаз с добычи, и когда два небольших улуса — Ека Жухор и Эркет, ведомые мелкими князьями Ассарко и Маши, — отстали от основных сил, казаки не преминули воспользоваться моментом.

Настоящего боя не вышло: лишь несколько разведчиков Цебека стали свидетелями того, как улусы попали в плен. В смятении они бросились к своему предводителю, но Цебек лишь равнодушно пожал плечами: мол, поздно уже, ничего не поделаешь. Дескать, Убаши-хан заповедал орде мирное шествие, да и к тому же эти два улуса с самого начала не выказывали особого рвения к великому переселению.

Вскоре по лагерю поползли слухи: поговаривали, будто Ассарко и Маши сами ждали появления казаков, надеясь, что Митрасов поможет им вернуться в родные волжские степи. Впрочем, большинство торгутов были уверены в ином: два улуса просто поплатились за собственную медлительность и беспечность.

Теперь, объятые общей тревогой, торгуты сами рвались к Эмбе, не нуждаясь больше в суровых понуканиях Бамбара. Орда, забыв о ропоте, сутками двигалась вперед ровным, тяжелым маршем. Их подгоняло чувство безопасности, окончательно растоптанное близостью царских войск. В сердцах теплилась упрямая надежда: Эмба станет спасением от голода, усталости и дыхания смерти, что следовала по пятам.

Каждое утро всё больше людей оставалось лежать бездыханными в снегу — безмолвные свидетели долгого пути, брошенные рядом с павшими животными среди разбитых телег и пожитков: тяжелых сундуков, дорогих праздничных котлов — всего того, что приходилось оставлять, чтобы облегчить ношу измученным коням и верблюдам. С каждым рассветом казалось, что сдвинуть обоз с места — задача выше человеческих сил. Даже телеги будто страдали от бесконечной дороги: деревянные колеса вязли в снегу, а оси стонали и скрипели, вторя затевающим суставам обессиленных людей и животных. Но, вопреки всему, еще до первых проблесков зари орда вновь упрямо продолжала свой путь на восток.

На пятнадцатый день скитаний пошел снег. Сначала легкий, почти праздничный, он казался долгожданным гостем в монотонном однообразии этих дней.

В воздухе разлилось предчувствие близкой Эмбы. Лица людей, прежде серые от изнеможения, вдруг оживились. Казалось, самый тяжкий отрезок пути позади, и цель уже маячила где-то рядом — это витало в самом морозном воздухе. Подумать только: невероятно быстро, менее чем за пятнадцать дней, они преодолели семьсот пятьдесят верст, оставив за спиной родные волжские земли. Все взгляды были устремлены вперед, люди вглядывались в снежную пелену, пытаясь разглядеть за ней обещанный край. То тут, то там слышались смех, обрывки оживленных разговоров и даже забытые песни. Казалось, и животные тоже почувствовали этот прилив сил, резвясь и лова на лету крупные, пушистые хлопья снега.

Но небо внезапно померкло. Пронизывающий ветер ворвался в степь, сначала с северо-запада, ударив путникам в спины колючими потоками снега. Какое-то время они еще пытались двигаться вперед, но вскоре ветер, взметнув яростную снежную бурю, начал метаться из стороны в сторону, закручивая над бескрайней степью густой, непроглядный буран.

Эмба, которую все ждали как великий рубеж, оказалась пройдена почти незаметно. В верховьях река предстала широким, обмелевшим водоемом с пологими берегами, где лишь редкие чахлые ивы, словно зловещие птицы, в полумраке поджимали оледеневшие крылья-ветви под тяжестью снега. Только изредка, там, где лед был тонок, глухой гул шагов под ногами возвещал торгутам, что река, наконец, осталась позади.

Они шли недолго: с приходом темноты ярость бурана стала неумолимой.

В ревущей снежной мгле аймаки теряли друг друга. Повозки сталкивались, обессиленные животные проваливались в сугробы, и в хаосе воцарилось отчаяние. Где-то между истоками Эмбы, Аральским морем и Мугаджарскими холмами Уральского водораздела торгутская орда, объятая смятением, замерла. Оказавшись в ледяном плену на огромном пространстве почти на триста квадратных верст, люди и скот тонули в метели, а степь оглашалась лишь стонами умирающих и треском ломающихся под порывами ветра повозок.

Большинство стариков оставались сидеть на телегах и в седлах — там, где их настигла непогода. Укрытые толстым саваном снега, они лишь сонно кивали, скованные ледяным оцепенением. Из-под заиндевевших ресниц они наблюдали за крепкими мужчинами и старшими детьми, приглядывавшими за скотом, чьи фигуры, призрачные и расплывчатые, тонули в белесой мгле. Никто не роптал: таков был неписанный закон степи. Скот — источник жизни — стоял превыше всего, за ним следовали дети — продолжатели рода, и лишь потом — старики, окруженные вековым почтением. Так тянулось из поколения в поколение, и они терпеливо ждали в полудреме, когда в неистовстве метели вспыхнут долгожданные костры и орда разобьет лагерь.

Но бабушка не собиралась сидеть сложа руки.

Превозмогая неимоверную усталость и боль в застывших от холода суставах, она соскользнула с повозки. Ее скот, ее овцы — в них была вся ее жизнь, и они требовали заботы. В последних, едва теплящихся лучах угасающего дня они вместе с Тенеком принялись сбивать животных в плотное кольцо вокруг повозок. Коровы жалобно мычали, а овцы, пряча лысые морды от колючей снежной крупы, блеяли в унисон, вторя вою бурана. От Тенека, с его бестолковой суетой, прыжками и причитаниями, проку было мало, но в этом ледяном аду бабушка была рада даже его присутствию, не позволявшему ей окончательно провалиться в смертный сон.

Снег безжалостно хлестал по лицу, забивался под рукавицы и рукава; там, от тепла тела, он таял и превращался в ледяную воду, оставляя на воспаленных, узловатых запястьях мучительное ощущение холода и жгущего саднения.

Когда они с Тенеком попытались натянуть палатку между повозками, ветер, словно живой хищник, вырвал ее из рук. Тяжелая ткань взметнулась над овечьими головами и бешено захлопала, раздуваясь парусом, готовая в любую секунду исчезнуть в снежной бездне. Еще миг — и укрытие было бы потеряно навсегда. Но в этот момент сквозь ревущую мглу пробились Елден и Мерген. К счастью, им удалось перехватить улетающее полотнище. Мужчины помогли бабушке укротить непокорную ткань и надежно закрепить ее, превращая клочок пространства в подобие уютного убежища. Елден даже вытащил с повозки циновку и, плотно прижав ее к снегу, постелил под укрытие. Тяжело дыша, они присели на корточки, чтобы хоть ненадолго укрыться от яростного дыхания степи.

- Что за буря! Суший ад! - воскликнул Мерген, пытаясь перекричать ветер. - Ни зги не видно!

- Снег прямо в легкие забивает, — отозвался взволнованный Елден. — Всё вверх дном: повозки разбиты, ничего не разобрать. А тут еще темнеет, как ночью. Видел? Чьи-то овцы мимо пронеслись...

- Мой конь одну зацепил, — мрачно бросил Мерген. — Едва ногу не сломал.

Елден поежился:

- А та, другая... Видел бы ты эту овцу! Лежала в снегу, вопила, вся в крови. Собаки накинулись на нее, рвали еще живую... Жуть.

- И люди, — тихо добавил Мерген. — Я троих видел. Замерзли насмерть.

Елден безнадежно махнул рукой:

- Всё пропало.

- Да ну, брось ты! — возразил Мерген. — Мы перебрались через Эмбу — уже победа. Всё как-нибудь устроится. — Он повернулся к старушке: — Бабушка, Гедесу велел вам переночевать у Гашун.

Та насторожилась, в голосе прорезалась резкость:

- А что с ним?

Мерген криво усмехнулся:

- Он там, впереди. Занят важными делами: ведет переговоры с Цебеком и прочими «шишками». Объявил себя временным сайсангом, представляете? И теперь, видите ли, негоже ему возвращаться домой в такую бурю.

- А мне негоже в такую бурю Гашун искать, — отрезала бабушка. — Целый день ее не видела. Пусть сам расхлебывает свои дела.

- Ну, он просил передать, — пожал плечами Мерген.

Елден, не унимаясь, перебил:

- А мою семью? Жену и скотину мою не видели?

Бабушка, смягчившись, кивнула куда-то в сторону:

- Твои вон там, чуть левее. А ты, Мерген, не будь дураком. В такую погоду хоть до расвета рыскай — Гашун не найдешь. Ступай лучше помоги Елдену, да у него и оставайся.

Мерген хмыкнул, глядя, как мир тонет в кромешной тьме:

- Ну, смотрите, потом не говорите, что я не пытался. Пошли, Елден. Пока еще хоть что-то видно.

Ветер крепчал, заставляя повозки жалобно скрипеть и раскачиваться под ледяным дыханием ночи. Он яростно трепал палатки, и его неистовый вой заглушал и мычание скота, и оклики мужчин, возвращавшихся из дозоров, — таких, как Мерген и Елден. Последние отблески дня окончательно утонули в густой тьме. В кружащей снежной пелене всадники двигались на ощупь, спотыкаясь о брошенный скарб и тщетно пытались отыскать в хаосе своих жен и стада. Ночь была слишком темна и неистова, и многие, теряя последние силы, сдавались на милость стихии и отправлялись на поиски хоть какого-нибудь укрытия. Следуя древнему обычаю, в таких ситуациях мужчины без колебаний протягивали руку помощи чужим женщинам, а взамен с благодарностью принимали приют под теплыми, уютными пологами их палаток, чтобы переждать бурю бок о бок с этими случайными незнакомками.

В эту ночь Гашун делила ложе с Васильевым.

Уже давно она то одаривала русского пленника улыбкой, то осыпала колкостями. В последнее время у нее появилась привычка не расставаться с кнутом, закрепив его на запястье — жест, подсмотренный у Субэдэя и перенятый ею с нескрываемым восхищением. Днем Гашун без устали хлестала Васильева своими упреками и взмахами кнута. А по ночам, пока Гедесу шумно жевал и чавкал внутри палатки, Гашун привязывала казака к сиденью телеги, и ее руки начинали свой медленный, дразнящий путь по его телу. Она упивалась своей властью над ним: стоило ей ощутить под пальцами его нетерпеливую дрожь, как на ее губах расцветала торжествующая, почти хищная улыбка. В такие мгновения Гашун с нервным смешком слегка хлестала его кнутом и возвращалась к Гедесу

В ту ночь, когда приготовления к буре были завершены, она застыла в снежном вихре. Кнут безвольно болтался на запястье, а тонкие губы скривились в болезненной усмешке. Вцепившись одной рукой в полог палатки, Гашун не сводила глаз с Васильева — того самого, которого в запале забыла связать. Но стоило ему сделать шаг, как она, очнувшись, с яростью обрушила на него удары. Он стоял неподвижно, позволяя снегу обжигать его лицо, и вдруг рассмеялся. Кнут бессильно хлестал по изношенному пальто, лишь откалывая ледяную корку. Наконец, выбившись из сил, она замерла, судорожно хватая ртом ледяной воздух. Ее лицо исказила гримаса муки. Васильев, смеясь, вырвал кнут из ее руки, рывком втащил ее внутрь палатки и в густой темноте повалил на землю.

Снаружи неистовствовала метель: белые хлопья кружились в объятиях черного ветра.

Когда всё было кончено, Васильев с отвращением оттолкнул женщину. Лежа в темноте, он чувствовал, как к горлу подступает тошнота; слух резали вой бури и крики животных, брошенных на съедение стихии.

«Как я мог?» — пронеслось в голове.

Он сплюнул в сторону Гашун, но та даже не шелохнулась. Она лишь глухо всхлипывала, откнувшись лицом в остывшую, подернутую инеем циновку. Васильев равнодушно пожал плечами. В бурю любая хижина — спасение, в пустыне — любой источник воды. В тишине его мысли вновь вернулись к горькому повороту судьбы.

Воспоминания всплывали в памяти, словно кадры из чужой, почти забытой жизни: горячий чай, приятный звон монет в день получки, обжигающая водка в Царицыне или Сарепте во время редких увольнительных, летняя встреча с немецкой девушкой под необъятным звездным куполом. Всплывали даже утренние плац-парады в морозный день и показательные маневры недалеко от торгутских улусов под Дженатом, призванные продемонстрировать им мощь царицы. Полугодовые ярмарки, тянувшиеся вдоль всей Волги весной и осенью. Какая, оказывается, прекрасная жизнь была! А теперь всё это осталось в прошлом.

В тесном пространстве палатки воздух стал тяжелым, пропитанным кислым запахом пота, исходящим от их тел, запертых в слоях грязной одежды. Стены палатки, прогнувшись под тяжестью снега, казались готовыми рухнуть в любую секунду. Снаружи неистово выл ветер.

Васильев застонал — тоска острым клинком вонзилась в сердце. Пленник Пленник варваров, как он презрительно называл их про себя. Затерянный в ледяной глуши, где-то к северу от Аральского моря. Раб жирного торгута. Да что там раб — племенной жеребец для его рыхлой женушки! — с горьким отвращением подумал он.

- Ах, Матушка-Заступница Петербургская, — прошептал он едва слышно. — Спаси помощи вернуться домой

Но метель лишь яростнее завывала в ночи, безжалостно хороня любые надежды.

- Эх, да никому нет дела до меня, — пробормотал Васильев в пустоту, — Царица сейчас в тепле дворцов, у петербургской печки, веером кокетливо обмахивается, французским мороженым лакомится, да слушает заезжих немцев - скрипачей да трубачей. А я здесь один. Забыт.

Перед глазами поплыли лица русских офицеров — пьяные, надменные, чья жестокость стала законом. Немудрено, что торгуты бежали! Да и с казаками обходились не лучше. В памяти всплыл Пугачев — солдат из крепости, что однажды дезертировал и укрылся в доме у венгерки. А следом — ярость Бекетова, губернатора, ворвавшегося в гарнизон, как смерч.

- Где этот мошенник, Пугачев?! — взревел он, багровея лицом. — Десять плетей ему положено? Поймать и всыпать сотню! Что за французская чушь - "все люди равны"! Капитан Дудин сказывал, во Франции за такие мысли в тюрьму сажают! Дайте им равный вкус плети - вот это будет справедливо и честно! Куда катится этот мир?!

Васильев глубоко вздохнул, погружаясь в омут воспоминаний. В памяти всплыл тот вечер в доме венгерки и лицо Пугачева, горевшее фанатичным блеском.

«Что бы ни случилось с этим миром, — подумал он, — это будет лучше. Все лучше, чем нынешний смрад!»

У Пугачева был план — дерзкий, безумный, пропитанный опасностью. Он тайно колесил по стране, сея в сердцах сельских жителей семена мятежа.

«Почему бы одному из нас не стать царем? — говорил он тогда. — Царем солдат и крестьян!»

Сердце Васильева сжалось от этого воспоминания.

«Ах, если бы торгуты не ушли в степь! Мы могли бы примкнуть к ним и сражаться плечом к плечу, воплощая в жизнь мечту Пугачева!»

Снаружи неистово выл ветер, вторя беззвучным рыданиям женщины, что лежала рядом. Васильев беспокойно заворочался; мысль о побеге, словно наваждение, потянула его к пологу палатки. Что угодно — лишь бы вырваться из этого плена! Но стоило высунуть голову наружу, как метель яростно ударила ему в лицо ледяной крупой, швырнув его обратно на циновку. Он невольно прижался к Гашун, с радостью найдя спасение в ее тепле.

В палатке вновь сгустился душный, спертый воздух, пропитанный тяжелым, кислым запахом пота и безнадежности.

Ночью лай собак снаружи заставил Васильева насторожиться. Ему почудилось, будто кто-то пробирается сквозь глубокий снег, но воцарившаяся вскоре тишина заставила его усомниться в услышанном. Однако мгновение спустя, неловко шевельнув ногой, он вдруг нащупал в темноте большой кувшин араки, которого раньше здесь не было. Нежданный дар, возникший из ниоткуда!

С опаской приняв хавшись, Васильев так и не смог понять, откуда взялось это подношение, и кто его оставил. Пожав плечами, он сделал большой глоток И мир в одночасье заиграл новыми красками.

Кисловатый запах Гашун вновь пробудил в нем желание. Перед глазами замелькали образы: льняные волосы и алебастровая кожа немецкой девушки из Сарепты, плавные изгибы венгерки, «швеи по профессии», чей домик ютился под самыми стенами форта. Может, удача наконец улыбнется ему? Или он слишком торопит события? Возможно, с возвращением Субэдэя из Кулагиной всё изменится к лучшему. А пока он здесь — в теплом чреве палатки, с избытком араки и женой своего похитителя

Он грубо сжал ее плечо. В ответ женщина яростно зарычала и плюнула ему в лицо.

«Что ж, — промелькнуло в его затуманенном сознании, — похоже, я вызываю у нее не больше симпатии, чем она у меня».

Он усмехнулся и протянул ей кувшин. Острые пары обжигающего напитка лишь сгустили тяжелый воздух в палатке. Васильев, вновь вызывая в памяти обрывочные образы немецкой девушки и венгерки, притянул Гашун к себе. С циничным любопытством он гадал: какие картины рисует ее воображение теперь, когда она ответила на его настойчивость? Они лежали на холодной циновке в объятиях друг друга, плотно сомкнув веки, каждый оберегая свои сокровенные образы — столько далекие и желанные. Казалось, каждым грубым касанием, каждым резким движением они пытались истязать ненавистную плоть друг друга.

Так прошла ночь, а метель всё не унималась. Снег, словно саван, укрывал спящий лагерь. Измотанные люди, невзирая на ненадежный приют и завывания ветра, погрузились в тяжелый сон. Казалось, даже в забытии они находили утешение в мысли, что завтра не придется подниматься до рассвета. А снаружи, в яростном танце на открытом пространстве, снежная буря над их головами превращалась в глубокое одеяло покоя.

Еще до первых лучей рассвета бабушку настиг кошмар. Она очнулась в липком холодном поту, дрожа всем телом. Сон, подобно ледниковому потоку, прорвавшийся из-под толщи льда, оставил после себя парализующий холод, сковавший кости. Образы ускользнули, но гнетущее предчувствие осталось. Она не могла ни вспомнить увиденное, ни объяснить, почему оно показалось ей столь зловещим предзнаменованием.

В предрассветных сумерках она лежала, вглядываясь в смутные очертания палатки, ожидая той последней, леденящей ясности, в которой должен был раскрыться истинный смысл ночного видения.

Белый войлок снега плотно укутал палатку, пропуская лишь призрачный, приглушенный свет. Рядом, тесно прижавшись друг к другу, спали собаки, ища защиты от яростной стихии, а поперек ее ног, свернувшись калачиком, словно верный пес, дремал Тенек.

Снаружи — ни звука рогов, ни пушечной пальбы, ни голосов просыпающихся людей. Всё погрузилось в оцепенение, затихло под тяжелым снежным саваном. Лишь ветер, завывая еле слышно — как далекий прибой или шепот моря, — напоминал о буре, сковавшей мир в ледяном безмолвии, объятom вечным сном. Казалось, над ними распластала свои крылья сама смерть.

Устремив взгляд ввысь, к заснеженному пологу, бабушка лежала неподвижно, и приглушенный снегом свет мягко касался ее лица. Сон отступил, уступая место полудреме и тихим

грезам. В памяти, словно из небытия, всплывали образы, которые она считала давно утраченными.

Всё казалось иным, словно во сне: другая палатка, другой снег. Но голоса звучали так ясно и отчетливо, будто здесь и сейчас кто-то звал ее: «Линга». Она вздрогнула и открыла глаза. Почему? Ведь это же ее имя!

Но вокруг никого - в палатке тихо, никто не зовет. Да, это было так давно, в другой палатке У Биш-Уба, сверкающего озера, которое еще вчера вечером рябило под дуновением теплого летнего ветра. А проснувшись, она обнаружила лед и снег, пришедшие за одну лишь ночь. Ранняя зима, внезапно налетевшая на летние пастбища, и голос матери, зовущий ее на рассвете.

Неужели она и впрямь когда-то была маленькой девочкой? С тонкой косичкой, перевязанной ярким лоскутком ткани? Как же это далеко, как призрачно. Словно та жизнь принадлежала совсем другому человеку.

Свежие летние утра, помощь матери на дойке, длинные, ясные полосы света, прорезающие еще темную ночь, словно предчувствие нового дня. И птицы, поющие где-то в вышине. Неужели эти дни действительно были в ее жизни?

А потом — она мчалась наперегонки с соседскими детишками в прохладном рассвете, выгоняя стада на пастбище. Они пели, резвились, чувствуя себя такими свободными под согревающим солнцем, опьяненным ветром. Высокая, чистая трава под ногами, огромные белые облака и парящие в зените птицы. Тихий, мирный вечер перед возвращением домой, когда уставшие, но довольные дети слушали сказки старых пастухов-рабов. Особенно запомнился огромный турок: они любили дергать его за усы, а он в шутку боролся с ними и подбрасывал высоко в воздух, пока животы не начинали болеть от смеха. Ах, было ли всё это когда-нибудь на самом деле?

Грели душу даже воспоминания о зиме, когда стада сбивались в большие загоны, укрытые кружевом веток, сквозь которое сыпался снег, уплотняясь и создавая внутри уют, словно в белой пещере. Зимой тоже хватало веселья и игр в снегу! С каким удовольствием они лепили морозные домики из мягких снежных хлопьев, чтобы можно было играть внутри, представляя, что это храм или крепость. И куда более захватывающим занятием было представлять себя замужними женщинами, в своих собственных кибитках! Вспомнилось то время, когда тетя Яна собиралась родить, исчезнув на целых три дня – словно ей предстоял подвиг втрое труднее, чем другим женщинам. С каким же волнением они болтали, лепя снежного младенца, а потом, подкравшись к шаману и дяде Чиаку, что били в гонги и трясли палками, отгоняя демонов, оставили снежное дитя у дверей кибитки и с визгом убежали!

Она вспомнила тот самый первый день, когда мать, посчитав ее достаточно взрослой для постижения женских премудростей, позволила ей остаться и помогать по хозяйству в кибитке целое утро. Этот день запечатлелся в памяти ярким и светлым, будто то было начало большого приключения: подметать пол гибким ивовым веником, носить воду, кормить собак. В каждом простом действии ей чудилось волшебство, тайна, которую она стремилась разгадать. Казалось, овладев этими навыками, она однажды сможет сотворить свою собственную кибитку, полную тепла и уюта. С каким трепетом она собирала в корзину гладкий, словно камень, сухой навоз, осторожно несла аргал для железной жаровни – словно совершала нечто невероятно важное и захватывающее, быть может, даже сравнимое с таинством, что творилось у тети Яны в ее загадочной кибитке!

Она вспомнила день своей свадьбы: ритуал похищения, стремительную скачку в ночи, странную кибитку, наполненную знакомыми женскими лицами, которые не переставали хихикать и щебетать, пока ее наряжали. А потом – пробуждение среди родных железных горшков, своей жаровни, ивового веника, блестящей медной чаши. В собственной кибитке, с собственными стадами, требующими заботы, и мужем, о котором нужно было печься. Словно волшеб-

ный сон воплотился в реальность! Неужели возможно было ощутить такое счастье в простом прикосновении к блестящему медному горшку?

В тусклом свете холодного рассвета бабушка вздохнула. В этом вздохе таилась не горечь, а глубина. Словно ведьмин огонь, влекущий вперед, заставлял оглянуться назад. Боль и труд – вот неизменные спутники существования, от рождения до самой смерти. Так начиналось всё, для матери и ребенка, и так, вероятно, закончится. Вся долгая жизнь, из которой исчезли трепет и острота чувств, где дни стали неотличимы один от другого, казалась теперь далекой, словно чужая. Словно она уже не живет, а просто ждет конца, переступив черту, отделяющую жизнь от вечности.

Она смутно размышляла о нескончаемой череде жизненных забот: добывать соль в соленых болотах под палящим солнцем; готовить еду, щурясь от густого дыма; стричь и чесать шерсть, шить одежду, латать ее нитками, скрученными из сухожилий, что несколько дней пролежали в земле, превратившись в тонкие, но прочные волокна; вышивать замысловатые узоры на халатах и войлоке кибитки; вытапливать масло до состояния сухого, твердого, как железо, запаса на зиму... И это лишь малая часть. Но были и такие воспоминания: жаркая тишина среди болотных трав, нарушаемая лишь звонким, чистым голосом птицы; смутное, глубокое удовлетворение в сумерках, когда дым поднимается к огромному, красочному небу, где сияет белая луна; мирно спящий ребенок у груди; нежное прикосновение чьей-то руки во сне... Она вспоминала глубокий покой природы в такие моменты, словно ради них ее жизнь становилась частью этой безмятежности, словно время замирало где-то вдалеке, там, где все мгновения могли быть такими же, как эти...

Бабушка глубоко, с едва уловимой дрожью, вздохнула, наполняя свои иссохшие легкие воздухом, теплым и злованным от дыхания Тенека, собак и ее собственного. Свет над глазами становился всё ярче, всё белее, проникая сквозь заснеженный полог палатки.

Внезапно она попыталась пошевелиться, сдвинуться с места. Но то ли конечности совсем онемели, то ли Тенек и собаки зажали ее со всех сторон... Или это уже смерть? Что ей снилось – снежные куклы? Медные чайники? Боль, словно два конца натянутой струны, на которой держится чья-то жизнь? Охваченная внезапной, ледящей тревогой, бабушка предприняла отчаянную попытку оттолкнуть Тенека и собак, подняться, выбежать наружу, в снежную тишину, чтобы разбудить всех, пока они не превратились в застывших мертвецов.

Но ей казалось, что она погружается всё глубже и глубже под тяжелое снежное покрывало сугробов, в холодный белый свет, в дымку тумана, где ясность оставалась по-прежнему неуловима. "Субэдэй, Субэдэй!" – попыталась она крикнуть. Но издали теперь доносился зов, приглушенный и сладостный, как предрассветный час, голос, зовущий ее по имени. И с последней дрожью, холодея, словно камень, она смутно подумала: "Что это может быть? Что теперь будет?"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.